

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

SOCIOLOGY

Издается с сентября 1997 г.
(до 2017 г. – под названием «Социология»)

Выходит один раз в квартал

1

2023

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	ДАНИЛОВ А. Н. – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: a.danilov@tut.by
Заместитель главного редактора	РОТМАН Д. Г. – доктор социологических наук, профессор; директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: dgrotman@rambler.ru
Ответственный секретарь	ЩЕЛКОВА Т. В. – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: tanar2002@tut.by

- Бакиров В. С.** Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Харьков, Украина.
Безнюк Д. К. Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Генчель Г. Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Гигин В. Ф. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Докторов Б. З. Независимый аналитик и консультант, США.
Король А. Д. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лапина С. В. Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Макаллистер И. Австралийский национальный университет, Канберра, Австралия.
Мамедов А. К. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Нарбут Н. П. Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.
Семеньска-Жоховска Р. Институт социальных исследований Варшавского университета, Варшава, Польша.
Симхович В. А. Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь.
Титаренко Л. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т. Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Филинская Л. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Халман Л. Тилбургский университет, Тилбург, Нидерланды.
Херпфер К. Венский университет, Вена, Австрия.
Цулелер П. Венский университет, Вена, Австрия.

EDITORIAL BOARD

- Editor-in-chief** **DANILOV A. N.**, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: a.danilov@tut.by
- Deputy editor-in-chief** **ROTMAN D. G.**, doctor of science (sociology), full professor; director of the Centre of Sociological and Political Studies, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: dgrotman@rambler.ru
- Executive secretary** **SHCHYOLKOVA T. V.**, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: tanar2002@tut.by

- Bakirov V. S.** Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine.
Beznyuk D. K. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Halman L. Tilburg University, Tilburg, Netherlands.
Hentschel G. Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
Herpfer K. University of Vienna, Vienna, Austria.
Hihin V. F. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Doktorov B. Z. Independent analyst and consultant, USA.
Filinskaya L. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Karol A. D. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Lapina S. V. Academy of Public Administration under the Aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Makallister I. Australian National University, Canberra, Australia.
Mamedov A. K. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Narbut N. P. RUDN University, Moscow, Russia.
Semen'ska-Zhokhovska R. Institute of Social Researches of the University of Warsaw, Warsaw, Poland.
Simkhovich V. A. Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus.
Titarenko L. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Zulehner P. M. University of Vienna, Vienna, Austria.

УДК 378+004+331

КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Л. Г. ТИТАРЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

На основе краткого экскурса в историю теоретической социологии показано, что современный этап развития социологической теории на мировом уровне характеризуется кризисными чертами. К этим чертам относятся ослабление интереса к теории ведущих социологов, фрагментация социологического сообщества и профессиональных журналов, отказ от признания универсальных моделей общества и законов его развития. Данные обстоятельства обусловили снижение интереса научного сообщества к социологии во всем мире. При росте исследований на микроуровне отсутствует разработка новых парадигм, которые были бы положительно приняты большинством социологов, что также не позволяет преодолеть текущий кризис. Общество, находящееся в состоянии турбулентности и непредсказуемости, не может предложить новую научно обоснованную модель развития мира. Однако на уровне отдельных стран и регионов построение таких моделей возможно и необходимо. Теоретики и практики должны объединить усилия для реконструкции теоретической социологии на чрезвычайно сложном этапе жизни человечества.

Ключевые слова: теоретическая социология; кризис; парадигма; теория; глобализация; повороты; турбулентность.

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (проект № Г21АРМ-020).

Образец цитирования:

Титаренко ЛГ. Кризисные тенденции в развитии социологической теории. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2023;1:4–9. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2023-1-4-9>

For citation:

Titarenko LG. Crisis trends in development of sociological theory. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023;1:4–9. Russian. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2023-1-4-9>

Автор:

Лариса Григорьевна Титаренко – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Larissa G. Titarenko, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences. larissa@bsu.by <https://orcid.org/0000-0002-2207-9894>

CRISIS TRENDS IN DEVELOPMENT OF SOCIOLOGICAL THEORY

L. G. TITARENKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article is based on a brief observation of history of theoretical sociology. It is shown that the development of sociological theories at the world level is characterised by several crisis features. They include the weakening of interest in the theory of leading sociologists, the fragmentation of the sociological community and professional journals, the refusal to recognise the universal models of society and laws of its development. Taken together they led to a decrease in the interest of the scientific community in sociology throughout the world. The lack of new paradigms that would be welcomed by most sociologists, with the growth of research at the micro level, also contributes to the current crisis. A society that is in a state of turbulence and unpredictability cannot offer a new theoretical model of the global development. However, at the level of individual countries and regions, such models are possible and necessary as they can unite the efforts of scholars and practitioners in reconstructing the theoretical level of sociology. The current stage of the global development requires the adequate approaches to its understanding under the new conditions.

Keywords: theoretical sociology; crisis; paradigm; theory; globalisation; turns; turbulence.

Acknowledgements. The research was supported by the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research (project No. Г21APM-020).

Социология стала наукой, когда четко определила собственный объект и предмет исследования. В центре ее интересов изначально находились фундаментальные проблемы развития общества, включая определение природы социального и направлений социальной эволюции [1]. Еще О. Конт и Г. Спенсер заявляли, что социология должна изучать общество как целостную общность, исследуя закономерности его функционирования и развития. Несмотря на то что эти мыслители не работали в университетах и не были признаны в академической среде, их книги обрели популярность. В середине XIX в. социология еще не была полностью институционализирована: она не преподавалась в высших учебных заведениях, не была представлена научными сообществами, по дисциплине издавалось недостаточно литературы. Тем не менее число приверженцев социологической науки росло, поскольку проблемы, которые социологи рассматривали в своих публикациях, были актуальны и интересны для широких интеллектуальных кругов. Социологическая тематика освещалась в общественно-политических и литературных журналах (например, в Российской империи социология как наука не признавалась до начала XX в., но в журнальных статьях излагались социологические идеи, обсуждались работы западных авторов). Когда социология получила статус самостоятельной науки (в конце XIX – начале XX в.), она стала объектом интереса большого числа молодых людей. Не все из них собирались стать профессиональными социологами, но все из них стремились получить научно обоснованные знания об обществе и законах его существования. Курс социологии в университетах привлекал студентов не только социологических специальностей.

Пережив на рубеже XIX–XX вв. серьезный теоретико-методологический кризис, который был связан

с признанием недостаточности позитивистских подходов и методов исследования в науке, социология обогатила свой фундаментальный базис новыми теоретическими подходами и методами и продолжила развитие. На протяжении XX в. в социологии были созданы макротеории, получившие мировую известность и выдвинувшие универсальные законы развития общества (можно ли их и сегодня считать таковыми, не столь важно: в любой науке с течением времени знание подвергается ревизии, поскольку представление об объекте исследования и сами исследовательские подходы и методы меняются). Это структурный функционализм, технократические концепции, постиндустриализм, информационное общество и т. д. Как и раньше, социологи из разных регионов мира стремились изучать созданные западными социологами (и далеко не бесспорные в своей претензии на универсальность) теории и адаптировать их для своего общества. Неофициально закрепился тезис о том, что западные теории являются наиболее зрелыми и в значительной мере применимыми к любому обществу. Данную позицию обосновывал в своих трудах мэтр американской социологии середины XX в. Т. Парсонс, утверждавший, что США – модель развития для всего мира [2].

В 1990-х гг. социологи стран постсоветского пространства приняли как должное западные теории социетальной трансформации, навязывавшие переход к рынку и либеральной демократии независимо от имеющихся условий и предпосылок. Львиная доля теоретического наследия прежнего этапа была либо признана консервативной, либо отброшена. Не избежали этой участи и теории, связанные с марксистской трактовкой общественного развития. Несмотря на провозглашенный плюрализм, в теоретической социологии стремительно нарастали фрагментация и нежелание ученых

поддерживать коммуникацию с научными оппонентами: многие социологические сообщества отделились от других, формировали собственную научную повестку и использовали свои подходы, издавали журналы, не проявляя интереса к другим сообществам или подвергая оппонентов огульной критике. Данную ситуацию наглядно описал М. М. Соколов на примере сообществ в петербургской социологии [3]. В таких условиях вряд ли можно было ожидать создания инновационных теорий в социологии, хотя с учетом радикальных социетальных перемен они были крайне необходимы. Поиск подобных теорий так или иначе шел: регулярно проводились конференции и издавались работы, ставившие вопрос о том, куда идет страна (прежде всего Россия, поскольку ее человеческий потенциал и ресурсы были самыми значительными), по какому пути она должна и может развиваться. С 2001 г. издается ежегодник «Россия реформирующаяся», в подготовке которого принимают участие многие социологи страны и который дает представление о научных поисках в этой области [4].

На рубеже веков широкое распространение в мировом сообществе получили глобалистские концепции, согласно которым мир становится единым и все страны неизбежно втягиваются в тесные связи и отношения, становясь более похожими друг на друга, взаимозависимыми и подчиняясь общим экономическим законам на более высоком уровне интеграции. Для адекватного понимания и описания происходящей бифуркации (деградации старого мира и становления нового) у социологии пока не хватает инструментов, тогда как старые знания о мире устарели [5]. Этап глобализации породил новые теории в мировой социологии, которые также претендовали на универсальность, но отражали критическое отношение авторов к изменениям. Одной из самых популярных стала теория «макдональдизации» общества, описывающая «процесс, в ходе которого принципы работы ресторана быстрого обслуживания начинают влиять на все большее и большее число сфер американского общества, как и остального мира»¹ [6, р. 1–2]. Данный процесс означает доминирование формальной рациональности во всех сферах жизни общества, которая одновременно порождает иррациональность, проявляющуюся в непредсказуемых последствиях. Происходит дегуманизация социума. Теория общества глобального риска сформировалась после чернобыльской аварии. Она утверждала, что во взаимодействии с окружающей средой человечество уже перешло красные линии устойчивого развития, означающие возможность прогнозирования будущего, и что впереди только нарастание рисков и непредсказуемости [7]. Польско-британский теоретик З. Бауман выдвинул постмодернистскую теорию «текучей

современности», согласно которой социальные изменения одновременно происходят на глобальном, национальном, локальном и индивидуальном уровнях. По Бауману эти изменения непрерывно ускоряются, при этом бремя тяжести всех негативных последствий ложится на индивида. Таким образом, понятие «устойчивое развитие», широко используемое в мировой политической практике, приобретает условный характер [8]. Параллельно функционирует теория радикального модерна Э. Гидденса. Важнейшей характеристикой этого общества автор объявляет рефлексивность, при которой социальные практики в свете поступающей информации постоянно проверяются и существенно меняют характер [9, с. 175]. Позднее Дж. Ритцер предложил теорию глобализации «ничто», согласно которой глобализация превращает весь мир в симулякр, преобразуя вещи и людей в артефакты, за которыми пустота, ничто [10].

Поскольку общество на современной ступени развития приобрело характеристики турбулентности, контингентности и непредсказуемости, в теориях данного периода объект исследования и возможности его объяснения и понимания подвергаются серьезному сомнению. Социологические макротеории уже не вызывают всеобщего интереса и уходят на периферию академической науки. Все больше авторов предпочитают не заниматься макросоциологией, концентрируясь на проблемах отдельных социальных феноменов или сфер (семьи, религии и т. д.). В мировом социологическом сообществе исчезает интерес к интегральным макротеориям. Созданные в 1980-х гг. интегральные теории не упоминаются практически нигде, кроме университетских курсов по истории социологии.

Особо необходимо отметить, что состояние неопределенности и кризиса охватывает социологию не только в постсоветских странах, что можно было бы объяснить социально-экономическим контекстом и радикальными политическими пертурбациями, но и в странах социологического мейнстрима, прежде всего в США. Начиная с 1990-х гг. в Америке отчетливо проявляются кризисные настроения и тенденции.

Во-первых, ведущие американские социологи стали шаг за шагом отдаляться от своей профессиональной сферы деятельности (И. Валлерстайн, имея мировую известность, постепенно отказывается от участия в серьезных проектах, предпочитая им написание небольших критических статей на злобу дня). Мало кто из лидеров того периода создает новые теории, а если и создает, то на основе прежних теоретических наработок (так, труд Дж. Александра о гражданском обществе, в отличие от публикаций по культурсоциологии, написан на базе его более ранних исследований [11]). Лишь отдельные

¹Здесь и далее перевод наш. – Л. Т.

из ведущих американских социологов продолжают преподавательскую деятельность в университетах. Например, автор концепции публичной социологии американский социолог М. Буравой вынужден продолжать ежегодно читать базовые дисциплины для первокурсников в Калифорнийском университете в Беркли, чтобы популяризировать свою концепцию и продемонстрировать, что социологические теории нужны прежде всего для обоснования интересов того или иного общественного движения. Однако активная работа ученого по развитию публичной социологии оборачивается тем, что приоритет отдается именно публичной деятельности социолога, миссией которого становятся поддержка общественных организаций и социальных движений [12, с. 14].

Во-вторых, в западной социологии (как и в российской) с 1990-х гг. нарастает дезинтеграция в социологическом сообществе. В США она проявляется в том, что социологи предпочитают коммуницировать между собой только на региональном уровне (в каждом крупном регионе функционируют отдельные социологические общества). Общие съезды Американской социологической ассоциации и Международной социологической ассоциации больше интересуют тех, кто только строит карьеру и ищет новые трибуны для своих идей. Поскольку каждая региональная ассоциация издает профессиональные журналы, высокоцитируемые в местных университетах, мало кто стремится без особой необходимости публиковаться на уровне Международной социологической ассоциации. Как правило, статус западного социолога вообще не зависит от его индекса Хирша или публикаций, индексируемых в базах данных *Scopus* или *Web of Science*.

В-третьих, на взгляд известного американского автора С. Тернера, «в топ-журналах верховодят научные клики, члены которых высоко оценивают только друг друга» [13, р. 152]. Понятно, что ученому, не входящему в эти профессиональные сообщества, практически невозможно опубликоваться в топ-журнале, а таких в США, по мнению С. Тернера, насчитывается как минимум три: *American Journal of Sociology* (старейший в США), *American Sociological Review* и *Annual Review of Sociology* [13, р. 152]. Другие журналы более доступны, их тематика обычно связана с отдельной сферой исследования (например, *Work and Occupations*). Как правило, у каждого журнала своя аудитория, которая часто вообще не знакома с контентом других изданий.

В-четвертых, произошла дезинтеграция популярного в прежние десятилетия движения новых левых. Исторически известно, что левые движения (включая социологию) были склонны к изоляционизму и не стремились к объединению. Но если в 1960–70-х гг. в лоне радикальной левой социологии открывались новые направления для дискус-

сий, то к началу XXI в. все это постепенно исчезло. На смену интеллектуально насыщенным левым движениям пришли широкие социальные движения – феминистские, экологические, националистические (в США – связанные с меньшинствами), которые, по мнению С. Тернера, либо изначально были элитистскими проектами, либо использовались элитой для достижения определенных целей. Эта черта характерна и для европейской социологии: в начале XXI в. экологические проекты стали популярны в Европе и хорошо финансировались спонсорами, заинтересованными в развитии зеленой энергетики независимо от научной обоснованности таких социальных проектов и движений.

В-пятых, широкомасштабные исследования в разных странах, проводившиеся на протяжении нескольких десятилетий в рамках проектов *World Value Studies* и *European Value Studies* (под руководством американского политолога и социолога Р. Инглхарта), к началу XXI в. доказали, что происходящие в мире процессы модернизации, вопреки теории Парсонса, не универсальны. В разных регионах эти процессы обусловлены исторической и социокультурной спецификой. Что еще более важно, исследования доказали, что более высокий уровень экономического развития не всегда способствует продвижению демократии и других либеральных ценностей, как утверждала универсалистская теория модернизации [14, р. 14]. Эмпирически было подтверждено, что модернизационные изменения не являются необратимыми. Экономический коллапс страны может привести к краху модернизации, как это произошло в 1990-х гг. в постсоветских странах. Также было показано, что модернизация не всегда осуществляется по западному образцу, примером чего выступает Япония. Поэтому модернизация не является вестернизацией, а процессы мирового развития идут разными путями. В конечном счете не экономика, а культура была признана отправной точкой модернизации, а ее критерием был назван рост ценностей самовыражения. Невозможно успешно провести модернизацию или социетальную трансформацию общества, опираясь лишь на внешние силы и универсальные модели [15].

В-шестых, с конца прошлого века в социологии появляется множество так называемых поворотов, т. е. отказов от представляющихся устаревшими подходов в пользу новых идей. Повороты чаще всего были связаны с пересмотром представлений об объекте и предмете социологического изучения, отказом от признания социального, а также с разработкой новых проблем и стратегий их анализа в сфере эмпирических исследований. Создатели таких поворотов, как правило, пытаются представить свою теоретическую инновацию как новую теорию или даже парадигму, хотя иногда ограничиваются признанием устарелости прежних социологических

концепций и рассматривают себя как реформаторов социологии. Упомянем лишь самые значимые из поворотов.

Один из ведущих британских теоретиков начала XXI в. Дж. Урри выдвинул три взаимосвязанных поворота, которые, по его убеждению, радикально изменили социологию и составили основу парадигмы мобильностей [16, с. 73]. Это повороты сложности, мобильности и ресурсности. В совокупности они были нацелены на переосмысление устаревших оснований социологии, которые в эпоху «текущей современности» и турбулентности делают бессмысленным сохранение прежнего понятия общества как устойчивой социальной системы. В новую эпоху все движется, поэтому понятие «общество» заменяется понятиями «социальная мобильность» и «социальные сети и потоки» (люди, товары, идеи, информация). Мобильность и ее виды становятся новым объектом изучения социолога, более сложным и требующим междисциплинарного подхода [17]. Дж. Урри предлагал также включить в предмет социологии анализ изменения климата, природы, развития техногенной среды, так как они тесно связаны между собой. Только полная перестройка социологии, по мнению Дж. Урри, обеспечит адекватное познание новой турбулентной социальной реальности.

В конце XX в. был осуществлен культуральный поворот, связанный с именем Дж. Александера. Он означал переосмысление роли культуры в обществе, в частности признание ее автономной детерминантой общественных изменений, оказывающей решающее воздействие на социальные институты и действия [18]. Актуальность культурального поворота Дж. Александер обосновал радикальными изменениями общества постмодерна, а именно диффузностью, нелинейным характером развития, разрывами социума, культурными травмами, релятивизацией норм и ценностей [19, р. 10]. Культуральная социология, согласно взглядам Дж. Александера, позволит каузально объяснить связи культуры и других компонентов общества и раскроет новые стратегии интерпретации социальной жизни.

Повороты в социологии привели к размыванию границ дисциплины. Исследования любых проблем становятся междисциплинарными, а их авторы считают возможным использовать самые разные подходы, теории и методы для получения новых результатов.

Чтобы стало понятным, насколько подобные подходы продуктивны и насколько вовлечение в предметное поле социологии знаний из других дисциплин (неврологии, кибернетики, математики и т. д.) приемлемо для социологической науки, требуется время. Очевидно, что активно происходит перестройка социологии, включая ее теории. Проблема заключается в том, чтобы новое знание не вытесняло старое, т. е. для сохранения фундамента социологии необходимо взаимное приспособление разных блоков знания, в частности их новое комбинирование [13, р. 196].

С учетом непредсказуемого развития современного общества вполне вероятно, что в настоящее время преодоление кризиса теоретической социологии невозможно. На это должны повлиять внешние условия развития, касающиеся не только социологии. Кроме названных черт кризиса социологии, можно было бы отметить черты, обусловленные внешними воздействиями: неспособность социальной теории достаточно быстро осмысливать и обобщать влияние пандемии COVID-19 на глобальное развитие социума, а также корректно рефлексировать и объяснять постоянно возрастающее влияние цифровых трансформаций, которые, бесспорно, радикально меняют социальные процессы и явления и требуют к себе особых подходов. Однако в любом случае необходимо продолжать теоретическое переосмысление того, что достигнуто, и искать пути переориентации теоретического знания в новых условиях. Возможно, в разных регионах теоретическая переориентация будет отличаться. Данное обстоятельство должны учитывать социологи постсоветского региона, как никогда нуждающиеся в макротейоретическом осмыслении сложившейся социальной ситуации.

Библиографические ссылки

1. Дюркгейм Э. *Социология. Ее предмет, метод, предназначение*. Гофман АБ, переводчик и составитель. Москва: Канон; 1995. 352 с.
2. Парсонс Т. *Система современных обществ*. Седов ЛА, Ковалёв АД, переводчики; Ковалёва МС, редактор. Москва: Аспект Пресс; 1998. 270 с.
3. Соколов ММ. Индивидуальные траектории и происхождение «естественных зон» в петербургской социологии. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2010;13(3):111–132.
4. Горшков МК, редактор. *Россия реформирующаяся: ежегодник. Выпуск 20*. Москва: Новый хронограф; 2022. 552 с.
5. Валлерстайн И. *Конец знакомого мира. Социология XXI века*. Иноземцева ВЛ, переводчик. Москва: Логос; 2004. 368 с.
6. Ritzer G. *The mcdonaldization of society*. Thousand Oaks: Pine Forge Press; 1995. 221 p.
7. Бек У. *Общество риска. На пути к другому модерну*. Седелник В, Фёдорова Н, переводчики. Москва: Прогресс-Традиция; 2000. 383 с.
8. Bauman Z. *Liquid modernity*. Cambridge: Polity Press; 2000. 228 p.
9. Гидденс Э. *Последствия современности*. Ольховиков ГК, Кибальчич ДА, переводчики. Москва: Практис; 2011. 352 с.

10. Ritzer G. *Globalization of nothing*. Thousand Oaks: Sage; 2003. 280 p.
11. Alexander J. *The civil sphere*. Oxford: Oxford University Press; 2007. 816 p.
12. Абрахам М. Размышления о Майкле Бурауе и публичной социологии. *Глобальный диалог*. 2022;12(3):13–14.
13. Turner S. *Mad hazard: a life in social theory*. Bingley: Emerald Publishing; 2022. 340 p.
14. Inglehart R, Welzel C. *Modernization, cultural change and democracy: the human development sequence*. New York: Cambridge University Press; 2005. 333 p.
15. Инглхарт Р. *Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир*. Лопатина СЛ, переводчик. Москва: Мысль; 2018. 347 с.
16. Урри Дж. *Мобильности*. Лазарев АВ, переводчик. Москва: Праксис; 2012. 576 с.
17. Урри Дж. *Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия*. Кралечкин Д, переводчик. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2012. 336 с.
18. Alexander J. *The meanings of social life. A cultural sociology*. Oxford: Oxford University Press; 2003. 312 p.
19. Alexander J, Eyerman R, Giesen B, Smelser N, Sztompka P. *Cultural trauma and collective identity*. Berkeley: University of California Press; 2004. 327 p.

References

1. Durkheim E. *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its subject, method, purpose]. Gofman AB, translator and compiler. Moscow: Kanon; 1995. 352 p. Russian.
2. Parsons T. *The system of modern societies*. New Jersey: Prentice-Hall; 1971. 143 p.
Russian edition: Parsons T. *Sistema sovremennykh obshchestv*. Sedov LA, Kovalev AD, translators; Kovaleva MS, editor. Moscow: Aspekt Press; 1998. 270 p.
3. Sokolov MM. Personal careers and social origins of natural zones in St. Petersburg sociology. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2010;13(3):111–132. Russian.
4. Gorshkov M, editor. *Rossiya reformiruyushchayasya: ezhegodnik. Vypusk 20* [Russia in reform: yearbook. Issue 20]. Moscow: Novyi khronograf; 2022. 552 p. Russian.
5. Wallerstein I. *The end of the world as we know it. Social science for the twenty first century*. Minneapolis: University of Minnesota Press; 1999. 277 p.
Russian edition: Wallerstein I. *Konets znakomogo mira. Sotsiologiya XXI veka*. Inozemtseva VL, translator. Moscow: Logos; 2004. 368 p.
6. Ritzer G. *The mcdonaldization of society*. Thousand Oaks: Pine Forge Press; 1993. 221 p.
7. Beck U. *Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne*. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 1986. 396 S.
Russian edition: Beck U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu*. Sedel'nik V, Fedorova N, translators. Moscow: Progress-Traditsiya; 2000. 383 p.
8. Bauman Z. *Liquid modernity*. Cambridge: Polity Press; 2000. 228 p.
9. Giddens A. *The consequences of modernity*. Stanford: Stanford University Press; 1990. 186 p.
Russian edition: Giddens A. *Posledstviya sovremennosti*. Ol'khovikov GK, Kibal'chich DA, translators. Moscow: Praksis; 2011. 352 p.
10. Ritzer G. *Globalization of nothing*. Thousand Oaks: Sage; 2003. 280 p.
11. Alexander J. *The civil sphere*. Oxford: Oxford University Press; 2007. 816 p.
12. Abraham M. [Reflections on Mickael Burawoy and public sociology]. *Global'nyi dialog*. 2022;12(3):13–14. Russian.
13. Turner S. *Mad hazard: a life in social theory*. Bingley: Emerald Publishing; 2022. 340 p.
14. Inglehart R, Welzel C. *Modernization, cultural change and democracy: the human development se-quence*. New York: Cambridge University Press; 2005. 333 p.
15. Inglehart R. *Kul'turnaya evolyutsiya: kak izmenyayutsya chelovecheskie motivatsii i kak eto menyaet mir* [Cultural evolution: how people's motivations are changing and how this change the world]. Lopatina SL, translator. Moscow: Mysl'; 2018. 347 p. Russian.
16. Urry J. *Mobilities*. Cambridge: Polity Press; 2007. 336 p.
Russian edition: Urry J. *Mobil'nosti*. Lazarev AV, translator. Moscow: Praksis; 2012. 576 p.
17. Urry J. *Sociology beyond societies. Mobilities for the twenty-first century*. London: Routledge; 2000. 255 p.
Russian edition: Urry J. *Sotsiologiya za predelami obshchestv: vidy mobil'nosti dlya XXI stoletiya*. Kralchkin D, translator. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2012. 336 p.
18. Alexander J. *The meanings of social life. A cultural sociology*. Oxford: Oxford University Press; 2003. 312 p.
19. Alexander J, Eyerman R, Giesen B, Smelser N, Sztompka P. *Cultural trauma and collective identity*. Berkeley: University of California Press; 2004. 327 p.

Статья поступила в редколлегию 23.01.2023.
Received by editorial board 23.01.2023.

УДК 130.2:321.01

ДИНАМИКА ИДЕИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ КУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

С. З. СЕМЕРНИК¹⁾

¹⁾Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь

Рассматриваются изменения в современной культуре, влияющие на развитие идеи государственности. Обосновывается тезис о том, что трансформации ценностно-смысловой сферы общества, динамика поведенческих стереотипов и жизненных приоритетов субъектов социального взаимодействия существенно влияют на общественное устройство. Сегодня вектор трансформаций в сфере культуры направлен в сторону посттрадиционализма, из-за чего не только меняются формы и способы репрезентации культурных смыслов, но и существенно модифицируется их сущность. Обосновывается мысль о том, что идея государственности в традиционном обществе была комплементарна экономическому и культурному укладу общества. На специфику государственного устройства в обществе эпохи модерна наиболее существенное влияние оказали экономические и политические детерминанты. Однако сегодня позиция экономического детерминизма подошла к своему внутреннему пределу. Отмечается, что экономика, приобретающая глобальный, наднациональный характер, в последние десятилетия все больше влияет на общественное развитие, порождая рискованные политические и социокультурные императивы. В этой ситуации возникает необходимость переосмысления идеи государственности. Содержание и политико-правовое оформление названной идеи способно существенно изменить архитектуру мирового социума, повлиять на условия бытия большинства стран и народов. Необходимо дополнить положения экономического детерминизма презумпциями социокультурного подхода. Верификация содержания культурных трансформаций, затрагивающих ценностно-смысловую сферу общества, является обязательным условием для конструирования объяснительных моделей динамики идеи государственности и развития государства. Вне анализа кардинальных изменений, затрагивающих основы современной культуры, невозможно составить объективное представление о перспективах идеи государственности в ближайшем и отдаленном будущем.

Ключевые слова: социокультурные трансформации; идея государственности; динамика культуры; современность; национальное государство.

THE DYNAMICS OF THE IDEA OF STATEHOOD IN THE CONTEXT OF MODERN CULTURAL TRANSFORMATIONS

S. Z. SEMERNIK^a

^aYanka Kupala State University of Grodno, 22 Ažėška Street, Hrodna 230023, Belarus

The article examines the changes in modern culture that affect the development of the idea of statehood. In particular, the thesis is substantiated that the transformations of the value-semantic sphere of modern society, the dynamics of behavioural stereotypes and life priorities of subjects of social interaction most significantly affect the social structure. The vector of modern cultural transformations is directed towards post-traditionalism, due to which the number of changes in society

Образец цитирования:

Семерник СЗ. Динамика идеи государственности в условиях современных культурных трансформаций. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2023;1:10–16.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2023-1-10-16>

For citation:

Semernik SZ. The dynamics of the idea of statehood in the context of modern cultural transformations. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023;1:10–16. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2023-1-10-16>

Автор:

Снежана Здиславовна Семерник – доктор философских наук, доцент; профессор кафедры философии педагогического факультета.

Author:

Snezhana Z. Semernik, doctor of science (philosophy), doцент; professor at the department of philosophy, faculty of pedagogy.
semernik@grsu.by
<https://orcid.org/0000-0003-4473-9774>

is increasing, changing not just the forms or ways of representing cultural meanings, but significantly modifying the essence of cultural norms as such. The article substantiates the idea that in a traditional society the idea of statehood (and its concrete embodiment in various state forms) was complementary to the economic and cultural way of society. The formation of the specifics of the state structure in the society of the modern era was most significantly influenced by economic and political determinants. However, the position of economic determinism, which was an avant-garde idea of the modern era and determined the specifics of social development over the past few hundred years in European and many non-European countries, has now reached its inner limit, indicating the limits of the applicability of this idea in the space of modern society. It is noted that the influence of the economy, which is acquiring a global, supranational character, has only intensified in recent decades, generating political and socio-cultural imperatives that initiate risky strategies for social development. In this situation, there is a need to rethink the idea of statehood. The substantial content and political and legal formalisation of this idea can significantly change the architectonics of world society, affect the conditions of existence of most countries and peoples in the modern world. Since economic determinism has exhausted its methodological potential in explaining the most important laws of the development of the idea of statehood, there is a need to supplement the provisions of economic determinism with presumptions of a socio-cultural approach. Verification of the content of cultural transformations affecting the value-semantic sphere of society is a necessary condition for constructing explanatory models of the dynamics of the idea of statehood and the development of the state as such. Apart from the analysis of cardinal changes affecting the foundations of modern culture, it is impossible to form an objective idea of the prospects of the idea of statehood in the near and distant future.

Keywords: socio-cultural transformations; idea of statehood; dynamics of culture; modernity; national state.

Введение

В последние десятилетия идея государственности является предметом пристального внимания интеллектуального сообщества. Данная заинтересованность обусловлена серьезными трансформациями института государства. Все активнее тиражируются утверждения о том, что национальное государство, как форма организации общественной жизни, характерная для социума в эпоху модерна, утрачивает определяющее значение в условиях современных социокультурных и экономических преобразований [1; 2]. Глобальная экономика требует глобальных социальных институций, упраздняющих национальную специфику субъектов мировой экономики, политики и культуры. Однако данные утверждения представляются логичными только на первый взгляд. Аргументация, подтверждающая названные тезисы, строится на основе абсолютизации значения экономической составляющей общественной жизни и игнорирования внеэкономических факторов. Несмотря на кардинальную противоположность позиций, патерналистская модель отно-

шений государства с экономической сферой и либеральная идея свободного рынка, редуцирующая роль государства до функции «ночного сторожа» экономики, характеризуются определенной схожестью в предлагаемых социальных картинах мира. Обе сосредоточены на системе отношений по линии *государство – экономика*, практически оставляя за скобками внеэкономическую сферу общественной жизни. Между тем сегодня со все большей очевидностью обнаруживается, что трансформации в ценностно-смысловой сфере общества способны оказывать самое непосредственное влияние на социоэкономическую и политико-правовую динамику социума. Внеэкономические факторы общественного развития, нормы культуры, ценностные ориентации личности выступают сегодня важнейшими социальными конструктами, влияющими на судьбу идеи государственности. Поэтому чрезвычайно актуально раскрыть специфику влияния данных факторов на развитие современного государства и трансформацию идеи государственности.

Материалы и методы исследования

В онтологии любого общества традиционно выделяют экономическую, политическую, социальную и духовную сферы. Несмотря на то что они являются неотъемлемыми элементами любого общества, в разные исторические периоды общественное сознание по-разному оценивало их значение в развитии социума. Традиционное общество в значительной степени ориентировалось на духовную сферу, что проявлялось в господстве религиозной картины мира, ориентации на символический обмен, внеэкономической мотивации трудовой и политической активности. Хозяйственно-экономиче-

ская сфера естественным образом присутствовала в жизни социума, но не маркировалась на уровне общественного сознания как определяющая. М. Мосс, М. Салинз, М. Элиаде и другие ученые, исследуя «естественные народы», обнаружили в практике их хозяйственной жизни отношения, которые можно было описать с помощью понятия «экономика дара», подчеркивающего роль внеэкономического взаимодействия членов некоторой социальной общности [3–5]. Сакральное табуирование прибавочного продукта, отсутствие обмена, основанного на удовлетворении исключительно личного интереса,

не позволили данным народам сформировать государственные образования. Семья, клан, племя – типичные социальные структуры, воспроизводившиеся у «естественных народов» на протяжении длительного периода их существования (отдельные из них сохраняются до сих пор). В то же время народы, перешедшие к разделению частной и общественной собственности и утвердившие принципы товарного обмена и конкуренции, заложили основы отчужденного взаимодействия и формализовали свои отношения, создав юридические законы и обеспечив их исполнение посредством принуждающей силы, характерной для государственных образований. Государство выступило жестким регулятором общественных отношений, внешним инструментом, регламентирующим социальную жизнь человека.

Разнообразные формы государственности в Древнем мире (города-полисы и государства-деспотии [6]) отвечали специфике экономической, социально-политической и культурной жизни, которая была характерна для народов, сформировавших эти социальные институты. В эпоху Средневековья данные народы пережили бум по созданию империй, объединяющих под своей властью целые нации. Желание максимально расширить владения в значительной степени было связано с тем, что для аграрно-ремесленного типа хозяйствования традиционного общества источником накопления богатства выступала земля. Так как обладавшие правом собственности на землю представители знати и духовенства стремились к экономической и политической мощи, натурально-вещественный тип капитала, представлявший собой совокупность произведенной на земле продукции, нуждался в постоянном расширении земельных владений.

Результаты и их обсуждение

Появление такой формы организации общественной жизни, как национальное государство, именно в новоевропейский период развития социума было неслучайным. В это время активно набирали силу капиталистические тенденции общественного развития, осуществлялся переход от аграрно-ремесленного типа производства к промышленно-индустриальному. В результате экономических революций и религиозных реформаций в обществе закрепился предпринимательский тип экономики [8]. Капитал, формировавшийся с учетом ярко выраженной страновой и этнической дифференциации, нуждался в силе, способной поддержать субъекты экономического развития и защитить их от внешних и внутренних угроз. Такую силу капитал нашел в лице национального государства. Государство, как определенным образом организованное для коллективного проживания сообщество людей, имеет огромное значение для развития социума, становления его культурного

Однако уже в завершении эпохи Ренессанса появилась идея о необходимости создания такого социального образования, как национальное государство. Решающее значение для становления и развития национальных форм государственности оказал рост самосознания европейских народов, в частности обнаружение ими культурных различий с другими народами как значимого условия сплочения в единую национальную общность, претендующую на суверенитет и социокультурную специфику. Одна из распространенных точек зрения на вопрос о времени создания национального государства воспроизводит идею Вестфальского мира (1648), определившего характер международных отношений в новоевропейском обществе (и в обществе эпохи модерна в целом). Известный американский политический деятель Г. Киссинджер описывал значение данного события следующим образом: «Вестфальский мир стал поворотным пунктом в истории народов. Отныне именно национальное государство, а не империя, династия или религиозная конфессия, признавалось “кирпичиком” европейского миропорядка. Была выработана концепция государственного суверенитета. Право каждой страны, подписавшей договор, устанавливать собственную внутреннюю структуру и религиозную ориентацию, не опасаясь вмешательства соседей, было закреплено формально» [7].

Таким образом, при рассмотрении вопроса о перспективах идеи государственности необходимо использовать научные методы, базирующиеся на принципах междисциплинарности и методологического плюрализма. Данные принципы предполагают одномоментное применение различных по своей модальности методологических установок, в частности экономического детерминизма и социокультурного подхода.

самосознания. Государство обладает серьезной объединяющей силой, способной согласовывать разнонаправленные и разнокачественные действия людей, сообщая им единство не только по принципу этнической принадлежности, но и в силу совпадения смыслов на уровне общественного сознания. Описывая процесс становления и развития национального государства на территории Европы, российский исследователь Ю. Д. Гранин пишет: «Ведущим фактором в интеграции этнически, конфессионально, культурно и лингвистически разнородных групп людей в некое относительно гомогенное целое (нацию) оказывалось новое – современное – государство, бюрократическая машина которого успешно перемалывала многочисленные этносы, столетиями жившие на территории европейских стран» [9]. Эволюция отношений данной бюрократической машины происходила в направлении от абсолютизации экономической составляющей общественного развития

в эпоху модерна до признания важнейшей роли внеэкономических (культурных, социальных, духовных) факторов в условиях постсовременности. Как уже отмечалось, капитал имеет несколько этапов формирования: начиная от натурально-вещественной формы, выраженной накопительными элементами, которые обладают внутренней потребительной стоимостью (земля, товары и т. д.), и заканчивая финансовой формой существования, потребительная стоимость которой вне ситуации рыночного обмена стремится к нулю. Именно финансовый тип капитала становится доминирующим типом дохода, основой благосостояния в современном обществе, порождая феномен виртуальной, электронной экономики, реальная производительность которой неуклонно падает: созданные в цифровом пространстве товары не имеют прямой потребительной стоимости, основным продуктом данного типа экономики выступают различные финансовые инструменты (фьючерсы, опционы, ценные бумаги, облигации, свопы и т. д.). Сегодня прибыль, получаемая от спекулятивных финансовых игр, значительно превышает прибыль в реальном секторе экономики (в промышленности и сельском хозяйстве), рынок валют и валютных деривативов (производных финансовых инструментов) неуклонно растет. Согласно статистике Банка международных расчетов, средний ежедневный оборот валютного рынка вырос с 1,2 трлн долл. США в 2001 г. до 6,6 трлн долл. США в 2019 г.¹ Сегодня эта цифра составляет более 7 трлн долл. США². Очевидно, что в такой ситуации ни одно государство не способно одержать экономическую победу или хотя бы иметь сопоставимые с мировыми спекулятивными рынками экономические силы, чтобы определять вектор развития общества и обеспечивать свой экономический суверенитет. Эскалация перемен в сфере социально-экономической жизни является фактором, который в условиях глобальной финансовой экономики подрывает жизнеспособность национального государства. Известный британский социолог З. Бауман уверен в том, что современная глобальная финансовая система господствует над национальным государством: «...благодаря “рыхлости” якобы национальной экономики всех сегодняшних стран, а также эфемерности, неуловимости и экстерриториальности пространства, на котором это хозяйство действует, мировые финансовые рынки получили возможность навязывать всей планете свои законы и предписания. Глобализация – это всего лишь тоталитарное внедрение их логики во все сферы жизни. У государств нет ни достаточных ресурсов, ни свободы маневра, чтобы выдержать это давление, просто потому, что для краха предприятия или самого государства достаточно нескольких минут» [10, с. 94].

Если экономика сегодня не может выступить опорой национального государства, потому что логика ее развития требует выхода за пределы отдельной страны и упразднения ее суверенной воли, то, возможно, такой опорой способна выступить политика. Выводы З. Баумана однозначны: «Из-за необузданного и беспрепятственного распространения правил свободной торговли, особенно свободы движения капиталов и финансов, экономика все больше избавляется от политического контроля» [10, с. 95]. Может ли культурная и духовная сфера стать основанием для воспроизведения национального государства?

Культурной и духовной сферам общественного развития принадлежит особая роль в динамике социума. Отличаясь инерционностью и стремлением к длительному воспроизводству важнейших культурно-смысловых констант, данные сферы традиционно являются менее подвижным, чем экономика и политика, феноменом и обеспечивают тождество социокультурной идентичности в условиях стремительных экономических и политических преобразований. Культурные и духовные ценности тиражируются на протяжении столетий и даже тысячелетий и воспроизводят неизменные, важнейшие смыслы, призванные обеспечить безопасность существования общества.

Однако сегодня ситуация кардинально меняется. Отличительной чертой современности является активный пересмотр (реинтерпретация) исконных ценностей культуры. Главным противоречием общественного развития выступает динамичное нарастание социокультурных новаций, не совпадающих с устоявшимися нормами социального функционирования и претендующих на формирование «новой нормальности» как системы принципиально новых оснований жизни во всех ее аспектах [11]. Эпоха модерна в пространстве европейской цивилизации, имевшая исключительно положительное отношение к возникающим в обществе новациям, породила презумпцию безусловного доверия к социокультурным стратегиям, активно меняющим (а нередко и опровергающим) исторически апробированные паттерны поведения субъектов социального взаимодействия. Социум постмодернистского толка, наследовавший родовые черты общества модерна, оказался практически беззащитным перед идеей инновационного преобразования всех сторон общественной жизни, включая духовную. В итоге лозунг инновационности стал универсальным тезисом, способным разрушить твердыню традиционной упорядоченности, этической вменяемости и культурной нормы. Сегодня активно меняются представления о внешне прекрасном и безобразном.

¹Triennial Central Bank survey of foreign exchange and over-the-counter (OTC) derivatives markets in 2022 [Electronic resource]. URL: <https://www.bis.org/statistics/rpfx22.htm> (date of access: 13.10.2022).

²Ibid.

Наблюдается процесс эстетизации безобразного, романтизации разрушительного и неестественного (в качестве иллюстрации можно привести победу бородатых женщин в международных музыкальных конкурсах и даже в конкурсах красоты³). Однако эстетическая составляющая названного процесса – это только внешняя сторона глубинных трансформаций в социуме. Манипуляции с внешне распознаваемыми маркерами культурных предпочтений субъектов социального взаимодействия выступают лишь инструментом кардинального преобразования духовно-нравственной составляющей культуры.

Пересмотру подвергается идея целесообразности защиты общественного и индивидуального сознания от деструктивного влияния, обесценивается презумпция сохранения психологического и физического здоровья отдельной личности и человечества в целом. Благодаря «новонормальным» установкам в информационном пространстве современного общества активно продвигается контент смерти, привлекается внимание к inferнальным сущностям на площадках компьютерных игр, в сюжетах кинофильмов, театральных постановок и даже в мультипликационной продукции.

Итогами подобных антитрадиционных трансформаций являются разрушение устоявшихся в обществе отношений и возникновение новых разделительных линий, маркирующих людей по признаку согласия либо несогласия с новациями, уничтожающими культурные, социальные и даже биологические табу. Следует отметить, что главную угрозу социальному единству представляют новации, которые носят деструктивный характер по отношению к базовым смысловым константам культуры, воспроизводимым на протяжении длительного периода ее существования и затрагивавшим инвариантные характеристики человеческого бытия.

Влияние социокультурных факторов на развитие государства не вызывает сомнения. Решающее значение для устойчивого существования и развития национального государства имеет такой нематериальный фактор, как состояние общественного и индивидуального сознания. Именно на его уровне формируется национальная идентичность – феномен, имеющий важнейшее значение для сохранения социальной общности в целом и национального государства в частности. Национальная идентичность является сложным социокультурным образованием, для создания которого необходим высокий уровень развития самосознания личности и общества. Если для успешного формирования и воспроизводства естественных идентичностей (возрастных, половых и др.) требуется меньшая степень зрелости личности, то для формирования национально-государственной идентичности требуется высокий уровень

согласования общественно значимых смыслов индивидуального и общественного сознания. Проблема состоит в том, что вероятность сохранения национальной идентичности в условиях размывания или разрушения естественных идентичностей (происходящих под эгидой «новой нормальности») стремительно снижается. Как отмечает Ю. Д. Гранин, «угрозы всем национальным и многонациональным государствам Европы эпохи постмодерна связаны с эрозией их культурного фундамента (культурного кода), на котором выстраиваются национальные идентичности» [2, с. 66]. Сохранение культурного фундамента социума сегодня выступает одной из первоочередных задач в вопросе укрепления национального государственного суверенитета. Культурный код традиционного общества, в значительной части воспроизводившийся в обществе модерна, был направлен на сохранение и воспроизводство личности и социума в условиях нарастания динамики социальных процессов. Данный охранительный вектор культуры базировался на системе абсолютных и относительных запретов, табуировавших поведенческие и мировоззренческие особенности личности и общества, которые могли привести к его исчезновению. Антитрадиционная направленность новаций современной культуры избрала в качестве тезиса, подлежащего полному опровержению, именно запретительно-охранительные механизмы культурного развития, стигматизировав их как нарушающие свободу выбора, права личности и т. д. Разрушение данных механизмов подвергает общество огромной опасности, связанной с исчезновением человеческой личности и возникновением «новонормальной», «постчеловеческой» личности, а также с разрушением национального государства и образованием нового типа мировой социальной общности, базирующегося на основе идеи постгосударственности. Постгосударственность предполагает упразднение легитимности совокупности государственных институтов, которые регулируют взаимодействие социальных субъектов во всех сферах жизни на национальном и международном уровнях. Постгосударственность является идейной основой постгосударства – максимально социально-политически гомогенизированного образования, не имеющего четко очерченной структуры, общезначимых правил и норм поведения субъектов социального взаимодействия. Проблема согласования действий элементов социальной системы становится сверхзатратной или даже неразрешимой. Вопрос о том, что может выступить основой постгосударства, той спасительной скрепой, которая удержит его от полного хаоса и распада, лежит в антидемократической плоскости. Единственной силой, способной осуществлять согласование действий мак-

³В конкурсе красоты от организации «Мисс Америка» победил биологический мужчина [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20221111/ssha-257702150.html> (дата обращения: 11.11.2022).

симально разрозненных социальных элементов, выступают высокие технологии, действующие по алгоритмам и осуществляющие контроль за людьми, особенно в силу того, что максимальное число общественных процессов сегодня переводится на онлайн-платформу. Как видим, альтернативой идее государственности выступает идея постгосу-

дарственных образований, способных управлять личностью помимо ее воли и сознания. Таким образом, плата за культурную невменяемость сегодня очень высока, ею является недееспособность идеи государственности, угрожающая упразднению института суверенного национального государства.

Заключение

В современных условиях проблема воспроизводства и сохранения такого социально-политического феномена, как национальное государство, нуждается в особом внимании. Для решения названной проблемы необходимо подвергнуть верификации в первую очередь саму идею государственности. Презумпция экономического детерминизма, вышедшая на авансцену истории в эпоху модерна и рельефно обозначившая огромную роль экономических факторов в развитии идеи государственности, сегодня утрачивает свое значение. Векторы экономического развития, имеющие ярко выраженную глобальную направленность, выступают серьезной угрозой идее государственности, конституирующей основы государства-нации. Идея государственности, которая рассматривается вне ее реализации на уровне нации-государства, но на уровне всемирной общности людей, утверждающей общемировое государство [12], теряет принципиальные черты национального государства. Для сохранения идеи государственности и укрепления основ государства-нации большую роль играют культурно-духовные основания общественного развития. Именно сфера культуры транслирует ценности и смыслы, которые обеспечивают воспроизводство личности, способной сохранять и поддерживать идею государственности.

Однако культурные трансформации современного социума со всей очевидностью обнаруживают движение общества от традиционных ценностей к новым, многие из которых носят деструктивный характер. Новые культурные ценности представляют угрозу сохранению государственной и национальной идентичности. Основным тезисом современных культурных новаций выступает идея отрицания устоявшихся охранительно-запретительных механизмов в культуре. Стигматизация запретов и ограничений на уровне общественного и индивидуального сознания приводит к уничтожению устойчивых представлений о конструктивном и деструктивном, положительном и отрицательном, добре и зле, а также к размыванию естественных и искусственных идентичностей, к числу наиболее важных из которых принадлежит национально-государственная идентичность. Существование государства-нации невозможно вне формирования национально-государственной идентичности. Несформированность последней является рискогенным фактором для современного социума, поскольку очевидной альтернативой идее государственности выступает идея постгосударственности, реализация которой возможна только в условиях общества с абсолютным техническим контролем.

Библиографические ссылки

1. Ohmae K. *The end of the nation state: the rise of regional economies*. London: Harper Collins; 1995. 214 p.
2. Гранин ЮД. Сохранятся ли национальные государства в XXI веке. *Свободная мысль*. 2015;2:65–80.
3. Мосс М. *Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии*. Гофман АБ, составитель и переводчик. Москва: Восточная литература; 1996. 360 с.
4. Салинз М. *Экономика каменного века*. Артёмова О, Огороднова Ю, Огороднов Л, переводчики. Москва: ОГИ; 1999. 296 с.
5. Элиаде М. *Религии Австралии*. Степанянц ЛА, переводчик. Санкт-Петербург: Университетская книга; 1998. 319 с.
6. Мартышкин СЛ. Империи в истории ранней государственности. *Основы экономики, управления и права*. 2013; 3(9):28–31.
7. Киссинджер Г. *Мировой порядок* [Интернет]. 2015 [процитировано 9 ноября 2022 г.]. Доступно по: <https://mybook.ru/author/genri-kissindzher/mirovoj-poryadok/read>.
8. Вебер М. *Избранные произведения*. Давыдова ЮН, редактор и составитель. Москва: Прогресс; 1990. 808 с.
9. Гранин ЮД. Формирование российской нации: коммуникативный аспект. *Credo New* [Интернет]. 2011 [процитировано 1 ноября 2022 г.];4. Доступно по: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/credo-new-2011-4/12048-formirovnie-rossiyskoj-nacii-kommunikativnyy-aspekt.html.
10. Бауман З. *Глобализация. Последствия для человека и общества*. Коробочкина МЛ, переводчик; Яновская ЕВ, редактор. Москва: Весь мир; 2004. 188 с.
11. Плиев СМ. «Новая нормальность» в современном мире: исторические аспекты и актуальные политические практики. *Новое прошлое*. 2021;3:214–220. DOI: 10.18522/2500-3224-2021-3-214-220.
12. Кант И. *К вечному миру* [Интернет] [процитировано 8 сентября 2022 г.]. Доступно по: https://www.civisbook.ru/files/File/Kant_K_vechnomu_miru.pdf.

References

1. Ohmae K. *The end of the nation state: the rise of regional economies*. London: Harper Collins; 1995. 214 p.
2. Granin YuD. Will the «national states» be conserved in the 21st century? *Svobodnaya mysl'*. 2015;2:65–80. Russian.
3. Moss M. *Obshchestva. Obmen. Lichnost'*. *Trudy po sotsial'noi antropologii* [Society. Exchange. Personality. Proceedings in social anthropology]. Gofman AB, compiler and translator. Moscow: Vostochnaya literatura; 1996. 360 p. Russian.
4. Salins M. *Ekonomika kamennogo veka* [The economy of the stone age]. Artemova O, Ogorodnova Yu, Ogorodnov L, translators. Moscow: Ob'edinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo; 1999. 296 p. Russian.
5. Eliade M. *Religii Avstralii* [Religions of Australia]. Stepanyants LA, translator. Saint Petersburg: Universitetskaya kniga; 1998. 319 p. Russian.
6. Martyshkin SL. Empires in history of early states. *Osnovy ekonomiki, upravleniya i prava*. 2013;3(9):28–31. Russian.
7. Kissinger H. *World order* [Internet]. 2015 [cited 2022 November 9]. Available from: <https://mybook.ru/author/genri-kissindzher/mirovoj-poryadok/read>. Russian.
8. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Davydova YuN, editor and compiler. Moscow: Progress; 1990. 808 p. Russian.
9. Granin YuD. Formation of the Russian nation: a communicative aspect. *Credo New* [Internet]. 2011 [cited 2022 November 1];4. Available from: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/credo-new-2011-4/12048-formirovnie-rossiyskoy-nacii-kommunikativnyy-aspekt.html. Russian.
10. Bauman Z. *Globalization. The humane consequences*. Cambridge: Polity Press; 1998. 136 p.
Russian edition: Bauman Z. *Globalizatsiya. Posledstviya dlya cheloveka i obshchestva*. Korobochkina ML, translator; Yanovskaya EV, editor. Moscow: Ves' mir; 2004. 188 p.
11. Pliiev SM. «New normal» in the modern world: historical aspects and current political practices. *The New Past*. 2021;3:214–220. Russian. DOI: 10.18522/2500-3224-2021-3-214-220.
12. Kant I. *To the eternal world* [Internet] [cited 2022 September 8]. Available from: https://www.civisbook.ru/files/File/Kant_K_vechnomu_miru.pdf. Russian.

Статья поступила в редколлегию 27.12.2022.
Received by editorial board 27.12.2022.

СЕТЕВАЯ ВОЙНА КАК ФОРМА ЭСКАЛАЦИИ ПРОТИВОРЕЧИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Ю. Л. БАНЬКОВСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный аграрный технический университет,
пр. Независимости, 99, 220012, г. Минск, Беларусь

Исследуется феномен сетевой войны, выявляются его существенные признаки. Необходимость изучения специфики данного явления обусловлена диффузной амбивалентностью основных направлений движения социума: созидательных и деструктивных трендов развития социальной системы, нормативно-правовых и ресурсно-ценностных устремлений индивидов и групп, позитивного и негативного воздействия конфликтов на общественные процессы. Реконструкция концептуальных оснований сетевой войны способствует прояснению качественных характеристик функционирования современного общества, существование которого сопровождается интенсивным распространением сетевых образований и возрастанием их влияния на все сферы жизнедеятельности человека. Эвристический потенциал социально-философского исследования сетевых структур заключается в выявлении их специфических характеристик: многоканальности, открытости, анонимности, децентрализованности, физической дистанционности акторов и опосредованности их взаимодействия, возможности быстрой эскалации конфликта, публичности, сенсорной редуцированности. Рассмотрение сетевых структур в качестве сложного, полифункционального, многоуровневого и поливариативного образования позволяет исследовать особенности конфликтного взаимодействия людей. Расширение возможностей для формирования общественного мнения и манипулирования поступками и действиями как отдельного человека, так и социальной группы выступает особенностью современного информационно-коммуникационного пространства.

Ключевые слова: сетевые структуры; сетевая война; информация; коммуникация; конфликт.

NETWORK WAR AS A FORM OF CONTRADICTIONS ESCALATION IN MODERN SOCIETY

Y. L. BANKOUSKAYA^a

^aBelarusian State Agrarian Technical University,
99 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220012, Belarus

The purpose of the article is to study the phenomenon of network warfare, to identify its essential features. The need to clarify the specifics of this phenomenon is due to the diffuse ambivalence of the three main directions: creative and destructive trends in the development of the social system, regulatory and resource-value aspirations of individuals and groups, positive and negative impact of conflicts on social processes. The reconstruction of the conceptual foundations of the network war contributes to clarifying the qualitative characteristics of modern society functioning, the specifics of whose existence is due to the increasing spread of network formations and the increase in their influence on all spheres of human activity. The heuristic potential of network structures socio-philosophical study is to identify their specific characteristics that affect the process of the deployment of contradictions, such as multichannel, openness, anonymity, de-centralisation,

Образец цитирования:

Баньковская Ю.Л. Сетевая война как форма эскалации противоречий в современном обществе. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2023;1:17–22.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2023-1-17-22>

For citation:

Bankouskaya YL. Network war as a form of contradictions escalation in modern society. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023;1:17–22. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2023-1-17-22>

Автор:

Юлия Леонидовна Баньковская – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин инженерно-технологического факультета.

Author:

Yuliya L. Bankouskaya, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of social and humanitarian disciplines, faculty of engineering and technology.
ulia_bank@tut.by
<https://orcid.org/0000-0001-9287-7261>

physical distancing of actors, the mediated nature of their interaction, the possibility of rapid escalation of conflict, publicity, sensory reduction. Consideration of network structures as a complex, branched, multifunctional, multilevel and multivariate formation makes it possible to clarify the features of people's conflict interaction. The increase in opportunities for manipulating the deeds and actions of both an individual and a social group, the focus on the formation of public opinion, the lack of reflection aimed at clarifying the essence of the existing problems, is a feature of human existence in the modern information and communication space.

Keywords: network structures; network warfare; information; communication; conflict.

Интенсивное развитие информационно-коммуникационных технологий сопровождается возникновением новых угроз для современного общества. Сегодня социальные сети используются в качестве инструмента воздействия на общественное мнение и расширяют возможности для манипуляций сознанием людей. Транспарентность государственных границ приводит к тому, что в конфликте могут быть задействованы социальные сети разных стран мира. Традиционная модель развертывания конфликтов трансформируется, следовательно, актуализируется необходимость осмысления сетевых процессов.

Универсальный характер сетевой войны проявляется в том, что она охватывает все стороны социальной деятельности человека и выступает одной из доминирующих форм противостояния государств. «Термин “сетевая война” призван привлечь внимание к перспективе того, что сетевые конфликты и преступность станут основными явлениями в ближайшие десятилетия» [1, с. 6]. Социально-философский анализ сущности сетевой войны необходим по причине ее полифункционального влияния на процессы, происходящие в обществе.

Концепция сетевых войн, основанная на принципе роения, впервые была выдвинута Дж. Аквиллой [1]. Так, следует разграничивать понятия «сетевая война», «информационная война», «сетевая война», «гибридная война» и «кибервойна». Сегодня информационные войны приобретают глобальный, всеобъемлющий характер. В современных исследованиях сложилось множество подходов к рассмотрению этого сложного и многогранного феномена.

В рамках геополитического подхода информационная война рассматривается в качестве разновидности межгосударственного конфликта, направленного на получение преимуществ в экономическом или политическом противостоянии. Д. Б. Фролов характеризует данный феномен как «совокупность взаимоотношений между субъектами мирового сообщества или политической системы общества, в рамках которых одни субъекты путем активного воздействия на информационную сферу других субъектов стремятся получить превосходство в экономической, политической, военной и иной области» [2, с. 121].

Психологический подход акцентирует внимание на исследовании воздействия информации на сознание человека. «Технологии психологического воздействия используются как психотропное ору-

жие, как эффективный инструмент ведения широкомасштабных информационно-психологических войн» [3, с. 209].

В рамках коммуникативного подхода информационная война рассматривается в качестве «коммуникативной технологии по воздействию на массовое сознание с кратковременными и долговременными целями» [4, с. 84]. Нестабильность информационно-коммуникативного пространства актуализирует значимость исследования информационных угроз, дестабилизирующих общество, нарушающих политические, технические, правовые, аксиологические и психологические аспекты национальной безопасности.

Военный подход основывается на рассмотрении данного феномена в ракурсе вооруженного противостояния. А. В. Манойло характеризует сетевую войну как «вооруженный конфликт, в котором столкновение сторон происходит в форме информационных операций с применением информационного оружия» [5, с. 307].

Таким образом, информационная война представляет собой одну из разновидностей конфликта, ориентированного на достижение экономических, политических и социокультурных целей посредством комплекса мероприятий. Информационные сети представляют собой новый социокультурный способ конструирования реальности. Они стали использоваться не только в качестве коммуникативной площадки, расширяющей возможности для обмена сообщениями между отдельными субъектами и социальными группами, но и в качестве инструмента эскалации противоречий в обществе.

Гибридная война представляет собой новую форму ведения военных действий, основанную на применении оружия с новыми информационно-техническими средствами нелетального воздействия. В ее основе лежит использование информационных технологий в целях прикрытия военных действий при экономическом давлении. «Гибридная война – это совмещение реальной атаки и символического насилия. Символический терроризм, как одно из самых эффективных средств современной войны, нацелен не на максимальное количество жертв, а на максимальный спецэффект (театральность) от семиотического ущерба» [6, с. 146]. Гибридная война, действуя на центры принятия решений, ведется на физическом, информационном и сетевом уровнях.

Неотъемлемой составляющей сетецентрической войны является военная операция, что в рамках сетевой войны необязательно. Сетевая война ориентирована на воздействие на любые социальные группы в целях установления контроля над приоритетными для данного противоборства сферами жизнедеятельности общества. Это форма социально-политического конфликта, реализуемого с помощью сетевых технологий. Изменения вектора общественного развития осуществляются посредством информационного воздействия на сознание отдельного человека и всей социальной группы.

Кибервойна ориентирована на использование специальных программ для нанесения ущерба промышленным, военным и иным предприятиям. Она имеет два аспекта: технологический и гуманитарный. Технологический аспект связан с использованием субъектами специальных программных средств и компьютерных технологий в целях воздействия на информационную систему. Гуманитарный аспект ориентирован на применение социальных сетей для дезинформационного влияния и формирования определенного общественного мнения. Информация используется в качестве нелетального оружия, воздействующего не только на информационно-технические средства, но и на сознание противника. Таким образом, объектом влияния становятся как технические средства, в функционировании которых нарушается работа сети вследствие внедрения вирусов, логических бомб и других тактических приемов, так и социальные группы, на восприятие и понимание которых оказывается психологическое давление. Дж. Акрилла отмечает, что под кибервойной следует понимать конфликты, характеризующиеся высоким и средним уровнем интенсивности, в то время как для сетевой войны присущ низкий уровень интенсивности [1].

Сетевая война является новым типом гибридных войн и разновидностью информационного противоборства. А. Г. Дугин отмечает, что современные сетевые войны разворачиваются в физической, информационной, когнитивной и социальной сферах жизнедеятельности человека. Для физической сферы присуще реальное столкновение боевых сил, являющееся результатом предельного эффекта воздействия сетевых технологий. В информационной сфере наблюдается процесс накопления, обработки и передачи сообщений. В когнитивной сфере затрагиваются аспекты восприятия и осмысления конфликтной ситуации. В социальной сфере раскрываются исторические, культурные, религиозные, психологические и этнические предпосылки войны [7, с. 11–13]. Кроме того, сетевые войны затрагивают сферу экономического пространства. В таком случае средствами противоборства выступают санкции, эмбарго, кредиты. Сетевая война – это новый способ

организации социального конфликта, форма информационного противоборства, осуществляемого посредством коммуникативных сетей в целях манипулирования поступками и действиями акторов.

Динамичность, расширение зоны пространственного охвата, увеличение количества участников и возможность одновременного вовлечения в противостояние людей из разных государств приводят к тому, что нивелирование деструктивных последствий сетевых войн становится одной из серьезных угроз современному миру. Сетевые конфликты выходят на транснациональный, мультикультурный, глобальный уровень. Использование ИКТ позволяет нивелировать географическую рассредоточенность субъектов.

Целью сетевой войны является негативное воздействие на систему управления противоборствующих сторон, невозможность своевременного и действенного принятия необходимых решений, манипулирование общественным мнением, создание атмосферы политической напряженности, нестабильности, недоверия, хаоса и подозрительности, провоцирование столкновений и массовых беспорядков. Создаются условия для поляризации социальных групп, разделения общества на конфликтующие социальные группы. Результатом взаимной вражды становится либо столкновение противоборствующих объединений, либо их агрессия, направленная против действующих властных структур. Вследствие подрыва доверия к управленческим структурам, дестабилизации социально-политической обстановки создается атмосфера общественного недоверия и напряженности. При этом используются такие средства, как дезориентация социальных групп, дискредитация определенных социальных институтов, дезинформирование о проблемной ситуации, изменение общественного мнения. Сложившаяся модель функционирования общества преобразуется.

Действующими лицами сетевой войны становятся транснациональные террористические группы, наркокартели и другие преступные синдикаты, фундаменталистские движения, контрабандисты, ополченцы, боевики, радикалы, активисты, осуществляющие свою деятельность при помощи интернета. «Ведущим сетевую войну актором является не отдельное государство, но гибкая и многоуровневая структура» [8, с. 22]. Создаются новые формы межличностного взаимодействия.

Сетевая война характеризуется расплывчатостью географических границ. Реально проводимые военные действия могут быть удалены от зоны сетевого конфликта. Государства способны оказывать опосредованное воздействие на проведение боевых действий. «Это общая тенденция современных войн, в которых обмен ударами идет на дальних дистанциях, без опасного сближения, провоцирующего

лобовое столкновение» [9, с. 45]. Характерными признаками сетевой войны выступают мобилизация протестных сил и использование их для приобщения новых сторонников, поддержка конфликтного противостояния с помощью иностранных средств коммуникации.

Специфика сетевой войны проявляется в глобальности пространственных масштабов воздействия на общественное мнение. Информация оказывает влияние на социальную позицию всего мирового сообщества, в результате чего «виртуальный класс становится глобальной силой цифровой супермагистрали» [10, р. 6]. Социальные сети не только обретают роль наиболее распространенного и доминирующего объекта информирования, формирующего общественное мнение, но и превращаются в одно из самых действенных средств манипулирования и вербовки.

Особенностью сетевой войны выступает асимметричность. Она может проявляться в том, что небольшое слабовооруженное государство способно нанести серьезный ущерб другой стране, которая значительно превосходит его в военном плане. Полифункциональность и всеохватность сетевых структур обуславливает их глобальное влияние на социальные процессы.

Субъектами военных действий становятся не специально подготовленные люди, а социальные группы. Более того, в большинстве случаев основными участниками противостояния выступают граждане, не представляющие органы государственной власти. Конфликты, осуществляемые с помощью сетевых способов коммуникации, приводят к усилению значимости позиций, занимаемых негосударственными субъектами.

Сетевая война основана на использовании информации как мощного инструмента воздействия на оппонента. Интернет позволяет привлечь к проблеме внимание множества граждан. Информация становится бесконтактным способом воздействия на сознание и поведение людей. Ее использование направлено на трансформацию сознания не только отдельной личности, но и социальных групп.

Для оказания воздействия на общественное мнение используются искаженные сведения. Так, социальные сети, представляя собой значимый канал распространения новостей о происходящих событиях, нередко транслируют недостоверную информацию. Фейковые сообщения предназначены не столько для привлечения внимания большого количества людей к проблеме, сколько к их побуждению к определенным действиям. Типичным примером является ситуация, когда в интернете «...загружается постановочная фейковая фотография (или письмо, обращение, статья, “экстренное” сообщение) на любую тему, взывающую к врожденным человеческим чувствам сострадания и справедливо-

сти. Миллионы посмотревших фото эмоционально воспринимают контент, не обращая внимания на детали и противоречия, и принимают решение, на которое изначально рассчитывал публикатор для достижения собственных целей» [11, с. 21–22]. Часто в восприятии реальности субъекты ориентированы не на критическое осмысление ситуации, а на личные убеждения, индивидуальное ценностное отношение к происходящим событиям.

Сложность осуществления контроля над всеми поступающими в социальные сети данными подрывает национальную безопасность государства. Информационное воздействие социальных сетей приводит к изменению традиционных норм морали и права, трансформации мировоззрения и культурных кодов, ориентации на ценностно-нормативные стандарты стран Западной Европы и США. В результате формируется усредненный сетевой пользователь, которым легко манипулировать. Он не способен отличить подлинную информацию от ложной и может «выйти на акции протеста против действующей власти по первому же призыву из социальных сетей, даже не задумываясь о правильности своего поступка» [12, с. 13].

В ситуации конфликта информация в социальных сетях практически не бывает ценностно нейтральной. Она направлена на формирование определенного видения проблемы. События интерпретируются таким образом, чтобы спроектировать нужную ценностно-мировоззренческую позицию социального окружения противника. Как отмечал Ф. Фукуяма, «чтобы сети действительно были способны преуспеть в создании порядка, они неизбежно должны зависеть от неформальных норм, занимающих место формально в организации, другими словами, от социального капитала» [13, с. 187].

Высокая скорость трансляции сообщений при одновременном отсутствии возможности рационального восприятия информации приводит к формированию клипового мышления. «Мышление сетевого человека клиповое, то есть основанное на оперативном поверхностном восприятии массы разрозненных фрагментов информации. Ценность информации, получаемой пользователем от сети, определяется по кодам, ключевым словам, а не по содержанию. <...> Сетевое мышление стереотипно, шаблонно и легко программируемо» [14, с. 2627–2628]. В подобной ситуации невозможно критически осмыслить большой массив данных. Часто человек не стремится самостоятельно анализировать поступающую информацию, предпочитая опираться на суждения других людей.

Для сетевых войн присуще максимально возможное сохранение анонимности субъекта, предоставляющего информацию. С одной стороны, анонимность, снижение значимости авторитетов и увеличение доли диссоциативного воображения

создают эффект расслабления в процессе коммуникации [15]. С другой стороны, возникает множество споров о том, кто является подлинным организатором, продуцирующим эскалацию конфликта. Бесконтрольное размещение деструктивных анонимных сообщений становится одним из наиболее действенных преимуществ при ведении сетевой войны. Идентификация человека, распространяющего ложные сведения, и их опровержение требуют значительных затрат.

Применение мультимедийных технологий увеличивает возможности воздействия на сознание больших социальных групп. Постановочные видео или достоверные материалы с наложением определенных комментариев оказывают влияние на формирование общественного мнения. Публикация в социальной сети сообщений о многочисленных жертвах, кадров, снятых «очевидцами» событий, при отсутствии подобных новостей в официальных источниках информации приводит к состоянию массового психоза. Человек перестает анализировать поступающие сведения, испытывает страх и агрессию.

Социальные сети расширяют свои возможности благодаря открытости и ориентации на постоянное привлечение новых пользователей. «Если прежде каждый актер сосредоточивался на своем ресурсе, то сегодня актеры пытаются расширить свою ресурсную базу за счет других, ранее не характерных для них ресурсов, и привлекают непрофессионалов» [16, с. 109].

Урегулирование конфликтов затрудняется вследствие ряда деструктивных факторов. Во-первых, доля манипуляторных тенденций все больше увеличивается при одновременном снижении количества достоверных сведений. Во-вторых, информационная перегрузка содействует фрагментарности знаний человека о проблеме и недостаточности ее критического осмысления. В-третьих, снижение информационной грамотности населения обусловлено недостаточным уровнем рефлексии сложившихся противоречий. Экстенсивный характер конфликтной ситуации, угроза разрушения социальной сети требуют изменения существующих механизмов взаимодействия сетевых структур.

Основным ресурсом, за обладание которым в современном обществе разворачивается борьба, становится информация. Следствием ее деструктивного использования является угроза национальной безопасности государства. Современная система национальной безопасности не может в полной мере противостоять новым рискам. В целях противодействия сложившейся ситуации необходимо принять ряд мер. Во-первых, следует контролировать использование ИКТ деструктивными организациями, следить за появлением сайтов, представляющих ин-

формацию, которая нарушает стабильность функционирования общества. Выявление организационного потенциала сетевой группы, мониторинг ее ресурсов являются значимыми аспектами в оценке возможных угроз. Во-вторых, необходимо предоставлять гражданам полную информацию о проблеме для недопущения распространения слухов, провоцирующих страх, тревожность и беспокойство. Недостоверные сведения из заслуживающих доверия источников заставляют сомневаться в эффективности деятельности органов власти. Для предотвращения негативного воздействия сетевых технологий органы государственной власти осуществляют легитимный контроль над информацией. Необходимость раскрытия анонимности и ограничение доступа к частным сведениям становится одной из задач по сохранению стабильности социального развития. В-третьих, техническая защита информации требует усовершенствования. В-четвертых, должны быть сформированы дополнительные механизмы для межгосударственного сотрудничества в этом вопросе.

Социальные сети представляют собой уникальный инструмент, используемый для информирования граждан, тиражирования успешных стратегий, образования и обмена ресурсами. Развитие ИКТ позволило расширить возможности межличностного взаимодействия. В то же время неотъемлемым атрибутом функционирования современного общества стало образование новой модели войны.

Выявление специфических характеристик сетевой войны обусловлено необходимостью не только познания новых форм взаимоотношений людей, но и поиска путей практического воздействия на функционирование социальной реальности. Сетевая война, как новая разновидность информационного противоборства, обусловлена такими качественными особенностями сетевых процессов, как физическая дистанцированность акторов, опосредованность и анонимность их взаимодействия, снижение уровня ответственности за совершаемые действия, открытость для новых элементов, возможность быстрой эскалации противоречий и координации деятельности множества субъектов.

Применение ИКТ в целях воздействия на поведение человека и формирования определенного общественного мнения становится действенным способом изменения направленности развития государства. Манипулирование поступками человека делает сетевые войны мощным оружием. Одной из типичных реакций граждан на дезинформацию является паника. Отсутствие четко ограниченного пространства информационного противостояния, анонимность лиц, осуществляющих манипулятивное воздействие, обуславливают невозможность изменения международных норм права.

Библиографические ссылки

1. Arquilla J, Ronfeldt D. *Networks and netwars. The future of terror, crime, and militancy*. Santa Monica: RAND; 2003. 376 p.
2. Фролов ДБ. Информационная война: эволюция форм, средств и методов. *Социология власти*. 2005;5:121–143.
3. Кириченко АВ. Информационно-психологические войны: современные тенденции и технологические возможности. *Акмеология*. 2015;56(4):209–214.
4. Почепцов ГГ. *Информационные войны. Новый инструмент политики*. Москва: Алгоритм; 2015. 256 с.
5. Манойло АВ. Технологии современных информационных войн. *Политическая наука*; 2017; спецвыпуск:306–325.
6. Сидоренко ИИ. *Философия насилия: от метафоры к концепту*. Минск: БГУ; 2017. 175 с.
7. Дугин АГ. Сетевые войны. Новая теория войны. В: Коровин В, составитель. *Сетевые войны: угроза нового поколения*. Москва: Евразийское движение; 2009. с. 7–17.
8. Дугин АГ. Теоретические основы сетевых войн. В: Коровин В, составитель. *Сетевые войны: угроза нового поколения*. Москва: Евразийское движение; 2009. с. 18–44.
9. Манойло АВ. Гибридизация мировой политики. В: Цыганков ПА, редактор. *Гибридизация мировой и внешней политики в свете социологии международных отношений*. Москва: Горячая линия – Телеком; 2017. с. 44–96.
10. Kroker A, Weinstein MA. *Data trash. The theory of the virtual class*. Montreal: New World Perspectives; 1994. 176 p.
11. Виссия ХЭРМ, Краснопрошин ВВ, Вальвачев АН. *Принятие решений в информационном обществе*. Санкт-Петербург: Лань; 2019. 228 с.
12. Медовкина ЛЮ. Особенности евразийской модели сетевой войны. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: «Политология. Религиоведение»*. 2020;32:7–19. DOI: 10.26516/2073-3380.2020.32.7.
13. Фукуяма Ф. *Великий разрыв*. Александрава АВ, переводчик. Москва: АСТ; 2003. 474 с.
14. Егорова АГ. Сетевое мышление: деградация или прогресс? *Фундаментальные исследования*. 2014;9(часть 12): 2626–2629.
15. Green MC. Trust and social interaction on the Internet. In: Joinson A, McKenna K, Postmes T, Reips U-D, editors. *Oxford handbook of Internet psychology*. New York: Oxford University Press; 2007. p. 43–52.
16. Лебедева ММ. «Идеальный шторм» как результат гибридизации мировой политики. В: Цыганков ПА, редактор. *Гибридизация мировой и внешней политики в свете социологии международных отношений*. Москва: Горячая линия – Телеком; 2017. с. 97–111.

References

1. Arquilla J, Ronfeldt D. *Networks and netwars. The future of terror, crime, and militancy*. Santa Monica: RAND; 2003. 376 p.
2. Frolov DB. [Information warfare: the evolution of forms, means and methods]. *Sotsiologiya vlasti*. 2005;5:121–143. Russian.
3. Kirichenko AV. Informational-psychological war: modern trends and technological capabilities. *Akmeologiya*. 2015; 56(4):209–214. Russian.
4. Pocheptsov GG. *Informatsionnye voyny. Novyi instrument politiki* [Information wars. A new policy tool]. Moscow: Algoritm; 2015. 256 p. Russian.
5. Manoilo AV. [Technologies of modern information wars]. *Politicheskaya nauka*. 2017; special issue:306–325. Russian.
6. Sidorenko IN. *Filosofiya nasiliya: ot metafory k kontseptu* [Philosophy of violence: from metaphor to concept]. Minsk: Belarusian State University; 2017. 175 p. Russian.
7. Dugin AG. [Network-centric wars. A new theory of war]. In: Korovin V, compiler. *Setevye voyny: ugroza novogo pokoleniya* [Network wars: the threat of a new generation]. Moscow: Evraziiskoe dvizhenie; 2009. p. 7–17. Russian.
8. Dugin AG. [Theoretical foundations of network wars]. In: Korovin V, compiler. *Setevye voyny: ugroza novogo pokoleniya* [Network wars: the threat of a new generation]. Moscow: Evraziiskoe dvizhenie; 2009. p. 18–44. Russian.
9. Manoilo AV. [Hybridisation of world politics]. In: Tsygankov PA, editor. *Gibridizatsiya mirovoi i vneshei politiki v svete sotsiologii mezhdunarodnykh otnoshenii* [Hybridisation of world and foreign policy in the light of the sociology of international relations]. Moscow: Goryachaya liniya – Telekom; 2017. p. 44–96. Russian.
10. Kroker A, Weinstein MA. *Data trash. The theory of the virtual class*. Montreal: New World Perspectives; 1994. 176 p.
11. Vissiya KhERM, Krasnoproshin VV, Val'vachev AN. *Prinyatie reshenii v informatsionnom obshchestve* [Decision-making in the information society]. Saint Petersburg: Lan'; 2019. 228 p. Russian.
12. Medovkina LYu. [Features of the Eurasian model of network warfare]. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series: «Political Science and Religion Studies»*. 2020;32:7–19. Russian. DOI: 10.26516/2073-3380.2020.32.7.
13. Fukuyama F. *Velikii razryv* [The great gap]. Aleksandrova AV, translator. Moscow: AST; 2003. 474 p. Russian.
14. Egorova AG. [Network thinking: degradation or progress?]. *Fundamental Research*. 2014;9(chapter 12):2626–2629. Russian.
15. Green MC. Trust and social interaction on the Internet. In: Joinson A, McKenna K, Postmes T, Reips U-D, editors. *Oxford handbook of Internet psychology*. New York: Oxford University Press; 2007. p. 43–52.
16. Lebedeva, MM. [«The perfect storm» as a result of the hybridisation of world politics]. In: Tsygankov PA, editor. *Gibridizatsiya mirovoi i vneshei politiki v svete sotsiologii mezhdunarodnykh otnoshenii* [Hybridisation of world and foreign policy in the light of the sociology of international relations]. Moscow: Goryachaya liniya – Telekom; 2017. p. 97–111. Russian.

Статья поступила в редколлегию 24.12.2022.
Received by editorial board 24.12.2022.

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

УДК [001.2+001.895]:005.7

РОЛЬ СОВРЕМЕННОЙ ТЕХНОНАУКИ В ПРЕОДОЛЕНИИ ГЛОБАЛЬНОГО ТЕХНОГУМАНИТАРНОГО ДИСБАЛАНСА

В. К. ЩЕРБИН¹⁾

¹⁾Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси,
ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются понятия биологической эволюции, социозэволюции, техноэволюции, интеллектуальной технологии, техногуманитарного баланса и дисбаланса. Анализируются взаимосвязи указанных понятий с концептом «технонаука». Излагается краткая история создания технонауки как новой формы мировой науки. Приводятся основные определения технонауки. Отмечаются ее организационные отличия от традиционной дисциплинарной науки: проблемно ориентированный характер; инновационно-технологическая направленность, трансдисциплинарность, универсализм и подчеркнутая ориентация на решение практических задач, проектность, комплексность, конструктивизм, взаимозависимость технологических и социальных процессов. Определяется роль технонауки как совокупности интеллектуальных технологий в преодолении глобального техногуманитарного дисбаланса. Обосновываются следующие выводы: а) объединение фундаментальных и прикладных исследований, инновационно-технологических разработок, нано-, био- и инфотехнологий, а также когнитивных и социальных технологий в рамках технонауки является итогом конвергенции новейших форм организации этих областей знания; б) формирование современной технонауки стало возможным благодаря включению в ее состав проблемного, синтагматического, инновационно-технологического, трансдисциплинарного, универсального, практико-ориентированного, проектного, комплексного, конструктивного и социально обусловленного аспектов науки; в) для устранения глобального техногуманитарного дисбаланса необходимо объединение усилий представителей естественных, технических, социальных и гуманитарных наук.

Ключевые слова: биологическая эволюция; социозэволюция; техноэволюция; интеллектуальная технология; техногуманитарный баланс и дисбаланс; технонаука.

Образец цитирования:

Щербин ВК. Роль современной технонауки в преодолении глобального техногуманитарного дисбаланса. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2023;1:23–32.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2023-1-23-32>

For citation:

Shcherbin VK. The role of contemporary technoscience in overcoming of the global techno-humanitarian disbalance. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023; 1:23–32. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2023-1-23-32>

Автор:

Вячеслав Константинович Щербин – кандидат филологических наук; ведущий научный сотрудник.

Author:

Vyacheslav K. Shcherbin, PhD (philology); leading researcher.
shcherbin5353@mail.ru

THE ROLE OF CONTEMPORARY TECHNOSCIENCE IN OVERCOMING OF THE GLOBAL TECHNO-HUMANITARIAN DISBALANCE

V. K. SHCHERBIN^a

^aCentre for System Analysis and Strategic Research, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Akademičnaja Street, Minsk 220072, Belarus

The article considers such terms as biological evolution, social evolution, technical evolution, intellectual technology, techno-humanitarian balance and disbalance, etc. It analyses the correlation of the said terms with the technoscience concept. The paper gives a brief history of the technoscience formation being a new form of world science. There are given the basic definitions of technoscience and its organisational differences from traditional disciplinary science: problem-oriented nature of technoscience, innovative and technological focus, transdisciplinarity, universalism and emphasised orientation towards practical problems, project nature, widely understood integration of technoscience, inherent constructivism, the ever growing interdependence between modern technological and social processes. The role of technoscience (as the whole complex of intellectual technologies) in overcoming of the global techno-humanitarian disbalance is defined. The following conclusions are made: a) the technoscience pooling mechanism of such different areas of scientific knowledge as basic and applied research, innovative technological developments, nano-, bio- and infotechnologies, cognitive technologies and social technologies, numerous social structures, is the result of new forms of research convergence in the framework of the above mentioned areas of scientific knowledge; b) the formation of contemporary technoscience has become possible due to the pooling of such organisationally different patterns of science as problem-oriented, syntagmatic, innovative-technological, transdisciplinary, universal, practice-oriented, project, integrated, constructive and socially determined ones; c) about the necessity to combine the efforts of natural, technical, social and humanity sciences to resolve the problem of the global techno-humanitarian disbalance.

Keywords: biological evolution; social evolution; technical evolution; intellectual technology; techno-humanitarian balance and disbalance; technoscience.

Введение

События первых десятилетий XXI в. (мировой экономический кризис 2007–2008 гг., военные конфликты, бесконечный поток мигрантов в страны ЕС) подтвердили прогноз И. Валлерстайна о том, что «социум первой половины XXI века по своей сложности, неустойчивости и вместе с тем открытости намного превзойдет все, виденное нами в веке XX» [1, с. 5]. Буквально на глазах сформировались десятки новых типов общества. В их числе биообщество, нанообщество (описаны в работах А. К. Казанцева, В. Н. Киселёва, Д. А. Рубальтера, О. В. Руденского), демократическое общество (А. Этциони), западниское сверхобщество (А. А. Зиновьев), зрелое индустриальное общество (Р. Инглхарт), зрелое общество зрелых людей (Ю. В. Олейников), идеальное общество (С. Н. Паркинсон), интегративное маятниковое общество, конвергированное общество, смешанное общество (Д. М. Гилязитдинов, П. А. Сорокин), инфантильное общество (Ю. В. Олейников), информационное общество (Г. Бехманн, Д. В. Иванов, М. Кастельс, А. А. Лазаревич), кризисное общество (Н. П. Гончарова, С. Г. Кара-Мурза, И. Н. Протасенко), массовое общество (Ж. Бодрийяр, Д. Белл, Х. Ортега-и-Гассет), миссионерское общество (Г. Киссинджер), общество знаний (Г. Б. Клейнер, В. Л. Макаров, Ф. Махлуп, Н. Штер), общество потребления (Ж. Бодрийяр), общество риска (У. Бек, Г. Бехманн, Т. А. Колесникова, П. Штомпка, О. Н. Яницкий), обще-

ство саморазрушения (О. Ю. Бойцова, Л. Х. Гитис, И. Ефремов, Ж. П. Черкасова), общество самосохранения (Э. Глейзер), общество сетевых структур (М. Кастельс), общество, шокированное будущим (А. Тоффлер), открытое общество (К. Поппер, Дж. Сорос), переходное общество (А. Н. Данилов, У. У. Ростоу), постиндустриальное общество (Д. Белл, В. Инноземцев, Г. Кан, А. Тоффлер, А. Турен, Ж. Фурастьё), постсоветское общество (А. Н. Данилов), рыночное общество (В. П. Макаренко, А. Хиршман), самоорганизующееся общество (Г. Хакен), солидарное общество (Э. Дюркгейм), справедливое общество (И. Валлерстайн, Дж. Гэлбрейт), технологическое общество (Э. Фромм), технотронное общество (З. Бжезинский), хорошее общество (В. Г. Федотова), цивилизованное общество (М. Хоркхаймер) и др.

При этом общей и наиболее характерной чертой перечисленных типов общества является исключительно высокая роль в них экономических, политических, экологических, социальных, инновационных, научно-технических, образовательных и прочих рисков и угроз. Такая высокая подверженность внешнему влиянию обусловлена разными причинами. Одной из них выступают болезни социальных систем. Так, Г. М. Добров утверждает, что «ошибки, провалы и неудачи являются следствием болезней систем и в таком качестве представляют собой ее паразитирующие (патологические) подси-

стемы» [2, с. 87]. Кроме того, современный кризис во многом вызван принятием нерациональных, рискованных решений по жизненно важным для общества вопросам. Р. С. Гринберг отмечает, что «ограничениями рациональности, порождающими принятие неоправданно рискованных решений, могут являться упрощение событий и завышенная уверенность, зависимость от контекста, в котором подается рассматриваемая проблема, чрезмерное внимание к опыту недавнего прошлого и ближайшей перспективе в ущерб длительному опыту и долгосрочной перспективе, стадное поведение, информационные каскады и многие другие обстоятельства» [3, с. 72].

Наличие подобной взаимосвязи между новыми типами общества, с одной стороны, и между многочисленными рискованными явлениями, с другой стороны, позволило У. Беку сделать обоснованный вы-

вод о том, что в борьбе с глобальными опасностями создается глобальное общество; но не только это дает повод говорить о мировом обществе риска» [4, с. 74]. Главной причиной формирования мирового общества риска, на наш взгляд, выступают существенно отличающиеся темпы биологической эволюции человека, социоэволюции и техноэволюции, которые породили постоянно углубляющийся глобальный техногуманитарный дисбаланс и связанные с ним глобальные проблемы человечества. Помимо опасности ядерной катастрофы, к такого рода проблемам относятся «всевозрастающее загрязнение окружающей среды, приводящее к изменению климатических условий; недостаток невозобновимых и возобновимых природных ресурсов; ограничения, связанные с недостатком энергии, продовольствия, воды, и многое другое» [5, с. 52].

Признаки глобального техногуманитарного дисбаланса

Еще до появления и дефинирования таких научных понятий, как техногуманитарный баланс (баланс технологической мощи и качества культурно-психологической регуляции, обеспечивающий внутреннюю устойчивость общества), гипотеза техногуманитарного баланса (гипотеза, согласно которой закон техногуманитарного баланса отражает механизм обострения и временного преодоления антропогенных кризисов на всем протяжении социальной истории и предыстории), закон техногуманитарного баланса (системная зависимость между технологическим потенциалом, качеством культурной регуляции и внутренней устойчивостью), модель техногуманитарного баланса (модель, описывающая причинную зависимость между человеческой деятельностью, антропогенными кризисами, социальными катастрофами и социально-историческим прогрессом [6, с. 497]), в научной, публицистической, философской и художественной литературе уже были представлены многочисленные описания недостатков развития биологической природы человека, созданной им техносферы и социальной структуры общества, а также несоответствий (дисбалансов) в темпах их развития.

Относительно недостатков биологической эволюции человека С. Лем отмечал, что «...эволюция зачастую теряет на своем пути великолепные во многих отношениях решения биологических проблем. Поэтому план построения определенного животного (или же человека) вовсе не является некой суммой всех предшествовавших оптимальных решений. Нам недостает и мускульной силы гориллы, и способностей к регенерации, которой обладают пресмыкающиеся или так называемые низшие рыбы, и механизма постоянного обновления зубов, которым отличаются грызуны, и такой универсальной приспособленности к водной среде, которой обладают земноводные млекопитающие. Не сле-

дует поэтому переоценивать мудрость биологической эволюции, которая уже не раз заводила целые виды в тупик развития, которая повторяла не только полезные решения, но столь же часто и ошибки, ведущие к гибели. Знание, которым обладает эволюция, – это эмпирическое знание, связанное лишь с данным моментом; своим кажущимся совершенством жизнь обязана гигантским безднам пространства и времени, которые она преодолела и в которых – если подводить баланс – все же было больше поражений, чем побед. Знание человека лишь выходит, и то не во всех областях (медленнее всего, наверное, в биологии и медицине), из эмпирического периода. Но уже сейчас можно заметить, что то, для чего достаточны были терпение и настойчивость, озаренные проблесками интуиции, по существу, уже достигнуто. Все остальное – то, для чего требуется величайшая ясность теоретической мысли, – лежит еще впереди» [7, с. 44–45].

По словам С. Павлова, отмеченные С. Лемом недостатки биологической эволюции человека многократно возрастают, если учесть существенные различия в уровнях развития отдельных подсистем человеческого организма: «Например, учеными давно замечено глобальное противоречие между безграничной потенциальной интеллектуальной развития человека и ограниченными возможностями, потребностями, мотивами его биологического организма. Даже на Земле такое противоречие создает множество неразрешимых проблем: отношения добра и зла, Моцарта и Сальери. А что будет в космосе, где тамошний экстрим многократно превышает земной?» [8, с. 157].

По мнению писателя-фантаста И. А. Ефремова, глобальное противоречие в структуре человеческого организма ведет к ухудшению биологических условий жизни человека в результате чрезмерного развития созданной им техносферы: «Ученые забыли,

что великое равновесие природы и конструкция организма есть результат исторического пути невообразимой длительности и сложности, в подчинении и взаимосвязи интегральных частей. Изучение этой сложности, хотя бы в общих чертах, требовало многовековой работы, а земное человечество принялось неосмотрительно и торопливо приспособлять природу к переходящим утилитарным целям, не считаясь с необходимыми людям биологическими условиями жизни. И человек – наследник мучительного миллиардолетнего пути, пройденного планетой, – как неблагодарный и неразумный сын принялся растрчивать, переводить в энтропию основной капитал, ему доставшийся: накопленную в биосфере энергию, которая, как взведенная когда-то пружина, послужила для технического прыжка человечества» [9, с. 357].

К сходному выводу приходит Ю. В. Олейников, ратующий за ускорение социоэволюции человечества: «Антропогенное воздействие на биогенную среду увеличивается, и кризисные процессы нарастают. Кардинально изменить ситуацию может только общество, взяв на себя функцию целенаправленного, планомерного производства и воспроизводства планетарных биогенных констант, т. е. функцию поддержания в благоприятном состоянии для существования человека и других живых организмов биосферы параметров биогенной среды: химического состава и среднегодовой температуры атмосферного воздуха, мощности озонового экрана, радиационного фона на планете и т. п.» [10, с. 240]. Экологическое производство осуществляется во множестве локальных экосистем, где человек с помощью технических средств поддерживает биогенные константы определенной экосистемы. Экологическое производство функционирует, например, при разведении рыбы в прудах и аквариумах (человек поддерживает определенную температуру воды

и химический состав растворенного в ней воздуха). Аналогичные действия совершаются в тепличных хозяйствах, биологических лабораториях и т. д. Результаты данной деятельности могут быть реализованы на рынке и принести прибыль. Ю. В. Олейников отмечает, что в планетарном масштабе экологического производства не было и нет. Планетарные биогенные константы, как фундаментальные биогенные условия существования живых организмов, не могут быть товаром. Они необходимы для жизнедеятельности всей биоты. В них нуждаются все, но частным собственникам или государственным предприятиям невыгодно их производить, поскольку они не будут пользоваться спросом. Именно поэтому никто не занимается производством и воспроизводством планетарных биогенных констант. Экологическое производство в глобальном масштабе может стать реальностью только в обществе, целью бытия которого выступает всестороннее развитие человека [1, с. 240–241].

Если же темпы биологической эволюции человека и социоэволюции человечества по-прежнему будут существенно отставать от темпов мировой техноэволюции, может сбыться следующий прогноз С. Лема: «Лет через сто может оказаться, что ценой, которую пришлось заплатить за рост жизненного уровня и уменьшение безработицы, служит хвостик, вырастающий у каждого шестого ребенка, или общее падение показателя интеллекта в обществе (ведь более умные люди в большей мере мешают регулирующему действию машины, и она будет стремиться уменьшить их число)» [7, с. 154]. Таким образом, устранение различий в темпах биологической эволюции человека, социоэволюции человечества и мировой техноэволюции, которые порождают глобальный техногуманитарный дисбаланс, сегодня является жизненной необходимостью.

Поиск путей преодоления глобального техногуманитарного дисбаланса

Свидетельством того, что человечество давно ищет пути преодоления глобального техногуманитарного дисбаланса, является публикация изданий, посвященных рассмотрению данного феномена [6; 10–22]. Многообразие биологических, социальных, технологических и прочих характеристик глобального техногуманитарного дисбаланса, описанных авторами этих книг, можно объяснить постоянно углубляющимся разрывом в объемах накопленных естественно-научных, технических, социальных и гуманитарных знаний.

Как справедливо заметила О. Зиновьева, «...сегодня между гуманитарными и естественными науками образовался серьезный разрыв. И этот разрыв выражается даже не в кризисе, а в настоящей деградации и – можно смело утверждать – в деструк-

ции научного знания» [23, с. 273]. Сходного мнения о разрыве между разными типами знаний придерживается И. Б. Пржиленская: «...наши знания в области наук о человеке ничтожно малы по сравнению со знаниями в области техники и естествознания» [24, с. 384]. Е. Н. Мельникова даже попыталась определить количественные рамки указанного разрыва: «Огромная часть современных научных знаний – это знания о материальном мире. <...> Малая часть имеющихся знаний – это знания обо всем живом мире и менее одного процента о человеке, его сущности и сознании» [25, с. 16–17].

Указанный разрыв между типами знаний возник не сегодня и даже не вчера. Еще в середине прошлого века американский публицист-сатирик С. Н. Паркинсон писал: «Центральная проблема

базирующихся на статистической или математической формуле; статистические и логические методы, которые используются для обращения с организованной сложностью, являются попыткой формализовать набор правил, в соответствии с которыми принимаются решения» [32, с. 38–39]. И. В. Бурмыкина обоснованно утверждает, что сегодня именно «социальные технологии выступают как средство смягчения эволюционного дисинхроза между темпами технологического и социального развития посредством рефлексивности, способности анализировать последствия, соотносить их с прошлым и антиципировать будущее, а также корректироваться в связи со складывающейся ситуацией» [33, с. 155].

К началу XXI в. мировой научной общественности удалось совместить указанные подходы в рамках новых комплексных форм организации миро-

вой науки. Среди подобных форм можно назвать исторически реконструируемое естествознание¹ (В. С. Стёпин), мультидисциплинарный социальный анализ (А. Л. Андреев), нанонауку (О. В. Летов, М. Романовский), нанотехнологическую науку (А. Г. Ваганов), нанотехнонауку (В. Г. Горохов, А. С. Сидоренко), нано-, био-, инфотехнологии, а также когнитивные и социальные технологии, или НБИКС-технологии (А. А. Аргамакова), социальную техническую науку (Л. А. Воскобитова, В. И. Пржиленский), социальную физику (О. Конт, А. Пентленд), технизированную науку (Н. А. Ермоловский, В. В. Красникова), технонауку (А. А. Аргамакова, А. Л. Андреев, Д. И. Бондаренко, П. А. Витязь, В. Г. Горохов, Н. А. Иванова, И. Т. Касавин) и др. Наиболее распространенным названием новой комплексной формы организации мировой науки является концепт «технонаука».

Использование технонауки в преодолении глобального техногуманитарного дисбаланса

В XXI в. совокупность информационных, коммуникационных, когнитивных, социальных технологий, а также нано- и биотехнологий стала обозначаться концептом «технонаука» [34; 35]. Процесс формирования данного комплекса взаимодействующих интеллектуальных технологий В. С. Стёпин описывал следующим образом: «До последней трети XX столетия применение научных знаний происходило преимущественно по схеме “фундаментальные исследования – прикладные исследования – разработка новых технологий – внедрение”. Предложения ноу-хау шли от науки, а проблема их внедрения осуществлялась как поиск тех или иных видов деятельности, в которых новые технологии будут использованы. Но по мере развертывания научно-технической революции 60–70-х гг. XX в. и развития мирового рынка запросы на новые технологии все чаще начинают идти от самого производства. Процесс технологического обновления становится условием успеха в конкурентной борьбе на мировом рынке. Новые технологии начинают изготавливаться под заказ производителей той или иной продукции. Проблемы внедрения в таких ситуациях практически устраняются. Площадка для внедрения готова заранее, остается найти научную организацию, которая выполнит технологический заказ. Расширение этого способа технологического обновления, продиктованного потребностями современного рынка, порождает особую деятельность по систематической разработке новых технологий с учетом новых потребностей рынка. Они становятся специфическим товаром, и их продажа образует особый

расширяющийся сегмент мировой торговли. Все эти процессы, ускоренно развивающиеся в последней трети прошлого столетия, породили новую стадию развития науки и ее взаимодействия с обществом. Возникает технонаука как своего рода симбиоз науки и технологий, ориентированный на запросы рынка» [36, с. 150].

Свой взгляд на процесс формирования технонауки представил также В. Г. Горохов. По его мнению, центр внимания современных исследований сместился с рассмотрения техники самой по себе на процесс ее взаимодействия с обществом. Именно под знаком этого тренда в начале XXI в. появилась новая стадия развития науки, получившая название технонауки. «Технонаука – это не техническая наука, а новая форма организации науки, интегрирующая в себя многие аспекты как естествознания и техники, так и гуманитарного познания» [37, с. 9].

Подобные выводы о феномене технонауки приводятся также в статье [38]. В работе отмечается, что механизм объединения разных направлений в рамках современной технонауки является итогом конвергенции ряда новейших принципов организации научных исследований. В их числе проблемно ориентированный характер технонауки, ее инновационно-технологическая направленность, трансдисциплинарность, универсализм и подчеркнутая ориентация на решение практических задач, проектность, комплексность, конструктивизм, взаимозависимость инженерных и социальных технологий. Формирование технонауки стало воз-

¹Такое «естествознание начинает все шире использовать принцип исторической реконструкции, которая выступает особым типом теоретического знания, ранее применявшегося преимущественно в гуманитарных науках (истории, археологии, историческом языкознании и т. д.)» (Стёпин В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопр. филос. 1989. № 10. С. 3–18).

возможным благодаря объединению проблемного, синтагматического, инновационно-технологического, трансдисциплинарного, универсального, практико-ориентированного, проектного, комплексного, конструктивного и социально обусловленного аспектов науки [38, с. 77].

Кроме того, отдельные философы отмечают прочную связь технауки с биологической и социальной науками. Так, И. Т. Касавин пишет о том, что бионаука, как прикладное исследование, представляет собой органическую часть технауки, нацеленной на использование приложений в рыночной экономике. Теория в биологии утратила прежнюю ценность и стала основанием для философских спекуляций. Это плоды междисциплинарного империализма, востребованного в прикладных проектах, ценных для власти и бизнеса, но мало что дающих для интертеоретического взаимодействия. «Крупные проекты такого рода инспирированы в основном социальными задачами и рассматриваются просто как их реализация, хотя фактически выходят за их пределы и модифицируют исходный социальный

заказ» [39, с. 11]. Б. Г. Юдин считает, что «технаука имеет дело прежде всего не с объектами как таковыми, а с обширными контурами, включающими, помимо этих объектов, также совместную согласованную деятельность самых разных людей и социальных структур» [40, с. 331]. А. А. Аргамачева детально анализирует социогуманитарное измерение технауки и приходит к выводу о том, что разработки в области конвергентных НБИКС-технологий дают образец технауки. Попытки поставить между ними знак равенства неоправданно ограничили бы область технауки. Ведь в той же мере к ней можно отнести аэрокосмические исследования, военные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, а также другие потенциальные направления научного знания [41, с. 121].

Таким образом, сегодня технаука является максимально широкой, комплексной, междисциплинарной областью знаний, которая может выступать в качестве методологической основы для исследований, способствующих преодолению глобального техногуманитарного дисбаланса.

Заключение

Механизм объединения в рамках технауки таких областей научного знания, как фундаментальные и прикладные исследования, инновационно-технологические разработки, НБИКС-технологии, сложился в процессе симбиотического развития ряда новейших форм организации этих областей знания. Формирование технауки стало возможным благодаря объединению проблемного, синтагматического,

инновационно-технологического, трансдисциплинарного, универсального, практико-ориентированного, проектного, комплексного, конструктивного и социально обусловленного аспектов науки.

Для решения проблемы глобального техногуманитарного дисбаланса необходимо объединение усилий представителей естественных, технических, социальных и гуманитарных наук.

Библиографические ссылки

1. Валлерстайн И. *Конец знакомого мира. Социология XXI века*. Иноземцева ВИ, переводчик. Москва: Логос; 2004. 368 с.
2. Добров ГМ. Капутология, или Прикладной системный анализ неудач. В: Маліцький БА, редактор. *Добров Геннадій Михайлович (1929–1989)*. Київ: Фенікс; 2004. с. 81–127.
3. Гринберг РС. Кризис и пути его преодоления. В: Российский гуманитарный научный фонд. *Аналитические доклады победителей конкурса «Россия в условиях мирового кризиса»*. Москва: Языки славянских культур; 2009. с. 70–94.
4. Бек У. *Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию*. Григорьев А, Седелник В, переводчики. Москва: Прогресс-Традиция; 2001. 303 с.
5. Водопьянов ПА, Сидоренко ИН. Рациональные идеи проекта нового Просвещения и контуры достижения безопасного будущего. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;3:49–54. DOI: 10.33581/2521-6821-2020-3-49-54.
6. Назаретян АП. *Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании*. Москва: Аргамач-Медиа; 2015. 512 с.
7. Лем С. *Сумма технологий*. Москва: АСТ; 2019. 640 с.
8. Павлов С. В поисках новой обители. *Беларуская думка*. 2002;9:149–157.
9. Ефремов ИА. *Час Быка*. Санкт-Петербург: Азбука; 2019. 512 с.
10. Олейников ЮВ. Глава XV. Человечество на распутье: тенденции эволюции. В: Федотова ВГ, редактор. *Меняющаяся социальность: контуры будущего*. Москва: ИФРАН; 2012. с. 225–246.
11. Назаретян АП. *Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры: синергетика исторического прогресса*. Москва: Наследие; 1996. 184 с.
12. Левит СЯ, составитель. *Гуманитарное знание и вызовы времени*. Санкт-Петербург: Университетская книга; 2014. 480 с.
13. Дубровский ДИ, Климова СМ, редакторы. *Глобальное будущее 2045. Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты. Материалы Первой Всероссийской конференции; 11–12 апреля 2013 г.; Белгород, Россия*. Москва: Канон + РООИ «Реабилитация»; 2014. 352 с.

14. Терборн Й. *Мир. Руководство для начинающих*. Горбунова ЕМ, Титаренко ЛГ, переводчики. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2017. 336 с.
15. Харари ЮН. *Sapiens. Краткая история человечества*. Сумм Л, переводчик. Москва: Синдбад; 2016. 520 с.
16. Месуди А. *Культурная эволюция. Как теория Дарвина может пролить свет на человеческую культуру и объединить социальные науки*. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС; 2019. 384 с.
17. Харари ЮН. *Ното Deus. Краткая история будущего*. Андреев А, переводчик. Москва: Синдбад; 2019. 496 с.
18. Харари ЮН. *21 урок для XXI века*. Голдберг Ю, переводчик. Москва: Синдбад; 2019. 416 с.
19. Курцвейл Р. *Эволюция разума: как развитие искусственного интеллекта изменит будущее цивилизации*. Мосолова ТП, переводчик. Москва: Эксмо; 2020. 448 с.
20. Момджан КХ, Цуркан ЕГ, Антоновский АЮ, Бараш РЭ, Ефремов ОА, Кржевов ВС и др. *Социальный эволюционизм сегодня: к 150-летию публикации книги Чарльза Дарвина «Происхождение человека и половой отбор*. Москва: Логос; 2021. 262 с.
21. Бродель Ф. *Грамматика цивилизаций*. Ситников БА, переводчик. Москва: Альма-Матер; 2022. 523 с.
22. Фром Э. *Революция надежды*. Панфилова Т, переводчик. Москва: АСТ; 2022. 256 с.
23. Зиновьева О. «Курчатник» плюс «зиновейник»: как преодолеть разрыв между науками. В: Зиновьева ОМ, Солодухин ЮН, Лепехин ВА, Зиновьева КА, составители. *Александр Зиновьев и актуальные проблемы логики и методологии*. Москва: Канон + РООИ «Реабилитация»; 2017. с. 271–276.
24. Пржиленская ИБ. Лекция 9. Техника, рациональность и общество. В: Пржиленский ВИ, составитель. *Лекции по философии науки*. Москва: МарТ; 2008. с. 378–424.
25. Мельникова ЕН. *Интеллект. В лабиринтах смыслов*. Москва: Знание; 2013. 544 с.
26. Паркинсон СН. *Законы Паркинсона*. Муравьев ВС, составитель. Москва: Прогресс; 1989. 448 с.
27. Ортега-и-Гассет Х. *Восстание масс*. Гелескул А, переводчик. Москва: АСТ; 2018. 256 с.
28. Лем С. *Этика технологии и технология этики. Модель культуры*. Душенко КВ, составитель. Пермь: Бегемот; 1993. 92 с.
29. Семёнов ЕВ. *Мерцающий свет науки: миссия Российского гуманитарного научного фонда*. Москва: РОССПЭН; 2001. 456 с.
30. Ильичёв ЛФ. *Философия и научный прогресс. Некоторые методологические проблемы естествознания и обществознания*. Москва: Наука; 1977. 319 с.
31. Бабосов ЕМ. *Наука и человекомерность окружающей реальности*. Минск: Беларуская навука; 2021. 299 с.
32. Белл Д. *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования*. Иноземцев ВЛ, переводчик. Москва: Academia; 1999. 944 с.
33. Бурмыкина ИВ. Методологические основания теории социальных технологий современности. *Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология*. 2013;4:151–161.
34. Витязь П, Щербин В. Современная технонаука – результат конвергенции новых форм организации научных исследований. В: Патон Б, Малицкий Б. *Национальные академии наук: современное состояние, проблемы, перспективы развития и приоритеты сотрудничества в рамках МААН. Материалы международного симпозиума; 6–7 июня 2019 г.; Киев, Украина*. Киев: Наш формат; 2019. с. 69–88.
35. Meijers AWM, Gabbay DM, Thagard P, Woods J, editors. *Philosophy of technology and engineering sciences. Handbook of the philosophy of sciences*. Amsterdam: Elsevier; 2009. 1472 p.
36. Стёпин ВС. Изменения в структуре науки и современный статус фундаментальных исследований. В: Арутюнов В, Лисичкин Г, Малинецкий Г. *Наука России. От настоящего к будущему*. Москва: Либроком; 2009. с. 150–157.
37. Лекторский ВА, Пружинин БИ, Алексева ИЮ, Аршинов ВИ, Горохов ВГ, Дубровский ДИ и др. Конвергенция биологических, информационных, нано- и когнитивных технологий: вызов философии (материалы круглого стола). *Вопросы философии*. 2012;12:3–23.
38. Витязь ПА, Щербин ВК. Современная технонаука: механизм функционирования и организационные отличия. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;2:66–78.
39. Лекторский ВА, Касавин ИТ, Юдин БГ, Неретина СС, Аванесов СС, Смирнов СА и др. Гуманитарные науки: вчера, сегодня, завтра (материалы круглого стола). *Человек*. 2015;2:6–41.
40. Юдин БГ. Точка зрения искусственного. В: Кузнецова НИ, редактор-составитель. *Познающее мышление и социальное действие: наследие Г. П. Шедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли*. Москва: Ф.А.С.-Медиа; 2004. с. 306–335.
41. Аргамакова АА. Социогуманитарное измерение технонауки. *Эпистемология и философия науки*. 2017;52(2): 120–136.

References

1. Wallerstein I. *The end of the world as we know it: social science for the twenty-first century*. London: University of Minnesota Press; 1999. 277 p.
Russian edition: Wallerstein I. *Konets znakomogo mira. Sotsiologiya XXI veka*. Inozemtseva VI, translator. Moscow: Logos; 2004. 368 p.
2. Dobrov GM. [Kaputology, or Applied systemic analysis of failures]. In: Malic'kyj BA, editor. *Dobrov Gennadij Myhajlovych (1929–1989)* [Gennadiy Mykhailovych Dobrov (1929–1989)]. Kyiv: Feniks; 2004. p. 81–127. Russian.
3. Grinberg RS. [Crisis and ways of its overcoming]. In: Rossiiskii gumanitarnyi nauchnyi fond. *Analiticheskie doklady pobeditelei konkursa «Rossiya v usloviyakh mirovogo krizisa»* [Analytical papers of winners of competition «Russia in the conditions of world crisis»]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur; 2009. p. 70–94. Russian.
4. Beck U. *Что takoe globalizatsiya? Oshibki globalizma – otvety na globalizatsiyu* [What is globalisation? The mistakes of globalism – responses to globalisation]. Grigor'ev A, Sedel'nik V, translators. Moscow: Progress-Traditsiya; 2001. 303 p. Russian.

5. Vodopiyanov PA, Sidorenko IN. Rational ideas of new Enlightenment project and the contours of achieving a safe future. *The Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;3:49–54. Russian. DOI: 10.33581/2521-6821-2020-3-49-54.
6. Nazaretyan AP. *Nelineinoe budushchee. Megaistoriya, sinergetika, kul'turnaya antropologiya i psikhologiya v global'nom prognozirovanii* [The nonlinear future. Mega-history, synergetic, cultural anthropology and psychology in the global forecasting]. Moscow: Argamak-Media; 2015. 512 p. Russian.
7. Lem S. *Summa tekhnologii* [Amount of technology]. Moscow: AST; 2019. 640 p. Russian.
8. Pavlov S. [In the searches of new dwelling-place]. *Belaruskaja dumka*. 2002;9:149–157. Russian.
9. Efremov IA. *Chas Byka* [The hour of Bull]. Saint Petersburg: Azbuka; 2019. 512 p. Russian.
10. Oleinikov YuV. [Chapter XV. The humankind at the crossroads: trends of evolution]. In: Fedotova VG, editor. *Mezhyayushchayasya sotsial'nost': kontury budushchego* [The changing sociality: contours of future]. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; 2012. p. 225–246. Russian.
11. Nazaretyan AP. *Agressiya, moral' i krizisy v razvitii mirovoi kul'tury: sinergetika istoricheskogo progressa* [Aggression, morals and the crisis in the development of world culture: synergetics of historical progress]. Moscow: Nasledie; 1996. 184 p. Russian.
12. Levit SYa, compiler. *Gumanitarnoe znanie i vyzovy vremeni* [The humanities knowledge and challenges of time]. Saint Petersburg: Universitetskaya kniga; 2014. 480 p. Russian.
13. Dubrovskii DI, Klimova SM, editors. *Global'noe budushchee 2045: Antropologicheskii krizis. Konvergentnye tekhnologii. Transgumanisticheskie proekty. Materialy Pervoi Vserossiiskoi konferentsii; 11–12 aprelya 2013 g.; Belgorod, Rossiya* [The global future 2045. Anthropological crisis. Convergence technologies. Transhumanities projects. Proceedings of the First all-Russian conference; 2013 April 11–12; Belgorod, Russia]. Moscow: Kanon + ROOI «Reabilitatsiya»; 2014. 352 p. Russian.
14. Therborn G. *The world. A beginner's guide*. Cambridge: Polity Press; 2011. 265 p.
Russian edition: Therborn G. *Mir. Rukovodstvo dlya nachinayushchikh*. Gorbunova EM, Titarenko LG, translators. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2017. 336 p. Russian.
15. Harari YuN. *Sapiens. Kratkaya istoriya chelovechestva* [Sapiens. The brief history of humankind]. Summ L, translator. Moscow: Sindbad; 2016. 520 p.
16. Mesoudi A. *Kul'turnaya evolyutsiya. Kak teoriya Darvina mozhet prolit' svet na chelovecheskuyu kul'turu i ob'edinit' sotsial'nye nauki* [Cultural evolution. How Darwinian theory can explain human culture and synthesise the social sciences]. Moscow: Izdatel'skii dom «Delo» RANKhiGS; 2019. 384 p. Russian.
17. Harari YuN. *Homo deus. Kratkaya istoriya budushchego* [Homo deus. The brief history of future]. Andreev A, translator. Moscow: Sindbad; 2019. 496 p.
18. Harari YuN. *21 urok dlya XXI veka* [21 Lessons for the 21st century]. Goldberg Yu, translator. Moscow: Sindbad; 2019. 416 p. Russian.
19. Kurzweil R. *How to create a mind: the secret of human thought revealed*. London: Penguin Books; 2012. 347 p.
Russian edition: Kurzweil R. *Evolutsiya razuma: kak razvitie iskusstvennogo intellekta izmenit budushchee tsivilizatsii*. Mosolova TP, translator. Moscow: Eksmo; 2020. 448 p.
20. Momdzhhan KKh, Tsurkan EG, Antonovskii AYu, Barash RE, Efremov OA, Krzhevov VS, et al. *Sotsial'nyi evolyutsionizm segodnya: k 150-letiyu publikatsii knigi Charl'za Darvina «Proiskhozhdenie cheloveka i polovoi otbor»* [The social evolutionism today: to 150 years of publication of Charles Darwin's book «The descent of man and selection in relation to sex»]. Moscow: Logos; 2021. 262 p. Russian.
21. Braudel F. *Grammatika tsivilizatsii* [Grammar of civilisations]. Sitnikov BA, translator. Moscow: Al'ma-Mater; 2022. 523 p. Russian.
22. Fromm E. *Revolutsiya nadezhdy* [The revolution of hope]. Panfilova T, translator. Moscow: AST; 2022. 256 p. Russian.
23. Zinov'eva O. [«Kurchatnik» plus «zinoveinik»: how to overcome break between sciences]. In: Zinov'eva OM, Solodukhin YuN, Lepikhin VA, Zinov'eva KA, compilers. *Aleksandr Zinov'ev i aktual'nye problemy logiki i metodologii* [Alexander Zinov'ev and actual problems of Logic and methodology]. Moscow: Kanon + ROOI «Reabilitatsiya»; 2017. p. 271–276. Russian.
24. Przhilenskaya IB. [Lecture 9. Technology, rationality and society]. In: Przhilenskii VI, compiler. *Lektsii po filosofii nauki* [Lectures on philosophy of science]. Moscow: MarT; 2008. p. 378–424. Russian.
25. Mel'nikova EN. *Intellekt. V labirintakh smyslov* [The intellect. In labyrinths of senses]. Moscow: Znanie; 2013. 544 p. Russian.
26. Parkinson SN. *Zakony Parkinsona* [The laws of Parkinson]. Murav'ev VS, compiler. Moscow: Progress; 1989. 448 p. Russian.
27. Ortega-i-Gasset J. *Vosstanie mass* [Revolt of the masses]. Geleskul A, translator. Moscow: AST; 2018. 256 p. Russian.
28. Lem S. *Etika tekhnologii i tekhnologiya etiki. Model' kul'tury* [The ethics of technology and the technology of ethics. The model of culture]. Dushenko KV, compiler. Perm': Begemot; 1993. 92 p. Russian.
29. Semenov EV. *Mertsayushchii svet nauki: missiya Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda* [Twinkling light of science: the mission of Russian Humanity Scientific Foundation]. Moscow: ROSSPEN; 2001. 456 p. Russian.
30. Il'ichev LF. *Filosofiya i nauchnyi progress. Nekotorye metodologicheskie problemy estestvoznaniya i obshchestvoznaniya* [Philosophy and scientific progress. Some methodological problems of natural science and social science]. Moscow: Nauka; 1977. 319 p. Russian.
31. Babosov EM. *Nauka i chelovekomernost' okruzhayushchei real'nosti* [Science and human dimensionality of surrounding reality]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2021. 299 p. Russian.
32. Bell D. *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya* [The coming of post-industrial society. Experience of social forecasting]. Moscow: Academia; 1999. 949 p. Russian.
33. Burmykina IV. Methodological basis for the theory of social technologies of the modern world. *Moscow State University Bulletin. Series 18, Sociology and Political Science*. 2013;4:151–161. Russian.
34. Vityaz P, Shcherbin V. The contemporary technoscience as a result of converging new organisational forms of R&D. In: Paton B, Malitskii B, editors. *National academies of sciences: modern status, problems, prospects of development and priorities of cooperation in the IAAS framework. Proceedings of the international symposium; 2019 June 6–7; Kyiv, Ukraine*. Kyiv: Nash format; 2019. p. 69–88. Russian.

35. Meijers AWM, Gabbay DM, Thagard P, Woods J, editors. *Philosophy of technology and engineering sciences. Handbook of the philosophy of sciences*. Amsterdam: Elsevier; 2009. 1472 p.

36. Stepin VS. [The changes in the structure of science and the contemporary status of fundamental researches]. In: Arutyunov V, Lisichkin G, Malinetskii G. *Nauka Rossii. Ot nastoyashchego k budushchemu* [The science of Russia. From today to tomorrow]. Moscow: Librokom; 2009. p. 150–157. Russian.

37. Lektorskii VA, Pruzhinin BI, Alekseeva IYu, Arshinov VI, Gorokhov VG, Dubrovskii DI, et al. [Convergence of biological, information, nano- and cognitive technologies: the challenge to philosophy]. *Voprosy filosofii*. 2012;12:3–23. Russian.

38. Vityaz PA, Shcherbin VK. Modern technoscience: mechanism of operation and organisational differences. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;2:66–78. Russian.

39. Lektorskii VA, Kasavin IT, Yudin BG, Neretina SS, Avanesov SS, Smirnov SA, et al. [Humanities: yesterday, today, tomorrow (proceedings of round table)]. *Chelovek*. 2015;2:6–41. Russian.

40. Yudin BG. [The point of view of the artificial]. In: Kuznetsova NI, editor-compiler. *Poznayushchee myshlenie i sotsial'noe deistvie: nasledie G. P. Shchedrovitskogo v kontekste otechestvennoi i mirovoi filosofskoi mysli* [Cognitive thinking and social action: heritage of G. P. Shchedrovitsky in the context of Russian and world philosophical thought]. Moscow: F.A.S.-Media; 2004. p. 306–335. Russian.

41. Argamakova AA. [Social and humanitarian dimensions of technoscience]. *Epistemology and Philosophy of Science*. 2017;52(2):120–136. Russian.

Статья поступила в редколлегию 10.12.2022.
Received by editorial board 10.12.2022.

ПАРАДОКС ЭФФЕКТА МАТФЕЯ В НАУКЕ И ЕГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ

И. Г. НЕДЕЛЕВСКАЯ¹⁾

¹⁾Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь

Раскрывается парадоксальный характер эффекта Матфея в науке, который был зафиксирован Р. Мёртоном и его коллегами в результате исследований 1960-х гг. Утверждается, что эффект Матфея – это выражение неравенства в распределении признания научного вклада в академическом сообществе, которое носит закономерный характер. Исследования обнаруживают признаки неравенства не только на уровне национальных академических сообществ, но и на международном уровне. Данная закономерность вступает в противоречие с фундаментальными принципами научного этоса коллективизма, универсализма, бескорыстия и организованного скептицизма, что обуславливает теоретическую актуальность проблемы. Отмечаются практические причины актуальности данной проблемы, связанные с нарастающим давлением на научно-образовательные системы в виде рейтингов как отдельных сотрудников, так и организаций, научных изданий и целых стран. Рассматриваются общие критерии установившихся подходов к концептуализации неравенства в обществе. Утверждается, что доминирующей моделью в концептуализации социального неравенства в социологии является классовая модель, специфика которой определяется в рамках отдельных подходов. Выделяются ключевые аспекты научной деятельности, которые выражаются в ее символическом и коллективном характере, а также в экономической обусловленности выработки научного знания. Подчеркивается, что специфика научной деятельности требует особых подходов к изучению неравенства и обоснованию эффекта Матфея в науке. Предпринимается попытка обосновать эвристическую ценность и релевантность теории П. Бурдьё для решения теоретической проблемы неравенства в научной среде. Выделяются ключевые положения теории поля науки П. Бурдьё, которая благодаря оперированию категориями различных форм капитала интегрирует в себя как взаимодействие отдельных аспектов научной деятельности, так и различные уровни социальных отношений в научном сообществе. Утверждается, что эта теория позволяет фиксировать базовые механизмы неравенства в сфере науки, однако требует обращения к другим теориям из области социологии научного знания.

Ключевые слова: эффект Матфея; неравенство в науке; научный капитал; Р. Мёртон; П. Бурдьё.

THE PARADOX OF THE MATTHEW EFFECT IN SCIENCE AND ITS SOCIOLOGICAL SOLUTION

I. G. NEDELEVSKAYA^a

^aYanka Kupala State University of Grodno, 22 Ažėška Street, Hrodna 230023, Belarus

The article reveals the paradox of the Matthew effect in science, which was discovered by R. Merton and his colleagues in the result of their research in the 1960s. The author argues that the Matthew effect is an expression of inequality in the academic community, which has a regular nature. The article notes that studies reveal signs of inequality both at the national and international levels of academic communities. This pattern contradicts the fundamental principles of the scientific ethos of collectivism, universalism, selflessness and organised skepticism. That determines the theoretical relevance of the problem. The article also defines the practical reasons for the relevance of this problem, the causes of which lie in the increasing pressure on scientific and educational systems in the form of ratings of individual employees and organisations, scientific

Образец цитирования:

Неделевская ИГ. Парадокс эффекта Матфея в науке и его социологическое решение. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2023;1:33–39.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2023-1-33-39>

For citation:

Nedelevskaya IG. The paradox of the Matthew effect in science and its sociological solution. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023;1:33–39. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2023-1-33-39>

Автор:

Илона Генриховна Неделевская – старший преподаватель кафедры социологии и специальных исторических дисциплин факультета истории, коммуникации и туризма.

Author:

Ilona G. Nedelevskaya, senior lecturer at the department of sociology and special historical disciplines, faculty of history, communication and tourism.
inrainbow21@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-8794-0913>

publications and entire countries. The article discusses the general criteria of established approaches to the conceptualisation of inequality in society. It is argued that the dominant model in the conceptualisation of social inequality is the class model, the specifics of which are determined within the framework of particular approaches. The author highlights the key aspects of scientific activity, which are expressed in its symbolic and collective nature, as well as in the economic conditionality of the process of scientific knowledge production. It author argues that the specifics of scientific activity require the definition of special approaches and theories in the study of inequality in science and the justification of the Matthew effect in this area. The article presents an attempt to substantiate heuristic value and relevance of Bourdieu's theory for solving the theoretical problem of inequality in science. It highlights the key provisions of Bourdieu's theory of the field of science, which integrates both the interaction of individual aspects of scientific activity and various levels of social relations in the scientific environment due to the operation of concepts of various forms of capital. The author argues that his theory gives a possibility to define the basic mechanisms of inequality production in science, but requires recourses of other theories from the field of sociology of scientific knowledge.

Keywords: Matthew effect; inequality in science; scientific capital; R. Merton; P. Bourdieu.

Введение

В 1942 г. вышло в свет эссе американского социолога Р. Мёртона «Нормативная структура науки» [1]. В работе был сформулирован широко известный тезис о научном этосе, который включает в себя нормы коллективизма, универсализма, бескорыстия и организованного скептицизма. Данный тезис впоследствии стал каноническим для описания нормативных оснований науки как социального института, однако весьма скоро был подвергнут критике за идеализированное представление о научном сообществе. Оппоненты указывали на то, что Р. Мёртон сформулировал выводы на основе исследования материалов науки XVII–XIX вв. в виде биографий ученых, их переписок, а также работ историков науки, которые позволяли составить лишь схематическое представление о нормах научного сообщества, оставляя в тени отклонения от них. Так, нормы коллективизма и бескорыстия оказались в конфликте с установлением приоритета авторства и идей об академической видимости, а универсализм и организованный скептицизм – с неравным распределением признания исследователей по самым разным основаниям.

В конце 1960-х гг. Р. Мёртон выявил проблему социальной стратификации в научном сообществе, что свидетельствовало о структурном отклонении института науки и научного сообщества от норм этоса. В результате работы с группой коллег им было установлено, что, во-первых, ученые различаются по количеству публикаций и научной результативности, во-вторых, работы ученых различаются по степени использования, т. е. по цитированию [2, с. 260], в-третьих, ученые «готовы преувеличивать достижения своих коллег, уже составивших себе имя благодаря тем или иным прежним

заслугам, а достижения ученых, еще не получивших известности, они, как правило, преуменьшают или вообще не признают» [2, с. 258]. Данную закономерность Р. Мёртон обозначил в качестве эффекта накопленного преимущества, или эффекта Матфея. В конце 1990-х гг. ряд исследователей продолжили разработку данной концепции на глобальном уровне и выявили такие же закономерности на макроуровне стран и регионов [3].

С точки зрения Р. Мёртона, эффект Матфея в науке – это функциональная девиация, которая упрощает и ускоряет распространение научных открытий. Тем не менее данная закономерность является крайне парадоксальной в связи с тем, что входит в прямое противоречие с нормами научного этоса, которые, несмотря на наличие некоторых отклонений, все же позволяют обеспечить условия для функционирования науки как социального института, ориентированного на производство особого вида знания. Это обуславливает актуальность поиска теоретических оснований для объяснения парадоксальной закономерности стратификации в науке.

Сегодня данная проблема остро входит в практическую плоскость. В условиях нарастающего давления на научно-образовательные системы в виде различных рейтингов как отдельных сотрудников, так и организаций, научных изданий и даже целых стран, проблема неравенства в науке на ее разных уровнях все чаще становится предметом исследований и острых дискуссий в академическом сообществе. Таким образом, данная работа преследует цель обнаружить теоретические основания для объяснения и изучения феномена стратификации в научной среде.

Основания неравенства в обществе и науке

Социальное неравенство, которое выражается в неравном вознаграждении или неравных возможностях для социальных групп или индивидов, является одной из фундаментальных проблем в социологии.

Еще до появления социологической науки начало концептуализации неравенства было положено философами, а затем продолжено представителями других дисциплин, которые рассматривали

данную социальную и научную проблему со своего объектно-предметного ракурса. В социологии проблема социального неравенства оформилась в категории стратификации как структурированного социального неравенства¹ или любого систематического неравенства между группами людей как непреднамеренного результата общественных процессов и отношений².

Сегодня в социологии можно обнаружить несколько теоретических моделей стратификации, основанных на выделении различных критериев ранжирования социальной позиции. В качестве релевантных современному обществу моделей некоторые исследователи выделяют модели кастовой, сословной и классовой стратификации, которые способны сосуществовать и вступать во взаимодействие [4, с. 31]. Анализ литературы показывает наличие двух основных подходов к исследованию социальной стратификации: классового, который основан на объективных показателях принадлежности к социальному классу, и статусного, который базируется на субъективных оценках престижа индивидов, социальных групп и профессий.

Переход многих современных обществ к индустриальному типу определил доминирование среди исследователей классовой модели стратификации на весьма продолжительный период. В определении социального неравенства классовая традиция чаще всего ассоциируется с марксистской парадигмой, хотя, как отмечают исследователи, ее понятийный аппарат используется и за рамками этого направления [4, с. 36].

Многие современные классовые модели стратификации были инспирированы разработками К. Маркса и М. Вебера. Если у К. Маркса разделение на классы основывалось на разделении труда и собственности, то М. Вебер дополнил экономические основания критериями политической власти и престижа. Современная неомарксистская парадигма классового анализа склонна дополнять критерий неравенства доступа к средствам производства такими критериями классовой дифференциации, как участие в управлении, включающее контроль за чужим трудом, а также за денежным и материальным капиталом, и уровень квалификации, отражающий обладание специальными умениями и знаниями и определяющий специфический вид власти [5, с. 11]. Неовеберовская парадигма, построенная на основе идей М. Вебера о связи класса с его положением на рынке труда, в качестве дополнительного критерия дифференциации вводит тип трудового контракта, регулирующего занятость [6, с. 180].

Развитие неовеберовского и неомарксистского подходов к классовому анализу сопровождалось появлением альтернативных концепций, которые не

связаны с какими-либо традиционными схемами классовой теории. В качестве таковых можно выделить неодюркгеймианский подход, рентоориентированный подход, а также классовый подход, разработанный П. Бурдьё. Неодюркгеймианский подход к классовому анализу наиболее ярко представлен в теоретических разработках профессора Стэнфордского университета Д. Граски. За основу анализа он берет дюркгеймианскую теорию и посредством ее методологических принципов предпринимает попытку определить влияние детализированных положений в рамках профессионального разделения труда на жизни индивидов. Рентоориентированный подход, активно разрабатываемый А. Соренсенем, опирается на концепции неоклассических экономистов и понятие рент, восходящее к работам Д. Рикардо. Согласно данному подходу классы могут возникать лишь в условиях неидеально работающего конкурентного рынка, в рамках которого создаются ренты. Они могут быть присвоены одними социальными группами в ущерб другим, в результате чего возникают классы. Подход же П. Бурдьё основан на критике марксистской парадигмы и собственных теоретических разработках. В основании дифференциации П. Бурдьё видит неравномерное распределение различных форм капитала между индивидами, а также разделение труда. Следует отметить, что, несмотря на установку французского социолога избежать экономического детерминизма, он все же признает стремление экономического капитала к доминированию в определении логики социальных отношений.

Переход обществ развитых стран к постиндустриальному типу, а также особенности социальной структуры обществ с альтернативными экономическими моделями развития (например, с социалистическими и коммунистическими), которые с большим трудом поддавались описанию в категориях социальных классов, обусловили критику в отношении классового подхода в середине 1980-х гг. [7, с. 162–163]. Вместе с тем понятие «класс» продолжает сохранять за собой роль одной из фундаментальных социологических категорий для описания неравенства в обществе и, видоизменяясь, приобретает новые формулировки, что выражается, например, в использовании терминов «средний класс», «креативный класс», «когнитариат», «прекариат» и др. Кроме того, некоторые исследователи утверждают, что, хотя классовая идентификация в постиндустриальных обществах ослабевает, классы по-прежнему остаются релевантным фактором формирования жизненных шансов индивида [7, с. 164].

Таким образом, в основе подходов к концептуализации социального неравенства в социологии лежат такие ключевые критерии, как разделение

¹Терещенко О. В., Сивуха С. В. Социальная стратификация // Социология : энцикл. / сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин и др. Минск : Книж. дом, 2003. С. 957.

²Scott J. Oxford dictionary of sociology. Oxford : Oxford Univ. Press, 2014. P. 1003.

труда и экономическое положение. Однако данные критерии оказываются нерелевантными для концептуализации неравенства в науке, которая обладает своими особенностями, не сводимыми к более широкому социальным структурам.

Наука, как социальный институт, ориентирована на удовлетворение потребности в выработке особого вида знания. Понятие знания можно рассматривать в качестве упорядоченной, полученной определенным способом (методом) и в соответствии с какими-либо критериями (нормами) оформленной информации, которая имеет социальное значение и признается в качестве знания социальными субъектами или обществом в целом³. Научное знание должно соответствовать ключевым критериям объективности, обоснованности и системной организованности, что обеспечивается рядом принятых в научном сообществе процедур.

При рассмотрении специфики неравенства в науке следует принимать во внимание несколько фундаментальных характеристик научной деятельности. Во-первых, это ее символический характер, во-вторых, ее коллективные основания.

Символический характер научной деятельности проявляется в двух аспектах. Первый выражается в знаково-символической форме знания [8, с. 269]. Так, трансляция знания возможна лишь благодаря использованию разделимых другими индивидами знаков и символов, базовый уровень которых представляет язык. Язык, применяющийся в рамках научной деятельности, является крайне специфической знаково-символической системой и чаще всего оказывается доступен лишь для тех, кто освоил его на уровне, необходимом для дешифровки научного знания.

Второй аспект символического характера научной деятельности связан с необходимостью признания научного знания в качестве такового. Признание, однако, может различаться по своей степени. Так, деятельность ученых ориентирована на приращение научного знания, что часто обозначается понятием научного вклада. Ценность научного вклада может варьироваться в зависимости от того, как участники того или иного научного сообщества оценивают его потенциальный прогресс в решении научных проблем, что определяется новизной. К примеру, приращение знания в виде утверждения новых фактов, постановка новой проблемы, предложение нового подхода или метода решения чаще всего оцениваются выше, чем систематизация имеющегося зна-

ния или констатация факта того, что определенный подход или метод не позволяют приблизиться к решению поставленной проблемы. Оценка научного вклада обуславливает степень признания того или иного участника научного сообщества, что является символическим и коллективным процессом.

Коллективность определения научного признания и статуса ученого выражается также в устоявшемся консенсусе критериев научного знания и их крайних границ, которые задаются имеющимся запасом знания. Научный вклад должен демонстрировать признаки новации, однако степень ее радикальности может привести к разным последствиям для ученого в зависимости от состояния установившегося консенсуса. Так, претензия на революционность научного вклада в условиях нормальной науки (в терминологии Т. Куна) может привести не к признанию научного открытия исследования, а к стигматизации ученого в качестве маргинала или своеобразного еретика научного сообщества. В истории науки можно обнаружить весьма большое количество персоналий, научный вклад которых был признан не сразу (в качестве современных примеров можно привести открытие мобильных генетических элементов американским цитогенетиком Б. Мак-Клинток или открытие бактерии *Helicobacter pylori* австралийскими исследователями Р. Уорреном и Б. Маршаллом) либо не признаны вовсе.

Анализ специфики научной деятельности видится неполным без учета еще одной важной стороны – материального и финансового обеспечения науки, ведь сам процесс выработки научного типа знания требует, во-первых, финансового обеспечения времени ученых, а во-вторых, определенной инфраструктуры в виде зданий и помещений, оборудования и других материальных средств. Кроме того, процесс выработки научного знания предполагает манипулирование уже существующим знанием, что подразумевает возможность доступа к его источникам (научные публикации, базы данных и т. д.).

Символические, коллективные и экономические основания науки находятся в непосредственной взаимосвязи. Некоторые исследователи предлагают рассматривать данное взаимодействие в качестве цикла производства и воспроизводства научных исследований и признания [9, с. 59]. В связи с этим концептуализация неравенства в науке должна принимать во внимание взаимозависимость выделенных аспектов научной деятельности и осуществлять поиск причин с учетом их специфики.

Теоретические рамки концептуализации неравенства в науке

Работы Р. Мёртона, посвященные эффекту Матфея в науке, способствовали появлению большого числа исследований по обнаружению зависимости между

переменными научного признания (цитируемость работ, присуждение премий и наград, назначение на академические должности) и рядом других перемен-

³Абушенко В. Л. Знание // Социология... С. 337.

ных (пол, возраст, аффилиация ученого, национальная принадлежность). Одна из первых и наиболее громких работ по данной проблеме была опубликована М. В. Росситер, которая обнаружила неравенство в распределении признания относительно женщин в науке и для обозначения данного феномена предложила термин «эффект Матильды» [10]. Подобные исследования предоставляют большое количество свидетельств в пользу существования неравенства в науке, однако обнаружение взаимосвязи между отдельными переменными не тождественно причинно-следственной связи. В данном контексте возникает вопрос о том, какие теории способны дать ресурсы для концептуализации неравенства в науке с учетом ее специфики.

В теоретическом наследии социологии, посвященном науке, можно обнаружить большое разнообразие концепций, однако не все они обладают релевантностью для концептуализации такого структурного феномена, как неравенство в научной среде. Первые исследования структуры науки были инициированы Р. Мёртоном и носили по большей части описательный характер. В 1970-х гг. интерес социологов, чьим предметом изучения выступала наука, начал смещаться на процессы конструирования научного знания на микроуровне взаимодействий между учеными, оставив структурные феномены за пределами внимания. На фоне растущей критики структурного функционализма теоретизирование структурных феноменов переживало кризис, однако в этот же период начали появляться интегративные теории. Французский социолог П. Бурдьё в своей концепции поля науки затронул и проблему неравенства в науке.

Неравенство выступает центральной проблемой в работах французского социолога, однако его подход заслуживает внимания в связи с тем, что оказывается наиболее сенситивным в отношении символического, коллективного и экономического аспектов научной деятельности. Обеспечить данное свойство у П. Бурдьё получается за счет новой на тот период концептуализации ресурсов, которое он обозначает понятием капитала.

По мнению П. Бурдьё, экономизму известен лишь один род интереса, который выработан самим капитализмом в результате создания мира, отношения обмена которого основаны на «холодной денежной расплате» [11, с. 221]. В связи с этим, а также с тем, что использование экономизмом методов и понятий, являющихся историческими продуктами капитализма, ведет к трансформации самого объекта изучения, экономизм оказывается не в состоянии учесть неэкономические интересы и объяснить общества или социальные поля, обладающие, по словам П. Бурдьё, «экономикой в себе, но не для себя» [11, с. 221]. Указав на данный недостаток, ученый очерчивает границы общей науки экономических практик, которая ориентирована на изучение капитала, включенного в разных формах

в структуры социального мира, а не только лишь капитала в форме, признаваемой и социально распознаваемой как экономический капитал, что выражается в деньгах и правах собственности.

Исследователь выделяет также культурный и социальный капитал. В то время как понятие социального капитала напрямую отсылает к реальным или потенциальным ресурсам, связанным с «обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания, иными словами, с членством в группе» [12, с. 66], понятие культурного капитала является у П. Бурдьё более многомерным и включает в себя три состояния: инкорпорированное, объективированное и институционализированное. Инкорпорированное состояние связано с различиями в способностях и компетентностях агентов, «в диспозициях ума и тела» [12, с. 60], объективированное состояние – с обладанием материальными предметами и средствами, а институционализированное – с академическими квалификациями, имеющими институциональное признание.

Трансфигурации культурного и социального капитала, которые воспринимаются в соответствии со схемами классификации, определяемыми самой структурой распределения капитала в том или ином поле, порождают четвертый вид капитала – символический капитал, который связан с признанием со стороны других агентов и выступает «в качестве легитимной компетенции, в виде силы, влияющей на узнавание (или неузнавание)» [12, с. 62]. Обладание именно символическим капиталом позволяет устанавливать границы легитимных норм и образцов культуры в самом широком смысле. В науке символический капитал выступает в качестве научного капитала.

П. Бурдьё определяет научный капитал как особый вид символического капитала (всегда основан на актах узнавания и признания), состоящий в признании (доверии), которое даруется группой коллег-конкурентов внутри научного поля [13]. Условием для аккумуляции научного капитала являются демонстрация научного вклада агента (ученого) и признание данного вклада со стороны других агентов научного поля (ученых). «Существовать научно, – пишет П. Бурдьё, – означает обладать плюсом в отношении категорий восприятия, превалирующих в поле, т. е. относительно своих коллег (внести вклад во что-либо), выделиться (положительно) посредством особенного вклада» [14, с. 55].

Любой вид капитала обладает потенциальным свойством к производству прибыли и воспроизводству самого себя в идентичных или расширенных формах, но требует времени для накопления и подвержен тенденции к сохранению [15, р. 256]. Помимо того, формы капитала различаются своей ликвидностью, конвертабельностью, а также потенциалом для инфляции. Научный капитал является результатом конвертирования культурного, социального

и экономического капиталов, а их неравномерное распределение способно определять объем научного капитала.

Распределение научного капитала образует социальную структуру поля науки. Она, по мнению П. Бурдьё, способна определять стратегии поведения агентов в научном поле. Так, группы агентов с наибольшим объемом научного капитала французский социолог относит к классу доминирующих. Их можно обозначить в качестве ортодоксии научного поля, стратегии которой направлены на сохранение установленного порядка. Группы агентов с меньшим объемом научного капитала являются классом доминируемых. В зависимости от позиции, занимаемой в поле науки, и социальной траектории эти агенты способны выбирать как стратегии преемственности, которые заключаются в следовании утвержденному научному идеалу и создании умеренных инноваций, так и стратегии подрыва, ориентированные на переопределение принципов научной легитимности доминирования [16, с. 492], успех которой обусловлен спецификой установленного в научном поле порядка.

Таким образом, в теории П. Бурдьё эффект Матфея Р. Мёртона является неравномерным распре-

делением символического капитала в сфере науки, который выступает результатом конвертации других форм капитала: культурного, социального и экономического. Эвристическая ценность теории П. Бурдьё для концептуализации неравенства в науке во многом определяется ее интегративным характером, так как позволяет учесть взаимодействие ключевых аспектов научной деятельности, а также относительно легко перемещаться между макро- и микроуровнями социальных отношений в среде науки. Это условие также позволяет использовать ресурсы других теорий для более подробного изучения процессов, находящихся в разных плоскостях научной деятельности. Например, для понимания специфики взаимодействия социального и культурного капитала и его влияния на формирование символического капитала можно обратиться к концепции «невидимых колледжей» Дж. Прайса [17] или к теории интеллектуального пространства внимания Р. Коллинза [18], объектом концептуализации которых являются научные сообщества как научные школы. Такой аналитический шаг позволяет обнаружить причины успеха и неуспеха трансляции научного вклада отдельных ученых тому или иному научному сообществу.

Заключение

Данная работа представляет собой попытку обнаружить причины существования эффекта Матфея в науке, который выражает неравенство в научной среде. Феномен эффекта Матфея является парадоксальным в связи с тем, что вступает в противоречие с ключевыми принципами научного этоса коллективизма, универсализма, бескорыстия и организованного скептицизма.

Несмотря на большое количество публикаций, которые выявляют взаимосвязи между различными переменными, лежащими в основаниях неравенства, причинно-следственные связи в таких исследованиях редко оказываются раскрытыми. Установление возможных причин неравенства в науке требует обращения к теории, которая позволит построить объяснительную модель действия механизмов неравенства в этой сфере.

Поиск теоретических рамок в целях построения объяснительной модели и концептуализации неравенства в науке оказывается затруднительным в связи со специфическими чертами, которые она приобретает в сравнении с социальным неравенством. Установившиеся в социологии подходы к изучению неравенства в обществе характеризуются тенденцией к использованию экономического положения

и разделения труда в качестве основополагающих критериев социальной стратификации, в то время как неравенство в науке является символическим по своему характеру. Данное условие определяет необходимость поиска альтернативных подходов для концептуализации неравенства в науке.

Проведенный анализ научной деятельности показывает важность взаимосвязи символического, коллективного и экономического аспектов в процессе выработки научного знания и установления оснований неравенства в науке. Среди концепций и теорий, существующих в дисциплинарном поле социологии науки, наиболее релевантной для изучения неравенства в данной сфере оказывается теория поля науки П. Бурдьё, которая благодаря оперированию категориями различных форм капитала интегрирует в себя как взаимодействие отдельных аспектов научной деятельности, так и различные уровни социальных отношений в научной среде. Данное свойство теории П. Бурдьё позволяет провести более подробный анализ механизмов, производящих неравенство в науке, однако это становится возможным лишь при обращении к другим теориям и подходам из области социальных исследований науки.

Библиографические ссылки

1. Merton R. *The sociology of science. Theoretical and empirical investigations*. Chicago: University of Chicago Press; 1973. 605 p.
2. Мёртон Р. Эффект Матфея в науке, II: накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности. *THESIS*. 1993;3:256–276.

3. Bonitz M, Bruckner E, Scharnhorst A. Characteristics and impact of the Matthew effect for countries. *Scientometrics*. 1997;40:407–422. DOI: 10.1007/BF02459289.
4. Радаев ВВ, Шкаратан ОИ. *Социальная стратификация*. Москва: Аспект Пресс; 1996. 318 с.
5. Жвйтиашвили АШ. Классовые схемы постиндустриального общества в западной социологии. *Социологическая наука и социальная практика*. 2017;5(1):7–23. DOI: 10.19181/snsp.2017.5.1.4990.
6. Шкаратан ОИ. *Социология неравенства. Теория и реальность*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2012. 528 с.
7. Гидденс Э, Саттон Ф. *Основные понятия в социологии*. Рождественская Е, Гавриленко С, переводчики; Гавриленко С, редактор. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2018. 336 с.
8. Абушенко ВЛ. *Современная социология: проблемы, рамки, основания*. Минск: Экономпресс; 2016. 502 с.
9. Жэнгра И. *Социология науки*. Гашков СА, переводчик; Кирчик ОИ, редактор. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2006. 873 с.
10. Rossiter M. The Matthew Matilda effect in science. *Social Studies of Science*. 1993;23(2):325–341.
11. Бурдьё П. *Практический смысл*. Москва: Алетейя; 2017. 560 с.
12. Бурдьё П. Формы капитала. *Экономическая социология*. 2002;3(5):60–74.
13. Бурдьё П. *Социальное пространство: поля и практики*. Шматко НА, переводчик и составитель. Санкт-Петербург: Алетейя; 2005. Поле литературы; с. 365–472.
14. Бурдьё П. Клиническая социология поля науки. В: Шматко НА, редактор. *Социоанализ Пьера Бурдьё*. Москва: Алетейя; 2001. с. 49–95.
15. Bourdieu P. The forms of capital. In: Richardson J, editor. *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. Westport: Greenwood; 1986. p. 241–258.
16. Бурдьё П. *Социальное пространство: поля и практики*. Шматко НА, переводчик и составитель. Санкт-Петербург: Алетейя; 2005. Поле науки; с. 473–517.
17. Прайс Дж, Бивер Д. Сотрудничество в «невидимом колледже». В: Мирской ЭМ, Садовский ВП, составители. *Коммуникация в современной науке*. Москва: Прогресс; 1976. с. 335–350.
18. Коллинз Р. *Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения*. Розов НС, Вертгейм ЮБ, переводчики. Новосибирск: Сибирский хронограф; 2002. 1284 с.

References

1. Merton R. *The sociology of science. Theoretical and empirical investigations*. Chicago: University of Chicago Press; 1973. 605 p.
2. Merton R. [The Matthew effect in science, II: cumulative advantage and the symbolism of intellectual property]. *THESIS*. 1993;3:256–276. Russian.
3. Bonitz M, Bruckner E, Scharnhorst A. Characteristics and impact of the Matthew effect for countries. *Scientometrics*. 1997;40:407–422. DOI: 10.1007/BF02459289.
4. Radaev VV, Shkaratan OI. *Sotsial'naya stratifikatsiya* [Social stratification]. Moscow: Aspekt Press; 1996. 318 p. Russian.
5. Zhvitiashvili AS. Class schemes of modern society in Western sociology. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 2017;5(1):7–23. DOI: 10.19181/snsp.2017.5.1.4990. Russian.
6. Shkaratan OI. *Sotsiologiya neravenstva. Teoriya i real'nost'* [Sociology of inequality. Theory and reality]. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2012. 528 p. Russian.
7. Giddens A, Sutton P. *Essential concepts in sociology*. Cambridge: Polity Press; 2017. 224 p. Russian edition: Giddens A, Sutton P. *Osnovnye ponyatiya v sotsiologii*. Rozhdestvenskaya E, Gavrilenko S, translators; Gavrilenko S, editor. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2018. 336 p.
8. Abushenko VL. *Sovremennaya sotsiologiya: problemy, ramki, osnovaniya* [Modern sociology: problems, framework, foundations]. Minsk: Ekonompress; 2016. 502 p. Russian.
9. Gingras Y. *Sociologie des sciences*. Paris: Presses Universitaires de France; 2013. 127 p. Russian edition: Gingras Y. *Sotsiologiya nauki*. Gashkov SA, translator; Kirchik OI, editor. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2017. 112 p. Russian.
10. Rossiter M. The Matthew Matilda effect in science. *Social Studies of Science*. 1993;23(2):325–341.
11. Bourdieu P. *Prakticheskii smysl* [The logic of practice]. Moscow: Aleteiya; 2017. 560 p. Russian.
12. Bourdieu P. [The forms of capital]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2002;3(5):60–74. Russian.
13. Bourdieu P. *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* [The social space: fields and practices]. Shmatko NA, translator and compiler. Saint Perersburg: Aleteiya; 2005. [The field of literature]; p. 365–472. Russian.
14. Bourdieu P. [A clinical sociology of the scientific field]. In: Shmatko NA, editor. *Sotsioanaliz P'era Burd'e* [Socioanalysis of Pierre Bourdieu]. Moscow: Aleteiya; 2001. p. 49–95. Russian.
15. Bourdieu P. The forms of capital. In: Richardson J, editor. *Handbook of theory and research for the sociology of education*. Westport: Greenwood; 1986. p. 241–258.
16. Bourdieu P. *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* [The social space: fields and practices]. Shmatko NA, translator and compiler. Saint Perersburg: Aleteiya; 2005. [The field of science]; p. 473–517. Russian.
17. Price J, Beaver D. [Cooperation in the «invisible college»]. In: Mirskoi EM, Sadovskii VP, compilers. *Kommunikatsiya v sovremennoi nauke* [Communication in modern science]. Moscow: Progress; 1976. p. 335–350. Russian.
18. Collins R. *Sociology of philosophies: a global theory of intellectual change*. Harvard University Press; 1998. 1098 p. Russian edition: Collins R. *Sotsiologiya filosofii. Global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya*. Rozov NS, Vertgeim YuB, translators. Novosibirsk: Sibirskii khronograf; 2002. 1284 p.

ЦЕННОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КНИГИ В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА БУДУЩЕГО

А. Н. ДАНИЛОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Раскрывается ценностный потенциал книги, а также ее роль для молодежи в выборе жизненного пути, формировании образа жизни, преодолении новых глобальных вызовов и рисков. Выход из этой ситуации видится в развитии национальных культур, которые в естественном диалоге формируют новый конвергентный мир, являющийся основой стабильности, прогресса и безопасной жизни на Земле. Отмечается, что прорыв к новому чаще всего сопряжен с развитием системы наследования, сохранения и передачи идентификационных признаков народов, сохраняющихся в культурном коде, перезагрузкой духовной матрицы общества и обновлением его ценностных оснований. С развитием информационного общества актуализируется проблематика кодирования и изучения проблем цифровизации, появляются новые виды коммуникации и информационных технологий. В данном случае книга выступает в качестве носителя закодированной информации, знаково-символической формы культурного кода, важным звеном механизма межпоколенческой преемственности духовно-нравственного развития. Подчеркивается мысль о том, что почвой, на которой обновляются, наполняются новым смыслом или отвергаются ценности, является социальная жизнь человека, в том числе нашедшая отражение в литературе. Предлагаются конкретные меры по популяризации книги и формированию книжной культуры.

Ключевые слова: социология книги; культурный код; ценностный потенциал; книжная культура; формирование образа будущего; молодежь.

THE VALUE POTENTIAL OF THE BOOK IN FORMING THE FUTURE IMAGE

A. N. DANILOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article reveals the value potential of the book, its role in choosing the life path of young people, shaping their lifestyle, overcoming new global challenges and risks. The way out is seen in the development of national cultures, which form a new convergent world in a natural dialogue. This world is the basis of stability, progress and safe life on Earth. A breakthrough to the new is most often associated with the development of inheritance system, preservation and transmission of identification peoples' features that are preserved in the cultural code, a reboot of the spiritual matrix of a transforming society, with the renewal of its value bases. The problems of coding, studying the problems of digitalisation, the development of all types of communications, and the introduction of new information technologies are being updated with the development of the information society. The book appears in this case to some extent as a carrier of encoded information, a sign-symbolic form of a cultural code, being an important link in the mechanism of intergenerational continuity of spiritual and moral development. The social life of a person, including that which is reflected in literature, in a book, is the soil, where values are renewed, filled with new meaning, enriched or rejected. Concrete measures are proposed to popularise the book, form a book culture, and improve the work of the book infrastructure.

Keywords: sociology of the book; cultural code; value potential; book culture; formation of the image of the future; youth.

Образец цитирования:

Данилов АН. Ценностный потенциал книги в формировании образа будущего. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2023;1:40–45.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2023-1-40-45>

For citation:

Danilov AN. The value potential of the book in forming the future image. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023;1:40–45. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2023-1-40-45>

Автор:

Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
a.danilov@tut.by
<https://orcid.org/0000-0002-1190-4975>

Введение

Влияние книги на духовный мир человека, а также на формирование образа будущего столь велико, что многое в данном процессе кажется очевидным. Но это далеко не так. Во все времена мир полнился прогнозами о закате востребованности книги, в чтении усматривалось чуть ли не бесполезное занятие. Сегодня угроз не меньше, появились новые вызовы. Цифровая революция, глобальная информатизация, гибридные информационные войны, новые медиа вновь заставляют исследователей взвесить ценностный потенциал книги в формировании образа будущего. Переход к принципиально новому типу цивилизационного развития уже начат, и трансформация содержания ценностей, как ответ на новые вызовы времени, задает ориентиры этого перехода.

Научно-технический прогресс и новые технологии быстро меняют повседневную жизнь, осмысление которой явно запаздывает. Все, что связано с книгой, чтением, во многом обусловлено культурной политикой страны. Без должного историко-социального осмысления и духовного проживания ускоренное обновление жизни часто создает иллюзию прогресса, что может привести к формированию искаженной реальности. Новые коммуникационные технологии постепенно адаптируются к повседневности, становятся частью культуры, в недрах которой происходит формирование новой духовной матрицы. Как и прежде, в этом механизме велика роль книги, ценностный потенциал которой позволяет соединить прошлое, настоящее и будущее человечества.

Знаково-символический мир будущего

В последнее время все чаще исследователи отмечают, что современный человек живет в знаково-символическом, кодированном мире. М. К. Петров ввел термин «социокод», под которым понимал «основную знаковую реалию культуры, удерживающую в целостности и различии фрагментированный массив знания, расчлененный на интерьеры мир деятельности и обеспечивающие институты общения» [1, с. 39]. Основным средством общения считается язык, знаковый способ взаимодействия людей «единой языковой и обычно социальной принадлежности для достижения самых разных целей» [1, с. 39]. При этом М. К. Петров утверждает следующее: «Попытки знакового истолкования природы языка бывали и раньше. Гоббс, например, мог бы по праву считаться провозвестником структурализма и дескриптивизма. Но как общий сдвиг в понимании языковых реалий и как попытка сакрализации лингвистики знаковая интерпретация языка начинается с Ф. де Соссюра. Положения Соссюра: “Язык – система знаков, выражающих идеи... лингвистика лишь часть семиологии – науки, изучающей жизнь знаков внутри жизни общества” – означали не только социологизацию языковых реалий, которым предложено было покинуть тонкую и труднодоступную для исследования область мышления, духовной жизни и войти в связь с грубой институциональной “глиной” социальности, но и санкцию на употребление предмета лингвистики предметам естественнонаучных дисциплин по вездесущим нормам актуализма» [1, с. 85].

Люди создали систему наследования, сохранения и передачи своих достижений – культуру, в которой по аналогии с природой используются разнообразные приемы кодирования. Конечно, в ней нет столь обязательной линейности в выстраивании нового, предопределяющей иное поведение человека, как это генетически заложено в живом организме. Неслучайно В. С. Стёпин рассматривал культуру как

«...совокупность надбиологических программ человеческой жизнедеятельности, выполняющих в обществе роль, аналогичную той, какую в жизни биологических организмов играют генетические коды. Такого рода культурными кодами являются мировоззренческие универсалии (категории культуры), которые задают системную и историческую целостность определенным (охватываемым ими) аспектам деятельности, поведения и общения. Содержание культурного кода составляют идеи, понятия, смыслы, модели, ценности, фреймы, паттерны, психологические реакции и др. Культурные коды, как знаково-символическая форма обработки информации, выполняют функции сжатия и рубрикации сведений, их трансляции, раскрытия содержания сигналов, транскрибирования и интерпретации» [2, с. 725–726].

Многогранная проблематика кодирования приобретает все большую актуальность по мере становления информационного общества, усиления глобальной цифровизации, развития всех видов коммуникаций, внедрения новых технологий. В данном случае книга выступает в качестве носителя закодированной информации, знаково-символической формы культурного кода, важным звеном механизма межпоколенческой преемственности духовно-нравственного развития. Поэтому обращение к изучению программирующей роли культуры в социальной эволюции представляется вполне оправданным [3]. Данный интерес чаще всего сопряжен с обновлением ценностных оснований развития общества. История XX и XXI вв. демонстрирует, что все социально-политические и экономические трансформации не только генетически детерминируются, но и легитимизируются благодаря трансмутации культурно-нравственных смыслов человеческого бытия, смысловой и ценностной перекодировки реальности. Именно в поле культуры появляются новые знаки

и символы. Они несут новую ценностную нагрузку и эстетическое значение и перезагружают сознание человека. В духовной матрице культуры закладываются генетические коды, которые «в конечном счете и определяют жизнеспособность цивилизации» [4, с. 6].

Зародившиеся в культуре новые жизненные смыслы и ценности, пройдя испытание практикой и став жизненным опытом, фиксируются в культурно-генетическом коде как традиция, новый идеал современности. Человечество является свидетелем того, как быстро возрастает роль современной коммуникационной системы, которая радикально меняет механизм восприятия информации и формирования поведенческих реакций человека. Но это не значит, что жизнь превращается в дистанционно управляемую и программируемую.

Без приобщения к книжной культуре выстраивание нового идеала будущего обречено на слепое копирование чужого. В этом отношении книга и культура в целом имеют ни с чем не сравнимое преимущество – огромный ценностный потенциал духовно-нравственного совершенствования души, собственно, то, что делает человека человеком. Литература сохраняет идентичность народов, живущих на территории той или иной страны. Современные исследования показывают, что трансформация политических и экономических систем может осуществляться в относительно короткие сроки. При этом сознание и социализация, которые были приобретены в течение долгой жизни, не способны подвергнуться быстрым переменам. Они продолжают влиять друг на друга и в процессе приспособления к новым требованиям могут вызвать кризис человека и системы.

«Идеал прогресса, – отмечал В. С. Стёпин, – как ускоряющихся инновационных перемен, в наше время модифицирован в идеал устойчивого развития: приоритет получают такие инновационные

сценарии, которые не просто взламывают и уничтожают традиции, а, адаптируясь к некоторым ее аспектам, избирательно и постепенно трансформируют традицию» [5, с. 10]. Ускоряющаяся динамика времени, глобальный характер перемен в сфере коммуникации меняют наши представления о культуре. До научно-технической революции культура в силу относительно небольшого и нединамического поля коммуникации была стационарным образованием. Понятие культуры всегда выражало то, что остается стабильным на протяжении жизни не только отдельного человека, но и многих поколений. Ценности закрепились внутри культуры «...после достаточно длительного историко-социального отбора. Это определяло изначальный консерватизм культуры и ее носителей» [6, с. 89]. Как показал недавний опыт, темп и характер изменений в рамках политической и экономической систем, а также предрасположенность к той или иной модели развития во многом зависят от структурно-экономических, этнокультурных, политических и исторических черт конкретной страны [7, с. 22–40].

Данная проблема актуализируется также с «появлением электронной книги и цифровизацией процессов производства, распространения и потребления контента» [8, с. 106]. «Я считаю, – пишет Д. А. Гранин, – что печатная книга имеет свои преимущества: присутствует некая интимность, доверительность. Когда мы пользуемся книгой, то остаемся с ней один на один. В ней есть прелесть ответственности, она не отделена от нас холодом экрана» [9, с. 329]. Некоторые авторы утверждают, что «...в условиях цифровой трансформации книга перестает быть уникальным продуктом, создавать который и обладать которым может далеко не каждый. Сетевые технологии сделали доступ к книгоизданию и чтению широкодоступным и всеобъемлющим, не гарантируя при этом качество печатной продукции» [10, с. 251]. Но так ли это?

Книга – «драйвер» развития

По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, на начало 2021 г. в Беларуси насчитывалось 2432 публичные библиотеки (в 2000 г. – 5200 библиотек). Количество их пользователей в 2021 г. составляло 2,8908 млн человек (в 2000 г. – 4,5046 млн человек), причем городских жителей среди них 2,2126 млн человек. Статистика тревожная, но следует учитывать, что научно-технический прогресс меняет реальность, предоставляя новые возможности. Тем не менее «...традиционная бумажная книга и в начале 3-го тыс. продолжает оставаться важнейшим инструментом формирования и закрепления в сознании людей исторической памяти. Она не только обеспечивает сохранение и передачу накопленного предыдущими поколениями опыта, но и является влиятельной силой, обладающей мощным кодирующим потенциалом

и признанной формировать у своих читателей чувство сопричастности с прошлым своего народа, с историей своей страны» [11, с. 297].

В этой ситуации деятели культуры и литературы вполне обоснованно ставят вопрос о том, чтобы «вернуть былое отношение к книге... научить любить книгу, показать необходимость жизни с книгой» [9, с. 426]. Никто не призывает использовать лишь бумажные носители. Сотрудники библиотек всегда высоко несли свой крест просветителей и подвижников. Д. С. Лихачёв вспоминал: «Лучшие качества в человеке воспитывались не только на уроках, будь то Закон Божий или арифметика. В моей школе настоящим центром нравственного воспитания была библиотека и ее хозяйка – необыкновенный человек, школьный библиотекарь. В школе все знали часы приема и выдачи книг,

в библиотеке было так интересно, что все стремились пойти туда. В стороне от главного входа стояли длинные столы, и вдоль них выстраивалась очередь к библиотекарю. <...> Завидев меня, она говорила: «Дима Лихачёв, я приготовила Вам такие-то и такие-то книги». Учителя и библиотекарь обращались в те времена к ученикам на «Вы», по имени, но на «Вы». Это учило вежливости. И если она считала, что мой выбор удачен (а я любил книги по географии), она рассказывала остальным в течение двух-трех минут о содержании книг, которые я заказал, или о тех книгах, которые заказывали другие. Библиотекарь была на уровне учителя гимназии. Она делала главное – вызывала интерес учеников к книге. Это великая задача, потому что всякая образованность создается чтением и книгами, а не телевизором» [12, с. 74–75]. Д. С. Лихачёв также отмечал: «Библиотека Академии наук была самым устойчивым форпостом Ленинграда в дни блокады, противостоявшим фашистским полчищам своей культурой, приветливым отношением ко всем, кто приходил за книгами, и сотрудников друг к другу. Я думаю, что такого подвига, какой был совершен библиотекой Академии наук во время блокады, не совершала ни одна библиотека мира. Я не знаю, перенесли бы мы блокаду или нет, если бы библиотека Академии наук не продолжала работать в это время» [12, с. 46].

Книга и сегодня выполняет функцию «драйвера» развития. Происходящие изменения придают новый импульс развитию библиотек, способствуют их превращению в образовательные, просветительские, информационно-культурные центры. Сегодня широко распространено обучение с использованием мобильных устройств, «конструктора пространств» (высокотехнологичных площадок с использованием 3D-печати), мобильных и адаптивных обучающих методик, цифровых платформ и образовательной робототехники. Кроме того, актуализируется создание цифровых библиотек, онлайн-курсов, цифровых кампусов, которые внедрены уже многими университетами мира.

Социологи неслучайно прогнозируют новую волну моды на чтение. По данным Института социологии Национальной академии наук Беларуси¹, показателем, характеризующим общую ситуацию с книжечтением в стране, выступает частота чтения. На вопрос: «Как часто Вы читаете книги?» – ответы респондентов распределились следующим образом: вариант «ежедневно» выбрали 24,1 % участников опроса, «несколько раз в неделю» – 25,8 %, «несколько раз в месяц» – 19,7 %, «несколько раз в год» – 8,3 %, «раз в год и реже» – 7,3 %, «не читаю» – 14,8 % опрошенных [13, с. 45]. Такие результаты в немалой степени связаны с тем, что происходит

активный процесс трансформации библиотек в современное социально-культурное пространство.

Молодежь привлекают возможности, предлагаемые обновленными библиотечными учреждениями (современные технологии, интерьер, комфортность пространства). Реализация успешных проектов по модернизации и реконструкции библиотек является первостепенной задачей в деле повышения популярности чтения среди молодого поколения. Опрос показал, что 73,0 % респондентов отдадут предпочтение печатным книгам, 23,0 % – электронным, 3,1 % – аудиокнигам [13, с. 45]. В жанровом отношении в приоритете у респондентов художественная литература (на это указали 69,9 % опрошенных), затем следуют научно-популярные (27,7 %) и учебно-образовательные издания (20,6 %) [13, с. 46]. Интерес представляют ответы на вопрос: «Почему Вы читаете книги?». Так, 52,0 % респондентов ответили, что читают для самообразования, 49,6 % – для удовольствия». Для 25,1 % опрошенных чтение – это хобби [13, с. 47].

Конечно, проблем в вопросе распространения книжной культуры еще много. Среди них и проблема непрочитанной книги. Как отмечал Д. А. Гранин, «...есть книги вроде бы достаточно известные, вроде бы мы их читали. Но фактически эти книги находятся вне нашей жизни, они так и остались по-настоящему не прочитанными. А без них жизнь человеческая обесцвечена» [9, с. 425]. Корни того, что буквально за несколько поколений померкли идеалы совсем недавнего прошлого, а будущее стало расплывчатым и неопределенным, следует искать в оскудении души. Информационное поле повседневности насыщено противоречиями, недосказанностью, фейками, и найти выход из этого очень непросто. Предстоит более тщательная ревизия позитивного опыта прошлых поколений, в ходе которой следует признать и исправить собственные ошибки. Необходимо утверждение нового гуманизма как основы нравственного самосохранения, необходимого условия достижения безопасного будущего. Должно быть сформировано новое мировоззрение, связанное с возвращением способности осознавать реальные смыслы человеческого бытия.

В условиях становления новых основ жизни, утверждения точек роста новых духовных опор требуется иной взгляд на ценностный потенциал книги как многогранной сферы жизнедеятельности людей. Ведь человек в немалой степени конституируется культурой. Сегодня благодаря новым технологиям популярной стала идея о том, что человек «...может управлять всеми природными процессами, выступать в роли своеобразного космиурга, создателя формообразований, невозможных в природе.

¹Исследование проведено Институтом социологии НАН Беларуси летом 2021 г., объем выборочной совокупности составил 903 респондента в возрасте от 18 до 60 лет. Телефонный опрос на основе компьютеризированной системы CATI ASSO проводился в Минске, областных центрах, районных городах и сельских населенных пунктах.

Отсюда идея о выходе за пределы природных ограничений и возможности сознательного управления процессом эволюции. С этим же связана и идея перехода к постчеловеку» [14, с. 77]. Но это далеко не так. Такие категории, например, как творчество, любовь, нравственность, неподвластны контролю. Человек действует в соответствии с ценностями только на основе внутренней свободы.

Будущее все больше зависит от выбора направлений дальнейшего развития человечества, где немислимо игнорирование социокультурного измерения общественных отношений и культурных основ человеческого бытия. Задолго до нынешнего духовного кризиса А. И. Солженицын бил тревогу: «Уже не первое столетие идет в цивилизованном мире далеко не сразу замеченный процесс потери духовной сосредоточенности и высоты, процесс рассеяния, быть может, невосполнимой растраты духовных ценностей. В XIX веке еще редко кто различал его. Но уж весь XX век, столь технически успешный, а психологически поспешный, разными путями действовал к снижению культуры. Этот разрушительный мировой процесс, неуклонный от десятилетия к десятилетию, застал нас, однако, как бы врасплох. И широко – однако необоснованно – создавалась иллюзия культурного пресыщения, культурной усталости; будто уже вся возможная культура отпробована нами, исчерпана и уже не питает нас... Так расцвет цивилизации принес необозримые богатства, удобства, завоевания целого мира и одновременно обнищание душ» (цит. по [4, с. 6–7]). Анализ положения дел в развитых странах показывает, что, к сожалению, во многих случаях предпочтение отдается варианту, ориентированному на сохранение и достижение высокого уровня потребления в ущерб духовному совершенствованию.

Духовный кризис, выраженный в обнищании души, поражает сознание, мировоззрение и нрав-

ственность человека. Чтобы не пойти по ложному пути и не сформировать искаженный образ будущего, следует поддержать изначальный консерватизм культуры. Необходимо переосмыслить социальную миссию наук об обществе и человеке, обновить методологию, разработать новые парадигмы развития социума. Сегодня можно наблюдать культурное запаздывание, когда материальный компонент культуры опережает духовный, что чревато дегуманизацией и расчеловечиванием. В этих условиях искусственный интеллект формирует новое проблемное поле. «Человекоробот» сможет выполнять абсолютно разные задачи: переносить свои знания из одной сферы в другую, мыслить критически, осуществлять коммуникацию с людьми или другими носителями искусственного интеллекта. В таком случае облик цивилизации станет совершенно иным и место человека в новой реальности цифрового общества будет определяться с учетом потенциала искусственного интеллекта.

Сфера когнитивных исследований, с которой сегодня связывают научно-технические достижения, не сопровождается должным нравственным прогрессом. Цифровая революция не решит всех глобальных проблем, порожденных техногенной цивилизацией. Прорыв к новому должен быть сопряжен с духовной революцией, обновлением ценностных оснований цивилизационного развития, а главное, он должен быть направлен на сохранение человека и человечества. Социология всегда воспринималась как тонкий инструмент познания неизвестности, способный раздвинуть рамки современности, выстроить перспективу будущего. В ситуации, когда зарождается новая цивилизация, естественно, что и в социологии возникают теоретико-методологические трудности, не позволяющие своевременно найти ответы на новые вызовы. Но, как показывает исторический опыт, ответ, безусловно, будет найден.

Заключение

В процессе формирования образа будущего программирующую функцию выполняет национальная культура, где книга выступает в качестве носителя знаково-символической формы культурного кода, важного звена духовно-нравственного развития. Сегодня инфраструктура, связанная с созданием и распространением книги, формированием книжной культуры, переживает ценностную перезагрузку. Но это не констатация ее гибели, а, наоборот, время обновления форм ее развития, переход в но-

вое состояние, адекватное вызовам современности. Соответственно, актуализируются и новые исследовательские задачи, связанные с изучением электронных носителей информации, процессов виртуального одиночества, изменений в сфере книжной культуры. Со временем роль книги будет только возрастать, не за горами новая волна книжного бума. Наша задача – рассмотреть и максимально использовать ценностный потенциал книги в деле формирования образа будущего.

Библиографические ссылки

1. Петров МК. *Язык, знак, культура*. Москва: Едиториал УРСС; 2004. 328 с.
2. Стёпин ВС. *Человек. Деятельность. Культура*. Санкт-Петербург: СПбГУП; 2019. 800 с.
3. Данилов АН. Программирующая роль культуры: универсальная модель цивилизационного развития В. С. Стёпина. В: Дудник СИ, Кротов АА, Миронов ВВ, Осипов ИД. *Философия истории философии*. Санкт-Петербург: СПбГУП; 2020. с. 66–83.
4. Горшков МК, Комиссаров СН, Карпунин ОИ. *На переломе веков: социодинамика российской культуры*. Москва: ФНИСЦ РАН; 2022. 703 с.

5. Стёпин ВС. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития. *Журнал БГУ. Социология*. 2017; 3:6–11.
6. Миронов ВВ. *Современные трансформации культуры*. Санкт-Петербург: СПбГУП; 2011. 128 с.
7. Данилов АН. *Переходное общество: проблемы системной трансформации*. Минск: Университетское; 1997. 431 с.
8. Лютов СН. Книжная культура: проблемный или предметный вектор формирования научного направления? В: Авгуль ЛА, Вдовина НВ, составители. *Материалы Российско-белорусского круглого стола «Грани книжной культуры: к 20-летию создания научного центра исследований истории книжной культуры – научного и издательского центра «Наука» РАН»; 22 декабря 2021 г.; Москва, Россия. Минск: НАН Беларуси, 2021. с. 102–107.*
9. Гранин ДА. *Интелегенды: статьи, выступления, эссе*. Санкт-Петербург: СПбГУП; 2019. 639 с.
10. Кудревич МА, Шкурова ЕВ. Специфика читательской аудитории в Беларуси. В: Авгуль ЛА, Вдовина НВ, составители. *Материалы XV Белорусско-российского научного семинара-конференции «Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития. 100 лет Инбелкульту и белорусской академической науке»; 22–23 ноября 2022 г.; Москва, Россия. Минск: НАН Беларуси; 2022. с. 250–257.*
11. Мысливец НЛ. Современная книжная культура как фактор формирования исторической памяти. В: Авгуль ЛА, Вдовина НВ, составители. *Материалы XV Белорусско-российского научного семинара-конференции «Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития»; 24–25 ноября 2021 г.; Москва, Россия. Минск: НАН Беларуси; 2021. с. 295–300.*
12. Запесоцкий АС, редактор. *Лихачёв Д. С. Университетские встречи. 16 текстов*. Санкт-Петербург: СПбГУП; 2022. 96 с.
13. Безнюк ДК, Черняк ЮГ. Читательские предпочтения населения Беларуси. В: Авгуль ЛА, Вдовина НВ, составители. *Материалы XV Белорусско-российского научного семинара-конференции «Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития»; 24–25 ноября 2021 г.; Москва, Россия. Минск: НАН Беларуси; 2021. с. 44–49.*
14. Лекторский ВА. Наука. Технологии. Человек. *Социология*. 2015;4:75–77.

References

1. Petrov MK. *Yazyk, znak, kul'tura* [Language, sign, culture]. Moscow: Editorial URSS; 2004. 328 p. Russian.
2. Stepin VS. *Chelovek. Deyatel'nost'. Kul'tura* [Person. Activity. Culture]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences; 2019. 800 p. Russian.
3. Danilov AN. The programming role of culture: Stepin's universal model of civilisation development. In: Dudnik SI, Krotov AA, Mironov VV, Osipov ID. *Filosofiya istorii filosofii* [Philosophy of the history of philosophy]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences; 2020. p. 66–83. Russian.
4. Gorshkov MK, Komissarov SN, Karpukhin OI. *At the turn of the century: sociodynamics of Russian culture*. Moscow: Federal Scientific Research Centre of the Russian Academy of Sciences; 2022. 703 p. Russian.
5. Stepin VS. Civilization in the epoch of changes: search for new development strategies. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2017;3:6–11. Russian.
6. Mironov VV. *Sovremennye transformatsii kul'tury* [Modern transformations of culture]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences; 2011. 128 p. Russian.
7. Danilov AN. *Perekhodnoe obshchestvo: problemy sistemnoi transformatsii* [Transitional society: problems of systemic transformation]. Minsk: Universitetskoe; 1997. 431 p. Russian.
8. Lyutov SN. Book culture: a problematic or subject vector of the formation of a scientific direction? In: Avgul' LA, Vdovina NV, compilers. *Materialy Rossiisko-belorusskogo kruglogo stola «Grani knizhnoi kul'tury: k 20-letiyu sozdaniya nauchnogo tsentra issledovaniy istorii knizhnoi kul'tury – nauchnogo i izdatel'skogo tsentra «Наука» РАН»; 22 dekabrya 2021 g.; Moskva, Rossiya* [Materials of the Russian-Belarusian round table «Faces of book culture: on the 20th anniversary of the creation of the scientific centre for research on the history of book culture – the Scientific and Publishing Centre «Science» of the Russian Academy of Sciences»; 2021 December 22; Moscow, Russia]. Minsk: National Academy of Sciences of Belarus; 2021. p. 102–107. Russian.
9. Granin DA. *Intelegendy: stat'i, vystupleniya, esse* [Intelgendy: articles, speeches, essays]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences; 2019. 639 p. Russian.
10. Kudrevich MA, Shkurova EV. The specifics of the readership in Belarus. In: Avgul' LA, Vdovina NV, compilers. *Materialy XV Belorussko-rossiiskogo nauchnogo seminar-konferentsii «Sovremennye problemy knizhnoi kul'tury: osnovnye tendentsii i perspektivy razvitiya. 100 let Inbelkul'tu i belorusskoi akademicheskoi nauke»; 22–23 noyabrya 2022 g.; Moskva, Rossiya* [Materials of the 15th Belarusian-Russian scientific seminar-conference «Modern problems of book culture: main trends and development prospects. 100 years of Inbelkult and Belarusian academic science»; 2022 November 22–23; Moscow, Russia]. Minsk: National Academy of Sciences of Belarus; 2022. p. 250–257. Russian.
11. Myslivets NL. Modern book culture as a factor in the formation of historical memory. In: Avgul' LA, Vdovina NV, compilers. *Materialy XV Belorussko-rossiiskogo nauchnogo seminar-konferentsii «Sovremennye problemy knizhnoi kul'tury: osnovnye tendentsii i perspektivy razvitiya»; 24–25 noyabrya 2021 g.; Moskva, Rossiya* [Materials of the 15th Belarusian-Russian scientific seminar-conference «Modern problems of book culture: main trends and development prospects»; 2021 November 24–25; Moscow, Russia]. Minsk: National Academy of Sciences of Belarus; 2021. p. 295–300. Russian.
12. Zapesotskii AS, editor. *Likhachev D. S. Universitetskie vstrechi. 16 tekstov* [Likhachev D. S. University meetings. 16 texts]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences; 2022. 96 p. Russian.
13. Beznyuk DK, Chernyak Yug. Reading preferences of the population of Belarus. In: Avgul' LA, Vdovina NV, compilers. *Materialy XV Belorussko-rossiiskogo nauchnogo seminar-konferentsii «Sovremennye problemy knizhnoi kul'tury: osnovnye tendentsii i perspektivy razvitiya»; 24–25 noyabrya 2021 g.; Moskva, Rossiya* [Materials of the 15th Belarusian-Russian scientific seminar-conference «Modern problems of book culture: main trends and development prospects»; 2021 November 24–25; Moscow, Russia]. Minsk: National Academy of Sciences of Belarus; 2021. p. 44–49. Russian.
14. Lektorskii VA. [Science. Technologies. Person]. *Sotsiologiya*. 2015;4:75–77. Russian.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

REFLECTIONS ON A GIVEN THEME

УДК 316.1

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРИАНГУЛЯЦИИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Е. Е. КУЧКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассмотрена специфика качественного и количественного методологических подходов в социологии. Историческая реконструкция динамики развития этих подходов позволяет лучше понять их взаимосвязь, определить возможности их взаимодействия при исследовании социальной реальности. Представлены особенности и обоснованы различия качественной и количественной методологических стратегий социологического исследования. Описаны позиции западных и отечественных социологов по поводу качественной и количественной стратегий. Показано значение интеграции методов, методологических стратегий и теоретических парадигм в исследовательском процессе. Изучены классическая фазовая и приоритетно-последовательная модели методологической интеграции. Различные методы и методологические стратегии имеют как преимущества, так и недостатки. Отмечено, что взгляд на качественные и количественные методы изменился: сегодня они рассматриваются как взаимодействующие и взаимодополняющие. Триангуляция, как стратегия взаимодействия качественного и количественного подходов при изучении социальных проблем, повышает полноту и достоверность полученной информации и расширяет исследовательские возможности.

Ключевые слова: качественная методология; количественная методология; триангуляция; исследовательские стратегии в социологии.

Образец цитирования:

Кучко ЕЕ. Методологические основания использования триангуляции в социологических исследованиях. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2023;1:46–52.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2023-1-46-52>

For citation:

Kuchko EE. Methodological basis of using triangulation in sociological research. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023;1:46–52. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2023-1-46-52>

Автор:

Елена Евгеньевна Кучко – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Elena E. Kuchko, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
avesol@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2376-4639>

METHODOLOGICAL BASIS OF USING TRIANGULATION IN SOCIOLOGICAL RESEARCH

E. E. KUCHKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article examines the specifics of qualitative and quantitative methodological approaches in sociology. The historical reconstruction of the dynamics of the development of these directions makes it possible to better understand their relationship, to determine the possibilities of their interaction in the study of social reality. In connection with this, the article presents the features of qualitative and quantitative methodological strategies of sociological research, their differences are justified. Positions regarding qualitative and quantitative strategies in Western and domestic sociology were considered. The importance of integrating methods, methodological strategies, theoretical paradigms in the research process is shown. Classical phase and priority-sequential models of methodological integration are considered. Various methods and methodological strategies have both advantages and disadvantages. Currently, the view on qualitative and quantitative methods has changed: they are considered as interacting, complementary. Triangulation as a strategy for the interaction of qualitative and quantitative approaches in the study of social problems using qualitative and quantitative methods of collecting and analysing sociological information increases the completeness and reliability of the information received expands research capabilities.

Keywords: qualitative methodology; quantitative methodology; triangulation; research strategies in sociology.

В социологических исследованиях активно используются как качественные, так и количественные методы сбора информации. Особенностью их применения являются принципы паритетности и взаимодополнительности, что дает повод шире смотреть на познавательные возможности такого методического приема. Все чаще специалисты акцентируют внимание на комбинировании не столько методов, сколько качественной и количественной методологических стратегий (подходов) в целях получения наиболее содержательных, полных и валидных результатов социологических исследований. Однако качественная и количественная методологические стратегии имеют свои преимущества, недостатки и ограничения.

Особенности методологических стратегий были обоснованы С. А. Белановским. Для количественной методологии характерны жесткая формализация и заданность переменных, апробация гипотезы на большом массиве репрезентативных данных, для качественной методологии – отсутствие формализации, акцент на глубину осмысления и понимания фактов в их целостности и взаимосвязи, признание мультиальтернативности реальности и возможности корректировки концептуального каркаса в ходе исследования [1]. Обозначенные характеристики качественной и количественной методологических стратегий определяют их главные различия в части теоретико-методологической базы, фокуса анализа, исследовательских целей и задач, единиц анализа, валидности, логики и стиля исследования. Эти различия были представлены К. Палмером и дополнены В. А. Ядовым [2, с. 396].

Специфика методологических стратегий по-разному проявляется на практике (в процессе описания, объяснения и понимания социальной реальности). Для каждой из стратегий характерно применение

как качественных, так и количественных методов, однако результаты использования того или иного подхода при этом различаются.

В зависимости от выбранной методологической стратегии на практике встречаются два вида описания – статистическое и плотное. В. А. Ядов отмечает, что «статистическое описание, представительное для больших общностей, охватывает частные, особые их состояния и приметы» [2, с. 482]. Главной задачей статистического описания является обнаружение частоты событий или проявления признака. Статистическое описание направлено на регистрацию социальных фактов. Информацию для анализа и статистического описания в данном случае добывают путем проведения опросов на репрезентативных выборках. Чаще всего используются количественные методы. Исключение составляет контент-анализ, который считается качественно-количественным методом (на основании необходимости качественной интерпретации текстов на начальном этапе).

Плотное описание, по мнению В. А. Ядова, «предполагает целостность свидетельств о частных случаях (кейсах) из общего потока жизни, будь то коллективные образования сообществ (например, жители села) или отдельные люди» [2, с. 483]. При этом предлагается учитывать особенности социально-культурного контекста. Понимание частных случаев с условием понимания общего контекста дает исследователю возможность для интерпретации «особого как момента общего» [2, с. 483], а также для распространения данных о частных случаях на всю генеральную совокупность. Речь идет о получении информации с использованием качественных методов.

Таким образом, описание предполагает использование обеих методологических стратегий, но для получения различного рода данных. Очевидно, что

некоторые социальные явления не могут быть в достаточной мере описаны с помощью качественного анализа, в то время как сбор количественной информации о других явлениях не представляется возможным. В таком случае применение количественных методов в целях описания закономерно и целесообразно.

Объяснение подразумевает использование схемы, предложенной М. Вебером, а именно соотнесение и сравнение проинтерпретированных данных с идеальными типами [3]. В таком случае предполагается применять общепризнанные научные категории для сравнения новых данных с уже полученными знаниями и представлениями об объекте. В количественной методологической стратегии объяснение «требует формулирования исходных гипотез, опирающихся на имеющиеся теории, с последующей операционализацией понятий данной теории» [2, с. 483]. Таким образом, изначально определяется то, с чем будут сравниваться данные, полученные в ходе исследования. Высокая степень формализации, с одной стороны, ограничивает степень субъективности исследователя, но, с другой стороны, не оставляет пространства для маневра, не дает возможности дополнить или изменить ход исследования и способ интерпретации данных.

При использовании качественной методологической стратегии объяснение «предполагает концептуализацию в понятиях некоторой теории имеющихся данных» [2, с. 483]. Фактически совершается то же действие, что и при анализе количественных данных, т. е. полученная информация соотносится с идеальными типами, но при работе в рамках качественной методологической стратегии это соотнесение осуществляется с учетом контекста. Полученные сведения вписываются в некие концептуальные рамки для того, чтобы придать универсальность информации, полученной с помощью данного способа анализа.

Понимание «предполагает интерпретацию событий и фактов так, как они инициировались или осознавались субъектом социального действия» [2, с. 483]. С одной стороны, в понимании очевидно преимущество качественной методологической стратегии. Благодаря гибкости качественных методов она дает возможность для детального изучения внутренних установок, мотивов и даже для восприятия контекста субъектом. С другой стороны, количественная методологическая стратегия также дает возможность для обнаружения причинно-следственных связей и построения объяснительных моделей, а значит, и для понимания изучаемого социального факта. Примером такого понимания может служить факторный анализ. При этом количественная методологическая стратегия имеет некоторые внутренние ограничения для ее понимания, в первую очередь из-за высокого уровня формализации,

жесткой структуризации и наличия определенных гипотез.

В прикладных исследованиях, как правило, осуществляется интеграция исследовательских стратегий по различным аспектам изучаемой проблемы. Для повышения качества и валидности данных исследований уместна интеграция и методологических стратегий.

Дискуссия о необходимости и способах интеграции ведется постоянно и определяется в основном теоретическими установками ученых. В социологических кругах в зависимости от теоретических убеждений и области деятельности исследователей принято разделять на качественников и количественников, фундаменталистов и эмпириков и т. д. Но необходимо ли такое разделение, повышает ли оно эффективность работы социологов, а главное, результатов их деятельности? Многие современные ученые приходят к выводу о том, что интеграция и преодоление разногласий необходимы для развития науки [4; 5]. Более того, противоречия и конфронтация между приверженцами методологических или теоретических направлений приводят к кризису науки. При этом современные специалисты не отрицают необходимости подобного теоретического разделения (например, в образовательных целях). На практике же, по мнению Е. С. Балабановой, «применение такого подхода... влечет за собой узость исследовательского подхода» [4, с. 11].

Динамика общественной жизни, высокие требования к социологической информации предопределяют все большее распространение комплексных исследований, что, в свою очередь, требует реформирования исследовательских установок и компетенций в части выбора и использования интегрированных стратегий. При этом среди западных и отечественных социологов по поводу соотношения качественной и количественной стратегий выделяются следующие позиции: радикальная, экзистенциалистская, прагматическая и узкопрагматическая [5, с. 11].

Радикалистская позиция постулирует жесткую конфронтацию между качественной и количественной методологическими стратегиями. Например, З. Бауман полагает, что взаимоотношения между этими подходами «воспроизводят пропасть, разделяющую законодательный и интерпретативный разум» [6, с. 14]. У радикальной позиции есть два направления. Приверженцы первого полагают, что качественная стратегия должна полностью заменить собой количественную, признав ее несостоятельность, или наоборот. Приверженцы второго направления считают возможным параллельное существование обеих методологических стратегий. Они исключают возможность заимствования и функционального взаимодополнения в этих полях, на их взгляд, подходах к сбору данных.

Экзистенциалистская позиция исходит из того, что исследователь совершает экзистенциальный выбор стратегии. Изначально у каждой стратегии есть достоинства и недостатки, но при этом ни одна из них не превосходит другую. В. А. Ядов предлагает несколько опорных пунктов, определяющих выбор стратегии. Это теоретическая ориентация, целевая установка и индивидуальные (психологические, когнитивные, перцепционные) особенности исследователя, а также наличные ресурсы [2, с. 481–482].

Прагматическая позиция заключается в признании за каждой методологической стратегией определенной зоны релевантности. Это означает, что в каждом исследовании есть некая область задач, решение которых достигается с использованием наиболее эффективной (а иногда и единственно возможной) методологической стратегии. Выбор подхода осуществляется в зависимости от поставленных целей и задач. В настоящее время эта позиция является наиболее распространенной среди социологов-практиков. Часто ее представители прибегают к параллельному или последовательному комбинированию методов для повышения эффективности исследования и получения достоверной информации.

Узкоэмпирическая позиция сводится к определению дискуссии относительно превосходства одной стратегии как надуманной и непродуктивной. Представители данной позиции утверждают, что конфликта как такового не существует и что различия между качественной и количественной стратегиями не так уж велики, поскольку обе используются для достижения одной и той же цели. Исходя из этого, социологи вольны прибегать к любой стратегии, какую посчитают необходимой для получения желаемого результата.

Вопрос о совмещении методов и методологических стратегий актуализировался еще в первой половине XX в. Началась активная дискуссия о проблемах интегративных исследований. Основной проблемой синтеза методологических стратегий полагалась их изначальная разнонаправленность. Качественная и количественная стратегии отличались логикой проведения исследований и построения выводов, но при этом имели различные цели. Например, Ч. С. Рейхард и Т. Д. Кук [7], «определяя эти различия, говорят о столкновении не столько двух методов, сколько методологических парадигм, в основе одной из которых – феноменология, а другой – позитивизм» (цит. по [5, с. 9]). Представители данных парадигм по-разному трактуют социальную реальность и, следовательно, способы ее изучения. Основная методологическая цель феноменологической парадигмы – «выявить смысловые нагрузки единичных действий, концептуализировать явление» [5, с. 9]. Позитивизм же претендует на изучение

«генерализаций и соответствующих статистических и каузальных связей» [5, с. 9].

С одной стороны, такие значительные различия парадигм и стратегий могут показаться фатальными для проведения интеграции. С другой стороны, они могут служить друг для друга функциональным дополнением. Эту мысль в своих работах развивал А. Н. Дёмин. Он определил правило логической полноты, согласно которому «...количественный и качественный методологические подходы реализуют разные познавательные стратегии: использование дедуктивной и индуктивной логики, подтверждение сконструированных абстракций и восхождение от конкретных фактов к теоретическим построениям, выявление общегрупповых тенденций и анализ индивидуальных вариаций. Чем сложнее изучаемый объект, тем настоятельнее потребность в совмещении обеих стратегий и замыкании логического цикла исследования» [8, с. 25].

Правило логической полноты отражает возможность возникновения функционального единства методологических стратегий в процессе интегративного исследования и дополняется правилом репрезентации состояния объекта изучения. Качественные и количественные методы дополняют друг друга, обеспечивая всестороннее, многомерное видение предметной области. При выборе исследовательских инструментов наиболее целесообразной представляется прагматическая позиция, нацеленная на сочетание подходов, если это обусловлено задачами исследования.

Идея методологической интеграции вызвала бурную научную дискуссию о возможностях и способах этой процедуры. В процессе обсуждения и практических экспериментов были выделены основные модели методологической интеграции: классическая фазовая модель, приоритетно-последовательная модель и триангуляция. При этом классическая фазовая и приоритетно-последовательная модели обуславливают специфику триангуляции, следующей за ними.

Классическая фазовая модель была одной из первых попыток методологической интеграции. Она была предложена А. Бартоном и П. Лазарсфельдом в 1950-х гг. (основные положения представлены в работе [9]). При проведении социологических исследований ученые предложили последовательно использовать взаимодополняющие качественные и количественные методы с упором на последние. Качественные методы подразумевалось применять на этапе разработки гипотез, которые впоследствии следовало проверять с помощью количественных методов. Исследователи не считали качественные методы эффективными, но полагали, что они способны обнаружить нечто принципиально новое и значимое. Качественные методы получили в неко-

тором роде маргинальный статус. Это объясняется позитивистским положением о том, что гипотезы могут и должны проверяться на жестком формализованном уровне, который не может быть обеспечен качественными методами.

Критика фазовой модели привела к осознанию того, что качественные методы не всегда подходят для генерации исследовательских гипотез, в то время как количественные – вполне могут справиться с этой функцией. Это происходит в первую очередь потому, что качественные методы, в отличие от количественных, не способны показать статистические связи между переменными и построить статистически обоснованные объяснительные модели. Иначе говоря, фазовая модель может строиться не только в направлении от качественных методов к количественным, но и наоборот.

Несмотря на очевидный уклон в сторону позитивизма, идеи А. Бартон и П. Лазарсфельда имеют большое значение для развития идеи методологической интеграции в целом. Ученые положили начало разработке новых интегративных теорий и одними из первых продемонстрировали значимость взаимодополняющего использования методологических стратегий.

Американский социолог Д. Морган предложил приоритетно-последовательную модель интеграции методологических стратегий социологических исследований. Он рассмотрел виды интеграции и предложил схему их систематизации. Рассматривая характеристики, преимущества, недостатки и функциональные особенности методов и методологических стратегий, Д. Морган пришел к заключению о том, что наиболее рациональным можно считать выбор метода с учетом его возможностей в зависимости от целей исследования. Более того, он предлагает не только изучать предмет исследования с разных методологических ракурсов, но и функционально разделять труд специалистов [10, р. 366], а также привлекать экспертов с опытом работы в разных научных сферах (в том числе в междисциплинарных) для расширения горизонтов исследовательской группы.

Исследователь выбирает метод путем принятия двух последовательных решений. Сначала происходит обоснованный выбор основного метода сбора социологической информации в зависимости от целей и задач исследования. При этом важно помнить, что придание равнозначного статуса качественной и количественной методологии в рамках одного исследования может привести к получению несоразмерных данных. Д. Морган полагает, что принимать решение о последовательности (приоритетности) сочетания качественных и количественных методов можно только после определения цели и соответствующих методов исследования. Он предлагает следующие варианты последовательностей: дополнительный качественный метод предшествует основному

количественному; основной количественный метод предшествует дополнительному качественному; дополнительный количественный метод предшествует основному качественному; основной качественный метод предшествует дополнительному количественному [10, р. 368]. Ученый предлагает сочетать качественные и количественные методы с учетом их основных достоинств. Модель выбора приоритета и последовательности применения основных и дополнительных методов показала возможность взаимодополняющего использования методов сбора информации для повышения эффективности исследования. Тем не менее основной акцент данная модель делает на применении опросных методов и не учитывает особенностей специфических методов (например, при анализе документов или социологическом эксперименте). Кроме того, его трудно вписать в представленную схему, поскольку анализ содержания часто представляется как качественно-количественный.

Изучение триангуляции как интегративной модели не теряет актуальности и в настоящее время [11]. Различные методы и методологические стратегии имеют как преимущества, так и недостатки. Выявление методологических ограничений провоцирует обсуждение и генерацию в научной среде путей их преодоления в целях повышения качества и эффективности исследования. Сегодня взгляд на качественные и количественные методы изменился: они уже не рассматриваются как конфликтующие [12]. В связи с этим наблюдается поиск возможностей интеграции методологических стратегий, разрабатываются модели интеграции методов. Активная критика ранних моделей интеграции методологических стратегий скорее усилила дискуссию в социологических кругах, чем внесла ясность в технологии их формирования и использования. Сама дискуссия в контексте понимания значимости комплексных исследований заставила обратиться к категориальному аппарату и уточнить содержание понятий триангуляции, комбинирования, сочетания и смешивания исследовательских методов и подходов.

Сегодня триангуляция представляется не только как сочетание методов или методологических стратегий, но и как интеграция исследовательских позиций, концептуальных схем и инструментов. Триангуляция является средством повышения валидности результатов исследования и достижения наиболее разностороннего и глубокого понимания изучаемой проблемной ситуации. Исследователи отмечают существенное повышение качества полученной социологической информации при использовании триангуляции за счет совмещения преимуществ разных методологий [13]. Такой подход позволяет не только повысить эффективность, но и интенсифицировать процесс исследования за счет взаимного усиления достоинств и минимизации недостатков различных методологических подходов и методов.

В методологических разработках С. А. Белановского разграничиваются концептуальная триангуляция и методологическая триангуляция. Методологическая триангуляция представляется как сочетание различных методов в процессе исследования одной проблемы, а концептуальная – как соотнесение различных взглядов и подходов [14, с. 45]. Независимо от того, будет ли использована методологическая триангуляция (между методами или внутри них), триангуляция данных, триангуляция теорий или триангуляция исследователей, всякая процедура, связанная с получением данных, должна быть подвергнута серьезному анализу для обеспечения ее адекватности целям и задачам исследования. В этом случае триангуляция выступает как системная оценка достоверности результатов.

Белорусские социологи практически апробировали и теоретически обосновали возможности и принципы сочетания и комбинирования качественных и количественных методов сбора социологической информации. Наиболее полно данная тема представлена в работах профессора Д. Г. Ротмана, который акцентирует внимание на временном и информационном (параллельном или последовательном) измерении количественного и качественного этапов социологического исследования с учетом вариантов комбинирования методов сбора информации (конвергенция, дивергенция, погружение и фокусировка) [15, с. 83–93]. Именно в терминологии комбинирования и сочетания методов сбора социологической информации Д. Г. Ротман выстраивает свою исследовательскую стратегию и обосновывает возможности ее применения в разных типах исследований [16].

В последние годы опыт комплексных исследований определил новый вектор развития социологической методологии в русле изучения возможностей и обоснования методик совместного применения качественных и количественных подходов и методов в рамках одного исследовательского проекта. Именно в этом проблемном поле происходит уточнение терминологии опорных понятий триангуляции, комбинирования, сочетания, интеграции и смешивания методов, дается обоснование моделей (стратегий)

и типовых методик смешивания, поднимаются вопросы этики комплексных мультиметодных исследований [17–19].

Дискуссия о совмещении методов и методологических стратегий поднимает проблемы интегративных исследований. С одной стороны, методологическая разнонаправленность парадигм создает много сложностей на пути их объединения, но, с другой стороны, она дает возможность их функционального дополнения в социологической практике и ставит новые задачи по формированию профессиональных социологов, способных работать в комплексных проектах.

Результаты исследования позволяют сделать ряд выводов.

1. Триангуляцию можно рассматривать как методологический прием с различной функциональной направленностью, использующийся как для повышения валидности данных социологических исследований, так и для получения более содержательной, глубокой информации. Признание именно этой методологической особенности триангуляции позволяет не только обеспечить эффективность, но и интенсифицировать процесс социологического исследования за счет взаимного усиления достоинств и минимизации недостатков интегрируемых методологий. Методологическим основанием совмещения качественной и количественной методологий является признание их функциональной взаимодополнительности.

2. Обращение к триангуляции в процессе исследовательской практики должно быть обосновано и рационально для конкретного проекта.

3. Остается актуальным вопрос содержательной точности и смыслового наполнения понятий триангуляции, совмещения, смешения, комбинирования и сочетания методов в социологическом исследовании.

4. Систематизация опыта социологических исследований, выполненных в режиме мультиметодного подхода и триангуляции, дает возможность обосновать модели (стратегии) смешивания и сформировать типовые методики их применения.

Библиографические ссылки

1. Белановский С.А. Свободное интервью как метод социологического исследования. *Социология: методология, методы, математические модели*. 1991;2:5–19.
2. Ядов В.А. *Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности*. Москва: Добросвет; 1998. 600 с.
3. Вебер М. *Избранные произведения*. Гайденко П.П., составитель. Москва: Прогресс; 1990. 808 с.
4. Балобанова Е.С. О комплексном характере социологических исследований. *Социологические исследования*. 2002; 10:11–16.
5. Божков А.Б., Готлиб А.С., Гришина А.Е., Култыгин В.П., Толстова Ю.Н. Количественный и качественный анализ: организационное единство или автономия. *Социологические исследования*. 2004;9:3–14.
6. Бауман З. Философские связи и впечатления постмодернистской социологии. *Вопросы социологии*. 1992;2:8–24.
7. Cook T.D., Reichardt C.S. *Qualitative and quantitative methods in evaluation research*. Beverly Hills: Sage; 1979. 160 p.
8. Дёмин А.Н. Совмещение количественного и качественного подходов в исследовательской цикле. *Социология: методология, методы, математические модели*. 1999;11:5–26.
9. Bryman A. The debate about qualitative and quantitative research: a question of method or epistemology? *The British Journal of Sociology*. 1984;35(1):75–92.

10. Morgan DI. Practical strategies for combining qualitative and quantitative methods. Applications to health research. *Qualitative Health Research*. 1998;8:362–376.
11. Савинская ОБ, Истомина АГ. Понятийный аппарат стратегии смешивания методов: по материалам круглого стола. *Социология: методология, методы, математические модели*. 2015;41:142–149.
12. Полухина ЕВ, Савинская ОБ. Через исследования к доверительному глобальному сотрудничеству: перспективы качественных исследований в XXI веке. *Социологические исследования*. 2014;1:122–125.
13. Кошарная ГБ, Кошарный ВП. Триангуляция как способ обеспечения валидности результатов эмпирического исследования. *Общественные науки. Социология*. 2016;2(38):117–122. DOI: 10.21685/2072-3016-2016-2-13.
14. Белановский СА. *Метод фокус-групп*. Москва: Никколо-Медиа; 2001. 280 с.
15. Ротман ДГ, Правдивец ВВ, редакторы. *Методы социологического изучения особенностей функционирования политического поля*. Минск: БГУ; 2007. 139 с.
16. Ротман ДГ. *Избранное*. Минск: ГИУСТ БГУ; 2009. 386 с.
17. Полухина ЕВ, Просянюк ДВ. Исследования со смешанными методами (mixed methods research): интеграция количественного и качественного подходов. *МЕТОД. Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин* [Интернет]. 2015 [прочитано 31 января 2023 г.]. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovaniya-so-smeshannymi-metodami-mixed-methods-research-integratsiya-kolichestvennogo-i-kachestvennogo-podhoda/viewer>. Russian.
18. Большаков НВ. Сочетать, комбинировать, смешивать: качественные и количественные методы в современной исследовательской практике. *Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены*. 2017;3: 21–29. DOI: 10.14515/monitoring.2017.3.03.
19. Савинская ОБ, Истомина АГ, Ларкина ТЮ, Круглова КД. Концептуальные представления о стратегиях смешивания методов (mixed methods research): этапы развития и современные дискуссии. *Социологические исследования*. 2016;8:21–29.

References

1. Belanovskii SA. [Free interview as a method of sociological research]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskie modeli*. 1991;2:5–19. Russian.
2. Yadov VA. *Strategiya sotsiologicheskogo issledovaniya. Opisanie, ob'yasnenie, ponimanie sotsial'noi real'nosti* [Sociological research strategy: description, explanation, understanding of social reality]. Moscow: Dobrosvet; 1998. 600 p. Russian.
3. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Gaidenko PP, compiler. Moscow: Progress; 1990. 808 p. Russian.
4. Balobanova ES. [On the complex nature of sociological research]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2002;10:11–16. Russian.
5. Bozhkov OB, Gotlib AS, Grishina EA, Kultygin VP, Tolstova YuN. [Qualitative and quantitative analysis: organic unity or autonomy]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2004;9:3–14. Russian.
6. Bauman Z. [Philosophical connections and impressions of postmodern sociology]. *Voprosy sotsiologii*. 1992;2:8–24. Russian.
7. Cook TD, Reichardt CS. *Qualitative and quantitative methods in evaluation research*. Beverly Hills: Sage; 1979. 160 p.
8. Demin AN. [Combining quantitative and qualitative approaches in the research cycle]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskie modeli*. 1999;11:5–26. Russian.
9. Bryman A. The debate about qualitative and quantitative research: a question of method or epistemology? *The British Journal of Sociology*. 1984;35(1):75–92.
10. Morgan DI. Practical strategies for combining qualitative and quantitative methods. Applications to health research. *Qualitative Health Research*. 1998;8:362–376.
11. Savinskaya OB, Istomina AG. Conceptual ideas of mixed methods research: based on a roundtable materials. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskie modeli*. 2015;41:142–149. Russian.
12. Polukhina EV, Savinskaya OB. [Through research to a trusting global collaboration: prospects for qualitative research in the 21st century]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2014;1:122–125. Russian.
13. Kosharnaya GB, Kosharny VP. Triangulation as a means ensuring validity of empirical study results. *Social Science. Sociology*. 2016;2(38):117–122. Russian. DOI: 10.21685/2072-3016-2016-2-13.
14. Belanovskii SA. *Metod fokus-grupp* [Method of focus groups]. Moscow: Nikkolo-Media; 2001. 280 p. Russian.
15. Rotman DG, Pravdivets VV, editors. *Metody sotsiologicheskogo izucheniya osobennostei funktsionirovaniya politicheskogo polya* [Methods of sociological study of the peculiarities of the functioning of the political field]. Minsk: Belarusian State University; 2007. 139 p. Russian.
16. Rotman DG. *Izbrannoe* [Selected works]. Minsk: State Institute of Management and Social Technologies of the Belarusian State University; 2009. 386 p. Russian.
17. Polukhina EV, Prosyanyuk DV. Mixed methods research: integration of quantitative and qualitative approaches. *МЕТОД. Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин* [Internet]. 2015 [cited 2023 January 31]. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovaniya-so-smeshannymi-metodami-mixed-methods-research-integratsiya-kolichestvennogo-i-kachestvennogo-podhoda/viewer>. Russian.
18. Bolshakov NV. Bring together, combine and mix: qualitative and quantitative methods in modern research practices. *Monitoring of Public Opinion. Economic and Social Changes*. 2017;3:21–29. DOI: 10.14515/monitoring.2017.3.03.
19. Savinskaya OB, Istomina AG, Larkina TYU, Kруглова КД. Conceptual ideas of mixed methods research: stages of development and current debates. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2016;8:21–29. Russian.

Статья поступила в редколлегию 31.01.2023.
Received by editorial board 31.01.2023.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ КАК СОЦИОСФЕРА РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ОБЩЕСТВА

И. А. ЯКОВЛЕВА¹⁾

¹⁾Минский государственный дворец детей и молодежи,
тр. Старовиленский, 41, 220053, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются теоретико-методологические подходы к утверждению императива креативности в качестве основания экономического и социокультурного развития сетевых обществ XX в. Описывается научная рефлексия эволюционирования экономических и социальных систем в процессе становления креативных экономик. Отмечается, что формирование успешных жизненных стратегий личности, а также социальный потенциал и результативность коллективного действия поколенческих когорт обусловлены существенными характеристиками постиндустриальных обществ, развивающихся в условиях глобальной нестабильности. Высказывается мысль о том, что сегодня возрастает потребность в переосмыслении классических парадигм образования и расширении социального поля применения вариативных и гибких обучающих технологий, позволяющих формировать индивидуальную образовательную стратегию. Исследуется эволюция академических систем в направлении персонального мотивирующего образования. Анализируются современные тренды в трансформации ценностной парадигмы идеологии образования, основанной на формировании универсальных компетенций будущего, в частности метапредметных и личностных компетенций, а также на овладении навыками системного мышления. Рассматривается социокультурный феномен дополнительного образования как социосферы, включающей институциональные характеристики как образовательной организации, так и неформальной социокультурной практики, общественной самоорганизации и самостоятельных творческих и гражданских инициатив. Дополнительное образование исследуется в качестве социального механизма реализации стратегии мобильного персонифицированного непрерывного обучения.

Ключевые слова: дополнительное образование; творчество; креативность; креативная экономика; жизненная стратегия; компетенции XX в.; персональное образование; непрерывное образование; культуротворчество; социосфера.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы «Развитие национальной модели неформального (дополнительного) образования детей и молодежи в контексте международной этнокультурной динамики» (№ гос. регистрации 20212198). Автор выражает благодарность научному руководителю проекта члену-корреспонденту НАН Беларуси, доктору социологических наук, профессору А. Н. Данилову.

NON-FORMAL EDUCATION OF CHILDREN AND YOUTH AS A SOCIOSPHERE OF DEVELOPING THE CREATIVE POTENTIAL OF SOCIETY

I. A. YAKOVLEVA^a

^aMinsk State Palace of Children and Youth, 41 Staravilenski Tract, Minsk 220053, Belarus

The article deals with theoretical and methodological approaches to establishing the imperative of creativity as the basis for the economic and socio-cultural development of network societies in the 21st century. A description of the scientific reflection of the processes of evolution of economic and social systems in the direction of the formation of creative economies

Образец цитирования:

Яковлева ИА. Дополнительное образование детей и молодежи как социосфера развития креативного потенциала общества. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2023;1:53–63.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2023-1-53-63>

For citation:

Yakovleva IA. Non-formal education of children and youth as a sociosphere of developing the creative potential of society. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023;1:53–63. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2023-1-53-63>

Автор:

Ирина Александровна Яковлева – заведующий Центром социального мониторинга дополнительного образования детей и молодежи.

Author:

Irina A. Yakovleva, head of the Center for Social Monitoring of Additional Education for Children and Youth.
yakovleva17@gmail.com

is given. The formation of successful life strategies of an individual, as well as the social potential and effectiveness of the collective action of generational cohorts, are due to the essential characteristics of post-industrial societies developing in a situation of civilisational challenges of global instability. There is a growing social need to rethink the classical paradigms of education and expand the social field for the application of variable and flexible social technologies in education, which make it possible to implement personally directed education models and form an individual educational strategy. The evolution of educational systems in the direction of personal motivating education is considered. The paper analyses current trends in the transformation of the value paradigm of the ideology of education, based on the formation of universal competencies of the future, among which modern educational strategies focus on the development of metasubject and personal competencies, as well as on mastering the skills of systemic thinking. The sociocultural phenomenon of additional education is considered as a sociosphere that includes both the institutional characteristics of an educational organisation and informal sociocultural practice, public self-organisation and amateur creative and civic initiatives. Additional non-formal education is considered as a social mechanism for implementing the strategy of mobile continuous education, which is personalised throughout life.

Keywords: additional education; creativity; creative economy; life strategy; competencies of the 21st century; personal education; continuous education; cultural creativity; sociosphere.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the research project «Development of the national model of non-formal (additional) education of children and youth in the context of international ethno-cultural dynamics» (state registration No. 20212198). The author expresses their gratitude to the scientific supervisor of the project corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor A. N. Danilov.

Введение

Образовательные системы, будучи базовым социальным институтом воспроизводства человеческого потенциала, не являются гомогенным, универсальным и абсолютно устойчивым механизмом репродукции активности поколенческих когорт и построения жизненных стратегий обучающихся. В различные цивилизационно-исторические периоды и в разных этнических общностях традиционно оформившиеся образовательные институты, обеспечивавшие академическое и профессиональное обучение, мыслящий человек дополнял сферами, в которых мог осуществлять жизнетворческую деятельность. Она могла протекать в самоорганизующихся общинах, группах и объединениях (сегодня – в социальных сетевых сообществах) либо реализовываться в форме индивидуального опыта путем вовлечения в какую-либо область практической, мыслительной и (или) духовной деятельности.

Нидерландский исследователь неформального образования Р. Кларийс приводит фрагмент описания жизненной стратегии французского философа Рене Декарта: «Он был весьма умным студентом, когда ему исполнилось 27 лет, он изучил все известные в то время науки. Он познал глубины математики, юриспруденции, музыки, медицины, астрономии и риторики. По его собственному выражению, он прочел *Книгу Науки*. Тем не менее этого Декарту оказывается недостаточно, и он отправляется в Нидерланды, где вступает в ряды армии принца Мауритса, известной как самая современная армия того времени. Ему хотелось изучить жизнь или – как он говорил – прочесть *Книгу Жизни*. Вскоре Декарт разочаровался в том, как люди разрешают споры и принимают решения, что заставляет его покинуть армию, вернуться в Париж много видевшим, обезддившим почти всю тогдашнюю культурную

Европу человеком. Вряд ли кто из людей науки его поколения совершил столько путешествий. Затем Декарт принимает решение вернуться в Нидерланды и двадцать лет посвятить академической карьере в Амстердамском и Ульрихском университетах. После... Декарт начинает работу при дворе королевы Швеции Кристины, но вскоре умирает. Его *Книга Науки* и *Книга Жизни* символизируют, соответственно, формальное и неформальное образование. Если для столь умного человека, как Рене Декарт, формальное академическое образование и занятия науками оказались недостаточными для того, чтобы обрести жизненную устойчивость, и ему решительно понадобилась *Книга Жизни*, то как нормальный ребенок сможет обрести понимание жизни и стать гражданином?» [1, с. 18]. Р. Кларийс, абстрагируясь от глубинных смыслов философского метода дедукции великого картезианца, акцентирует внимание на его реализованной потребности активного участия в жизни общества. Путь великого философа отражает, насколько важно напитать разум ощущениями реальности мира, смыслами и ценностями бытия, постигнутыми в опыте. По всей вероятности, обогащение персонального опыта не единственно умозрительным наблюдением, но и субъективным проживанием социальных процессов стало катализатором актуализации творческого начала разума. Академическое знание и объективация действия моделируют онтологию мышления, являя миру знаменитую формулу: «Я мыслю, следовательно, я существую».

Предтечей теоретико-методологического развития психологии личности, исследования движущих сил ее самоосуществления и творческой самореализации стала философия Бенедикта Спинозы. Его идеи о взаимоотношении аффекта, интеллекта

и интуитивного разума выдающийся отечественный психолог Л. С. Выготский назвал величайшей революцией духа, переворотом в системе мышления [2]. Успех жизненной стратегии личности, полнота реализации ее потенциала в избранных сферах жизненного континуума определяются развитием социального мышления, включая ценностно-регулятивные ориентиры и характер когнитивных и эмоциональных индивидуальных особенностей. Изучению личности как субъекта жизни посвящены труды С. Л. Рубинштейна [3]. Процессы и механизмы построения жизненной стратегии описываются

в работах К. А. Абульхановой-Славской [4]. Концепция культурно-исторического понимания развития личности и проблемы поддержки одаренных людей разрабатывались Л. С. Выготским [2; 5], А. Г. Асмоловым [6], Д. Б. Элькониним [7] и другими учеными. Значительный вклад в исследование оснований для развития креативных возможностей человека, самоактуализации его потенциала в творчестве, а также повышения плодотворности обучения через творческую деятельность внесли представители гуманистической психологии А. Г. Маслоу [8] и К. Р. Роджерс [9].

Современный социум: креативное развитие

Многогранные аспекты креативности активно исследовались на протяжении всего XX в. Креативность личности в качестве ресурса развития социума остается в фокусе теоретической рефлексии и инновационной практики и в нынешнем столетии.

Осмысление психологического феномена творческого самовыражения человека все чаще происходит в контексте управления креативным потенциалом как движущей силой развития общественного сознания и механизмом инновационного трансформирования экономических процессов. В 2000 г. Организация экономического сотрудничества и развития опубликовала отчет «Креативное общество XXI века»¹, ставший первым международным документом, который ввел данный концепт в политический оборот. Эксперты-экономисты, в частности Б. Стивенс, Р. Миллер и В. Михальски, используют его для обозначения современного этапа роста экономики знания и формирования общества знания, в рамках которого гомогенизированное массовое производство сменяется творческим разнообразием и децентрализацией ответственности. Развернутый теоретический обзор становления концептуальных моделей креативного общества, анализ их комплементарности и различий смысловых доминант представлены в цикле публикаций белорусского философа И. Я. Мацевич-Духан [10–13]. Ключевые коннотации феномена креативности связаны с идеями креативной демократии как способности сообществ к интеллектуальному суждению и действию (Дж. Дьюи [14]), процессами креативного образования и типологизацией видов креативного мышления (А. Ф. Осборн [15], Э. П. Торренс [16], Дж. П. Гилфорд [17; 18]), построением креативного общества на основе теории креативного действия (Х. Йоас [19]) и теории сингуляризации (А. Реквитц [20]), творчеством как интегральным качеством человеческого действия, выступающего основанием для интеграции социальной повседневности и макросоциологии (А. Турен [21]), а также с концепцией креативного класса (Р. Флорида [22], Ч. Лэндри [23]).

Процессы коммерциализации продуктов креативной деятельности групп и сообществ содействуют становлению и продвижению прибыльного сектора креативной индустрии как сферы активной коллаборации науки, искусства, технологий и бизнеса. Сегодня идет активный поиск инновационных форматов развития культурно-предметной и информационной среды в пространстве жизнедеятельности человека. Изобретение креативной индустрии в 1990-х гг. предполагало, что культурная экономика и урбанистическое предпринимательство будут способствовать экономическому росту стран, адаптации общества к динамичному глобальному рынку, новому механизму разделения труда с увеличением сегмента услуг и внедрением информационных технологий, оформлению социальных сетей как моделей коммуникации. В современном обществе императив креативности выступает в качестве категории синергии экономического успеха и социальной эффективности сообществ, основанной на принципе доверия и предполагающей обмен и управление ресурсами, и реализуется в формате кластерных моделей бизнеса, символических культурно-образовательных пространств и т. д.

Ключевые идеи креативной экономики представили профессора стокгольмской школы экономики К. Нордстрем и Й. Риддерстрале в работе «Бизнес в стиле фанк. Капитал пляшет под дудку таланта» [24]. Размышляя о креативной экономике, работающей в условиях перепроизводства, авторы отмечают, что наиболее динамичным звеном в традиционной конкуренции, которая определяет преимущество в современных условиях, выступает идентичность, связанная с эмоциональными привязанностями к символам. Конкурируя, компании стремятся обладать самыми передовыми технологиями и программами, привлекать самые компетентные кадры и использовать самые эффективные механизмы менеджмента при максимальном вложении финансов. В этой гонке участвуют многие успешные компании, известные бренды, продукты которых отвечают высоким

¹The creative society of the 21st century. Paris : OECD Press, 2000. 197 p.

стандартам качества. При этом предпочтения покупателя будут зависеть от его иррационально-эмоциональных мотивов. «Конкурентоспособность компании основывается на чувствах и фантазиях, ее определяет временная монополия на эмоциональную приверженность и воображение. В новой экономике работает E-конкурентоспособность как достигнутый эффект эмоционального удовлетворения потребителя, реализованный потенциал корпоративного воображения и экономический эффект задушевности. <...> Для наших потребителей экономический эффект задушевности означает, что компания фокусирует свое внимание не только на самом продукте, но и на наших эмоциях, связанных с использованием этого продукта» [24, с. 181].

Современный бренд – это привязанность, ценности и сложившиеся установки. Успех определяется способностью быть особенным, другим, интересным. Конкурентное преимущество сегодня создается за счет смещения акцента с прямой технологической конкуренции на постоянную готовность к изменениям, поиску идей и решений и даже на управление человеческими ресурсами путем стимулирования атмосферы творческого азарта и вдохновения.

Принцип бесконечной инновации предполагает непрерывающийся поиск путей создания новых ценностей и идей для всех, кого так или иначе затрагивает деятельность компании. Чтобы создать успешный бизнес, надо уметь привлекать и удивлять людей, а также создавать привязанности. Бизнес-лидерство – это прежде всего привлечение креативных специалистов и управление потоком внимания потребителей, а также придание некоего смысла существованию, помощь в самоопределении для новых поколений и социальных групп. Основной задачей компании станет не столько предоставление занятости людям, а их организация. «Определенно существует огромная разница между традиционным работодателем и организатором. Организатор предлагает не работу, а возможности, пространство для творчества. Он может взять идею, определить, какие требуются для ее осуществления ресурсы, а затем привлечь эти ресурсы. Креативный организатор, у которого есть вдохновение, в один день может мобилизовать армии интеллектуалов для решения какой-нибудь специфической задачи» [24, с. 149].

Провозглашая принципы бизнеса в стиле фанк как новой реальности глобального мира, К. Нордстрем и Й. Риддерстрале акцентируют внимание на вызовах современного жизнеустройства. Три силы – технологии, общественные институты и ценности – создали интернациональный мир, в котором решающую роль обретают знания. В новой среде конкуренция тотальна и индивидуальна одновременно. Если знание выступает основным фактором конкуренции, то все люди конкурируют друг с другом. «Завтра мы проснемся в мире, в котором всем

нам придется признать, что мы обречены на свободу, свободу выбора. Спасения нет. Общественные институты не станут делить с нами ответственность, поскольку сами находятся в состоянии тяжело протекающей трансформации. Нет “пойманных и засушенных” ценностей, которые могли бы послужить спасением» [24, с. 64]. Технологии существуют для того, чтобы открывать новые возможности, повышать экономическую эффективность, но не снимать с человека ответственность. Чем больше возможностей, тем выше ответственность. Прежние институты, ценности и технологии начинают исчезать. Решения настоящего и будущего будут приняты в условиях всеобъемлющей неопределенности. Главный авторский посыл связан с утверждением определяющего значения свободной творческой энергии личности в создании социально-экономического ландшафта. Талант – это единственное, что сегодня заставляет капитал «плясать» в режиме нон-стоп [24, с. 162].

В новой экономической парадигме развитие компаний и образование неразрывны. Знания не всегда могут быть зафиксированы в книгах или формализованы каким-то способом, они требуют живого общения, корпоративного сотрудничества. Чтобы знания и творческую энергию объективировать в инновацию и успешно реализовать в социуме, необходимо думать с клиентом в унисон. Ключевое условие развития конкурентного потенциала производства – это знакомство с людьми, которые живут и работают рядом, а также понимание ценностей и настроений нового поколения. Внедрение инноваций не определяет различий между учебной работой и жизнью. Это неразрывный процесс.

Акценты новой системы ценностей задаются через приверженность идее прогресса, глубинные смыслы культуры, детерминирующие культурный код и формирующие мировоззрение, доверие, сотрудничество, творческую активность, эмоциональную привязанность, свободу выбора, ответственность и индивидуальность. Основные ценностные максимы агрегированы в понятие «социальный капитал», который выступает в качестве своеобразного топлива для продуктивного созидания будущего.

Американский футуролог и публицист Э. Тоффлер писал: «...люди будущего живут в условиях “высокой временности” – условия, при котором длительность отношений сокращается, пропускная способность отношений чрезвычайно ускорена. В их жизни вещи, места, люди, идеи и организационные структуры – все “расходуется” быстрее. Это безмерно влияет на их ощущение реальности, их чувство вовлеченности и способность – или неспособность – справляться с ситуациями. Эта ускоренная пропускная способность в сочетании с новизной и сложностью в окружении вызывает сильную нагрузку на способность адаптироваться и создает опасность шока будущего» [25, с. 59].

Образование через творчество – пространство развития креативной личности

Воспитание человека, способного уверенно жить в условиях изменчивой реальности и выступать в ней созидательным началом, предстает как вызов институализированным образовательным системам, как глобальная задача развития общества. Размышляя о природе креативности, А. Г. Маслоу, один из создателей гуманистической психологии и автор теории мотивации, писал: «... если мы действительно хотим, чтобы наши дети стали более человечными, чтобы они актуализировали все, заложенное в них... единственным способом обучения является обучение через творчество. <...> Вместо того, чтобы относиться к нему как к элитарному изыску, как к неуместной роскоши, как происходит это сейчас, мы можем обратиться к нему со всей серьезностью, доработать его и добиться таких результатов, о которых сегодня можно только догадываться. <...> Настала пора человека, способного жить в постоянно движущемся мире. <...> Мы должны стремиться стать другими – людьми, которым ни к чему делать мир статичным и стабильным, замораживать его людьми, которые не видят необходимости делать то, что делали их отцы и деды, людьми, которые с уверенностью смотрят в неведомый завтрашний день, людьми, настолько уверенными в своих силах, чтобы с воодушевлением смотреть в лицо грядущим переменам и жить, импровизируя и приспосабливаясь к ним. Это и есть новый тип человека. Гераклитовский тип, если хотите. Общество, взрастившее таких людей, сможет выжить; общество, которое не сможет вырастить такого человека, обречено» [8, с. 70]. Человек-импровизатор, способный принимать молниеносные творческие решения, и футурологами, и экономистами, и психологами-гуманистами воспринимается как человек будущего (уже настоящего). По словам А. Г. Маслоу, в творческом обучении и оценке креативности доминируют не созданные продукты искусства и науки (несмотря на их бесспорную социальную значимость), а процесс развития самой способности к импровизации, формирования сознания, готового к инсайту, тренировки гибкости и устойчивости к неожиданным изменениям. Цель образования через творчество состоит в том, «чтобы разработать новый тип обучения, направленный на создание столь необходимого нам человека процессуального, креативного, импровизирующего, доверяющего самому себе, отважного и автономного» [8, с. 112]. Ценность такого образования заключается в понимании человеком своих высших потребностей и стремлении к их актуализации. Если образование через творчество будет создавать возможности для самоактуализации человека, то, по мнению А. Г. Маслоу, очень скоро можно будет наблюдать расцвет цивилизации нового типа. Люди станут сильными и здоровыми, смо-

гут всецело управлять своей жизнью. Человек будет руководствоваться ценностями разума, перестанет быть равнодушным к окружающему миру, активно включится в духовное переустройство общества. Сам креативный процесс развития личности, с точки зрения А. Г. Маслоу, выступает путем к социальной гармонии.

Э. Тоффлер отмечает, что «людям, которые должны жить в супериндустриальном обществе, понадобятся новые умения и навыки в трех сферах: умении учиться, умении общаться и умении выбирать» [25, с. 450]. Причем навык учиться включает в себя умение разучиться и переучиться и ориентируется не столько на освоение знаний, сколько на умение оперировать ими при решении нестандартных задач. Это обосновывает необходимость непрерывного образования в течение всей жизни, причем потребность включения в непрерывный поток обучения должна целенаправленно формироваться в ранние периоды развития личности. Умение общаться непосредственно связано с формированием психологической готовности к доверительным отношениям, что закладывает основу для кооперации в совместной творческой и поисково-проектной деятельности. Функционирование сетевых профессиональных сообществ и межкультурные коммуникации предполагают развитие необходимого уровня эмоционального интеллекта как способности понимать себя и других и испытывать эмпатию, необходимую для плодотворного сотворчества. Умение выбирать связано с формированием системы ценностных ориентаций личности, которые немислимо внедрить в сознание путем прямой ретрансляции абстрактных понятий, отражающих максимы культуры и морали. Ценности должны быть апробированы на собственном опыте социальных взаимодействий и предметно-практической деятельности, «примерены» на желаемую модель будущего самоопределения и приняты в качестве подлинных регуляторов жизненной стратегии человека. Невозможно управлять ценностями развивающейся личности извне, поскольку они избираются или отвергаются, становятся фундаментом жизнедеятельности только на основе внутренней свободы, будучи предварительно отрефлексируемыми на соответствие духу времени.

В те же процессы, что и отдельный индивидуум, становящийся личностью, вовлечены и целые поколенческие когорты детского и подросткового населения, постигающие в опыте обучения смысловые коды культуры, сущностные вызовы и закономерности современного социума. Потенциал культуры создают мировоззренческие универсалии, которые осуществляют селекцию опыта, отбирают то, что достойно культурной трансляции, а также

образуют категориальный строй сознания людей той или иной эпохи. Они же создают целостный идеал жизненного мира человека, выражающий его отношение к природе, обществу и сознанию. Наполнение существующих ценностей новым содержанием – результат укоренения новых мировоззренческих смыслов, которые отражают состояние культуры как среды, где происходит постоянный синтез традиционного и нового цивилизационного опыта. В результате формируются мировоззренческие установки, которые определяют жизненные приоритеты и идеал прогресса активной части населения. Почвой же, где «завязываются точки роста нового, обновляются ценности, наполняются новым смыслом, обогащаются или отвергаются концепты, как раз и является культура» [26, с. 22].

Конвенциональное видение проблемы воплощается в широком распространении концептуального подхода, описывающего компетенции XXI в. Данный подход можно рассматривать как глобальный социальный тренд постиндустриальной эпохи креативных экономик, основанных на конвергенции сетевого управления инновациями, персонального развития и информационно-цифровых технологий. В развитых странах идет системная работа по определению оптимальных навыков, ориентированных на эффективное воплощение модели адаптивного социального интеллекта и новаторского стиля социального действия. В работе участвует максимальное количество заинтересованных групп общества. Среди международных консорциумов – лидеров в разработке стратегий будущего следует назвать Организацию экономического сотрудничества и развития, Международное общество технологий в образовании, Министерство образования Сингапура и др. В России продвижением идей компетенций будущего занимаются Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Московская школа управления «Сколково», Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики». С 2013 г. с применением форсайт-технологии реализуется масштабный проект «Форсайт компетенций 2030», позволяющий прогнозировать, как будет развиваться экономика и какие профессии будут востребованы в среднесрочной перспективе. В проекте участвует более 4 тыс. международных экспертов. Кроме того, разработан альманах-навигатор «Атлас новых профессий», задающий компетентностные ориентиры в модернизации образовательных систем [27].

Современная идеология образования сосредоточена на формировании компетенций будущего. В качестве приоритетов в образовательных стратегиях экспертное сообщество определяет накопление метапредметных и личностных компетенций, а также овладение надпрофессиональными навыками, которые позволят творчески работать с информацией, продуцировать новое знание, генерировать идеи

и воплощать их в создании инновационного продукта. Основы предметных школьных дисциплин рассматриваются как первоначальная ориентировочная база знаний, обеспечивающая подготовительный уровень образования в условиях стремительного обновления информации.

Для ориентации в креативном социуме необходимо стимулировать развитие дивергентного и конвергентного типов мышления у детей и подростков [17; 18]. Синтез конвергентного мышления (рационально-логического, системного, позволяющего эффективно работать со знаково-символическими потоками динамичных знаний) и дивергентного мышления (нестандартно-парадоксального, ассоциативного, допускающего множество выводов, сфокусированного на генерировании уникального) выступает мегакомпетенцией современности. Креативный социум диктует необходимость овладения надпрофессиональными компетенциями, среди которых следует выделить навыки работы в многоязычных и мультикультурных средах, так как золотым стандартом становится не просто удаленная работа и коммуникация с помощью современных технологий, но и сотрудничество в распределенных командах (коллеги могут находиться на разных континентах). Особую ценность представляет умение общаться на международных профессиональных языках (значительная часть специалистов будущего будет разбираться не только в собственной отрасли, но и в отраслях своих поставщиков и потребителей), т. е. владеть навыками междисциплинарного общения, позволяющими создавать синтетические высокотехнологичные продукты (например, строители, программисты, эргономисты, архитекторы, робототехники, применяя эти навыки, создают систему «умный дом»). Наибольшего успеха достигнут компании, ориентированные на запросы потребителя и создающие новые привлекательные продукты. Важнейшей составляющей экономического развития является клиентоориентированность, которая базируется на коммуникативных навыках эффективного общения, развитом эмоциональном интеллекте и маркетинговых умениях. Сегодня любая деятельность все больше приобретает вид сложных задач-проектов. Поэтому умение не только работать в проектных командах, но и самостоятельно генерировать идеи и организовывать проектные инициативы становится критически важной компетенцией будущего. В эпоху перемен специалисты должны быть готовы трудиться в условиях высокой неопределенности, а значит, уметь быстро принимать решения, конструктивно реагировать на изменения, распределять и перераспределять ресурсы, в том числе личностные, управлять своим временем и психологическим потенциалом. Специалист будущего будет справляться с задачами, которые подвластны только человеку, технологичные задачи

будут решать автоматизированные производственные системы и программные комплексы.

Значительная часть деятельности и профессий будущего станет креативной и, как следствие, потребует взаимодействия творческих профессиональных групп. Поэтому важнейшей метакомпетенцией является способность работать в команде, осуществлять коммуникацию, в том числе для предотвращения и разрешения конфликтных ситуаций.

Серьезным фактором успешного экономического развития становится социальный капитал, который представляет собой совокупность общественных и межгрупповых связей, а также набор моральных норм. Именно социальный капитал способен существенно повысить интенсивность развития и рост конкурентоспособности страны, а также расширить адаптационный потенциал и творческие возможности современного человека [28, с. 2]. Наиболее авторитетные подходы к анализу социального капитала представлены в концепциях П. Бурдье, Р. Патнэма, Ф. Фукуямы, Дж. Коулмана, Р. Барта, Р. Инглхарта, А. Портеса и др. Различия подходов исследователей связаны с фокусом анализа на внешней либо внутренней организации взаимодействия социальных групп, а также с уровнем коммуникации социальных акторов (на микроуровне функционируют группы с акцентом на совокупность индивидуальных ресурсов ее участников, на макроуровне действуют социальные институты и крупные общности, образующие сети). Существует целый корпус определений понятия «социальный капитал». Например, П. Бурдье рассматривает его как совокупность актуальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием прочными сетями связей более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания. Р. Патнэм характеризует социальный капитал как сеть отношений между людьми, нормы этих отношений и доверие, т. е. все то, что позволяет индивидам совместно двигаться к достижению общих целей [28, с. 52]. Данные мировой науки говорят о том, что именно социальный капитал способен существенно повысить интенсивность развития и рост конкурентоспособности

страны в целом и адаптационный потенциал и творческие возможности человека в частности [28, с. 2].

Адаптация компетентностного подхода к образовательным практикам производилась с помощью инструмента инновационного проекта «4К современного мира. Формирование компетенций XXI в. и оценка индивидуального прогресса в их развитии», разработанного Институтом образования Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики»². Модель «4К» включает следующие ключевые компетенции: креативность, критическое мышление, коммуникацию, кооперацию. Эта методологическая платформа легла в основу концепции школьного образования в XXI в. и широко используется для переструктурирования содержания образования с учетом необходимости развития у обучающихся новых навыков. В докладе «Новое видение образования», представленном на Всемирном экономическом форуме в Давосе в 2016 г.³, были выделены три сферы навыков, важных для современного человека: новая информационная грамотность, компетенции XXI в. и личностные характеристики. Американский эксперт по образовательным технологиям М. Резник, исследуя становление креативного мышления в рамках школьных лабораторий, отмечает, что сегодня возрастает потребность в развитии молодых людей как креативных мыслителей, способных быстро адаптироваться к новым условиям. Один из лучших способов помочь молодым людям подготовиться к жизни в креативном обществе – убедиться, что у них есть шанс следовать собственным интересам и претворять свои идеи в жизнь [29, р. 158].

В данном контексте возникает множество вопросов. Возможно ли говорить об обучении креативному мышлению, организации образования через творчество уже сейчас? Способны ли учебные заведения, пособия научить жить в будущем? Не идет ли речь об умозрительных идеях фантастов и красивых, но идеальных моделях футурологов и теоретиков? Существуют ли механизмы и средства, способные помочь нынешним школьникам в освоении компетенций будущего?

Дополнительное образование как сфера социального культуротворчества

Поиск практических решений по воплощению обучения через творчество в социальной практике образования берет начало в первые десятилетия XX в. На протяжении всей истории Советского Союза внешкольная занятость детей, как универсальный механизм социального воспитания, была

в фокусе внимания государства. В разные исторические периоды в массовой работе с детьми актуализировались принципиально различные смысловые акценты, в значительной мере обусловленные политико-идеологическими факторами. С 1990-х гг. перспектива включения детей и молодежи в вос-

²Компетенции 21 века в национальных стандартах школьного образования. Аналитический обзор в рамках проекта подготовки международного доклада «Ключевые компетенции и новая грамотность: от деклараций к реальности» [Электронный ресурс]. URL: <https://vbudushee.ru/upload/iblock/f30/f30f7b26a9c431f523d437d5d85857b1.pdf> (дата обращения: 23.08.2022).

³New vision for education. Unlocking the potential of technology [Electronic resource]. URL: <https://widgets.weforum.org/nve-2015/index.html> (date of access: 21.08.2022).

производство центростремительных сил развития общества определялась условиями турбулентности глубинного цивилизационного кризиса и реализовывалась через преодоление социальной аномии. Утрата структурного единства общества, нарушение баланса интересов и дезорганизация связей между социальными группами критически обострили потребность целых поколений в восстановлении духовно-нравственных и культурных смыслов гуманизма. Эпоха миллениума актуализировала нестабильность условий жизнедеятельности человеческих сообществ. Этот тренд цивилизационной динамики характерен не только для постсоветских стран, но и для всех участников современного мирового геополитического процесса. Возможность быстрой адаптации к меняющейся среде, творческо-преобразовательная деятельность и эффективность самореализации стали мейнстримом всех социальных процессов. Парадигма непрерывного образования в течение всей жизни становится фактором успешной адаптации общества к стремительной динамике социально-экономической, информационной и культурной реальности.

Сегодня все большую значимость приобретает сегмент образования для детей и молодежи, который не регламентирован стандартами и способен удовлетворить диверсифицированные потребности, формирующиеся вне предметно-тематических рамок школьного обучения. Данная социокультурная практика в разных странах маркируется по-разному: «внешкольное образование», «неформальное образование», «дополнительное образование».

Неформальное дополнительное образование детей и молодежи – особый социокультурный феномен, содержащий качественные характеристики социальной практики, общественной самоорганизации и самодетельных творческих и гражданских инициатив. В этом смысле неформальное образование осуществляет синтез культуротворчества и социального творчества на основе добровольного выбора вариативных образовательных областей и социокультурных направлений деятельности, что задает возможность конструирования персональной образовательной траектории. Ощущая недостаточность стандартизированной системы знаний, люди активно посещают различные семинары, курсы, объединения по интересам и клубы. В Международной стандартной классификации образования, разработанной ЮНЕСКО, такой тип образования и развития определен термином «неформальное образование». Он отражает суть концепции образовательной мобильности и свободного обучения на протяжении всей жизни. Его отличают следующие особенности: доступность вне зависимости от возраста, пола, уровня образования, религиозной и национальной принадлежности; вариативность как полипредметная направленность содержания и свобода выбора; практико-деятель-

ностный характер; творческая культуросозидающая природа.

Дополнительное образование ориентировано главным образом на формирование универсальных метапредметных компетенций личности, развитие креативности и нестандартного мышления. Дополнительное образование обучает социальным и культурным практикам, развивает культурные традиции, содействует становлению навыка межкультурных коммуникаций, помогает обрести личностные смыслы в трансляции наиболее важных общественных ценностей.

В эпоху динамичного развития технологий, стремительного информационного обмена жизнь требует чрезвычайной гибкости мышления и поведения. Умение жить быстро и эффективно, проявлять импульсивность (способность вписываться в жесткие условия выполнения задач) является необходимостью для успешной самореализации в пространстве актуальных социальных отношений. Важно развивать навык ориентации в информационном пространстве, сфере материальной и духовной культуры, быть готовым и мотивированным к самообразованию. Сегодня важнейшей социальной компетенцией выступает умение быстро адаптироваться к постоянно меняющейся ситуации. Отсутствие мобильности в процессе освоения новых знаний и навыков является главным мерилем несвободы человека в современном обществе.

Преобразование социальной реальности побуждает к осмыслению новых качественных феноменов в образовательных системах. Аналитики отмечают, что сейчас происходит метаскачок в развитии системы образования. Суть этого скачка – переход к парадигме персонального образования, которая представляет собой уникальную интеграцию общего и дополнительного образования. Еще в начале XX в. гениальный мастер методологии познания К. Ц. Левин предложил конструкт «мотивирующая реальность». В диалоге с ним Л. С. Выготский высказал мысль о том, что главная беда образования состоит в том, что ребенок знает, умеет и может, но не хочет. Диалог между К. Ц. Левиным и Л. С. Выготским привел к появлению понятия смыслового, жизненного пространства. В XXI в. ключевая задача образования – это превращение социальной среды, в которой живут и развиваются дети, в мотивирующее пространство персонального образования, определяющее самореализацию личности [30, с. 14]. До недавнего времени в образовательном тезаурусе не существовало понятия «персональное образование». В научно-практический оборот оно введено в связи с разработкой Концепции развития дополнительного образования детей в Российской Федерации до 2030 г. и Концепции развития системы образования в Республике Беларусь до 2030 г. Суть дополнительного образования как персонального

обучения концептуализируется в качестве ключевого механизма адаптации к изменениям.

С точки зрения смыслового концепта дополнительное образование рассматривается как личностно образующая или личностно порождающая деятельность. С точки зрения базовой характеристики это конструктивная культуросозидающая деятельность. В непрерывном образовании идеология сливается с социальной технологией. Дополнительное образование всегда апеллирует не только к логическому, но и к практическому разуму. В данном контексте используются такие конструкты, как зона вариативного развития личности, механизм развития социального капитала, культурно-духовный потенциал общества и т. д.

В современных условиях императив формирования гуманистически ориентированной творческой личности определяется объективными и субъективными обстоятельствами. В объективном отношении динамичная поликультурная ситуация предполагает наличие у индивида активной позиции и способности осуществлять самостоятельный выбор и нести за него ответственность. В субъективном плане состояние творческого поиска, нацеленность на самореализацию индивидуальности в творческой деятельности наполняют жизнь глубоким смыслом.

Формирующаяся личность должна ощущать себя прежде всего субъектом творческой деятельности, творцом потенциально востребованного результата – культурной формы, которая синтезирует в себе формальные, ценностные, деятельностные, субъект-культурологические аспекты и обеспечивает трансляцию культурно-цивилизационного опыта в его ценностно-смысловых и предметно-объективированных образцах.

Обучение, нацеленное на развитие в человеке креативного начала, основывается на ориентациях образовательной среды как гуманистической

практики, направленной на освоение содержания культуры. Такая практика включает следующие компоненты:

- гуманистические ценностные приоритеты (важнейший из них состоит в том, чтобы помочь формирующейся личности найти себя в поликультурном мире);
- культуротворческий характер деятельности субъектов – педагога и ребенка (молодого человека);
- сотворческий диалогический процесс, нацеленный на формирование мотивации и интереса, а также на создание феномена эмоционального притяжения;
- проектирование мотивирующих образовательных сред для конструирования индивидуальных маршрутов в формате преемственного образования, нацеленных на самоопределение личности, развитие у нее универсальных компетенций, а также ориентация на раннее формирование профессиональных намерений;
- технологии проектирования программно-методических комплексов на основе авторского содержания образовательных программ;
- технологии проектирования креативных форматов социокультурных пространств, поддержка диверсификации зон для творческой самоактуализации молодежи;
- процессы инкультурации и этносоциализации как механизм усвоения ценностных моделей и форм национальной культуры, а также формирования национально-культурной идентичности;
- развитие социальных технологий инновационного мышления, в том числе через деятельность ресурсных центров, центров инновационных практик, создание кластерных моделей в организации образовательных пространств, работающих на принципах сетевого и межведомственного взаимодействия и государственно-частного партнерства.

Заключение

Положение любой страны в мире определяется в первую очередь качеством человеческих ресурсов, которыми она располагает, наличием социальных механизмов формирования поколения, способного жить и работать в условиях глобальной нестабильности и становления креативных обществ. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, 74 % миллениалов, представляющих сегодня экономически активную генерацию, не считают наличие академического образования гарантом профессиональной востребованности. В отличие от представителей старших поколений миллениалы относятся к образованию не как к формальному показателю статуса, а как к источнику практической пользы, ресурсов для успешной самореализации⁴.

Дополнительное образование, как сегмент образовательных систем и формат социокультурной деятельности, содержит в себе микрокосм, или образ всех общественных отношений социума. Современное дополнительное образование детей и молодежи представляет собой полисферную область ресурсных возможностей, которая охватывает творение самоценной детской и молодежной культуры, интериоризацию мировых культурных традиций и ценностей, постижение законов экономических взаимодействий, воплощение творческих ноу-хау и бизнес-идей, научно-исследовательский поиск, формирование осознанного профессионального выбора, развитие надпрофессиональных компетенций личности (экологического и системного

⁴Кто такие миллениалы: ценности поколения Y [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/62b2cd0d9a7947102496d14e> (дата обращения: 21.08.2022).

мышления), влияние идеологии государства, определяющей формирование патриотических ценностей и гражданской активности, воспитание культуры политического действия, возможности для детской народной дипломатии, международного сотрудничества и познания родного края, использование медиапространства и информационных технологий и т. д. Дополнительное образование культивирует теплоту семейных ценностей и милосердие к тем, чье жизненное пространство ограничено состоянием здоровья или социальным неблагополучием. Педагогически организованное пространство дополнительного образования детей и молодежи чутко реагирует на социально-экономические изменения и выступает своеобразным барометром, отражающим социальное самочувствие общества. Современное дополнительное образование представляет собой социальную технологию, посредством

которой происходит обучение через творчество. Мотивирующие образовательные среды, нестандартизированные форматы освоения содержательных областей, диверсификация предметно-практических направлений, проектно-поисковые образовательные технологии задают пространство для расширения креативных возможностей личности. Специфическое преломление основных универсалий культуры в индивидуально-ориентированной образовательной практике превращает дополнительное образование детей и молодежи в целостный социальный процесс культуротворчества, где ребенок может развиваться и творить. Социокультурную область, в границах которой идет непрерывный процесс мотивирующего познания и творческой самореализации формирующейся личности, правомерно рассматривать как образовательно-развивающую социосферу.

Библиографические ссылки

1. Кларийс Р. *Неограниченные таланты и внешкольное образование = Unlimited talents and non-formal education*. Канторович О, переводчик. Прага: [б. и.]; 2008. 112 с.
2. Выготский ЛС. Проблема культурного развития ребенка. *Вестник Московского университета. Серия 14, Психология*. 1991;4:5–18.
3. Рубинштейн СЛ. Принцип творческой самодеятельности. *Ученые записки высшей школы г. Одессы*. 1922;2:148–154.
4. Абульханова-Славская КА. *Стратегия жизни*. Москва: Мысль; 1991. 299 с.
5. Выготский ЛС. *Воображение и творчество в детском возрасте*. Москва: Госиздат; 1930. 232 с.
6. Асмолов АГ. *Культурно-историческая психология и конструирование миров*. Москва: Институт практической психологии; 1996. 768 с.
7. Эльконин ДБ. *Психология игры*. Москва: Педагогика; 1978. 304 с.
8. Маслоу АГ. *Дальние пределы человеческой психики*. Татлыбаева АМ, переводчик. Санкт-Петербург: Евразия; 1999. 432 с.
9. Роджерс КР. *Становление личности. Взгляд на психотерапию*. Злотник М, переводчик. Москва: Эксмо-Пресс; 2001. 462 с.
10. Мацевич-Духан ИЯ. От понятия к концепту креативного общества. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;2:25–37. DOI: 10.33581/2521-6821-2020-2-25-37.
11. Мацевич-Духан ИЯ. О границах креативности в современном обществе. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;4:21–34.
12. Мацевич-Духан ИЯ. Теория креативного общества в формате политической манифестации. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;2:6–19.
13. Мацевич-Духан ИЯ. «Креативный поворот» в европейской социальной теории. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2021;2:40–49 (на англ.). DOI: 10.33581/2521-6821-2021-2-40-49.
14. Dewey J. Creative democracy – the task before us. In: Boydston JA, editor. *John Dewey: the later works, 1925–1953. Volume 14*. Carbondale: Southern Illinois University Press; 1988. p. 224–230.
15. Osborn AF. *Applied imagination. Principles and procedures of creative problem solving*. New York: Charles Scribner's Sons; 1953. 317 p.
16. Torrance EP. *Education and the creative potential*. Minneapolis: University of Minnesota Press; 1963. 167 p.
17. Guilford JP. *The nature of human intelligence*. New York: McGraw Hill; 1967. 538 p. DOI: 10.1126/science.162.3857.990-a.
18. Гилфорд ДжП. Структурная модель интеллекта. В: Матюшкин АМ, редактор. *Психология мышления*. Москва: Гардарики; 2005. с. 37–45.
19. Joas H. *The creativity of action*. Chicago: University of Chicago Press; 1996. 336 p.
20. Reckwitz A. *The invention of creativity*. Cambridge: Polity Press; 2017. 310 p.
21. Турен А. *Возвращение человека действующего. Очерк социологии*. Самарская ЕА, переводчик. Москва: Научный мир; 1998. 204 с.
22. Florida R. *Cities and the creative class*. New York: Routledge; 2005. 208 p.
23. Лэндри Ч. *Креативный город*. Гнедовский В, Хрусталёва М, Гнедовский М, переводчики. Москва: Классика – XXI; 2011. 399 с.
24. Нордстрем КА, Риддерстрале Й. *Бизнес в стиле фанк. Капитал пляшет под дудку таланта*. Павловский П, переводчик. Санкт-Петербург: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге; 2005. 280 с.
25. Тоффлер Э. *Шок будущего*. Руднева Е, Бурмистрова Л, Бурмистров К, Москвина-Гарханова И, Микиша А, Мирер А и др., переводчики. Москва: АСТ; 2001. 580 с.
26. Данилов АН. Потенциал культуры и механизм формирования нового идеала прогресса. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;2:20–24. DOI: 10.33581/2521-6821-2020-2-20-24.
27. Варламова Д, Судаков Д, редакторы. *Атлас новых профессий 3.0*. Москва: Интеллектуальная литература; 2020. 456 с.
28. Почебут ЛГ, Свенцицкий АЛ, Марарица ЛВ, Казанцева ТВ, Кузенцова ИВ. *Социальный капитал личности*. Москва: ИНФРА-М; 2014. 250 с.

29. Resnick M. *Lifelong kindergarten. Cultivating creativity through projects, passion, peers, and play*. Cambridge: The MIT Press; 2018. 208 p.

30. Асмолов АГ. Мотивирующий мир: стратегия развития открытого персонального образования как основной тренд общества знаний в сетевом столетии. В: Груздев МВ, Золотарева АВ, редакторы. *Евразийский образовательный диалог: материалы международного форума; 17–19 апреля 2013 г.; Ярославль, Россия*. Ярославль: Государственное автономное учреждение дополнительного профессионального образования Ярославской области «Институт развития образования»; 2014. с. 14–15.

References

1. Clarijs R. *Neogranichennyye talanty i vneshkol'noe obrazovanie = Unlimited talents and non-formal education*. Kantorovich O, translator. Praha: [s. n.]; 2008. 112 p. Russian, English.

2. Vygotskii LS. [The problem of cultural development of the child]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14, Psikhologiya*. 1991;4:5–18. Russian.

3. Rubinshtein SL. [The principle of creative amateur performance]. *Uchenye zapiski vysshei shkoly g. Odessy*. 1922; 2:148–154. Russian.

4. Abul'khanova-Slavskaya KA. *Strategiya zhizni* [Life strategy]. Moscow: Mysl'; 1991. 299 p. Russian.

5. Vygotskii LS. *Voobrazhenie i tvorchestvo v detskom vozraste* [Imagination and creativity in childhood]. Moscow: Gosizdat; 1930. 232 p. Russian.

6. Asmolov AG. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya i konstruirovaniye mirov* [Cultural-historical psychology and the construction of worlds]. Moscow: Institut prakticheskoi psikhologii; 1996. 768 p. Russian.

7. El'konin DB. *Psikhologiya igry* [The psychology of the game]. Moscow: Pedagogika; 1978. 304 p. Russian.

8. Maslow AH. *Dal'nie predely chelovecheskoi psikhiki* [The farther reaches of human nature]. Tatlybaeva AM, translator. Saint Petersburg: Evraziya; 1999. 432 p. Russian.

9. Rogers CR. *Stanovlenie lichnosti. Vzglyad na psikhoterapiyu* [Becoming a personality. Look at psychotherapy]. Zlotnik M, translator. Moscow: Eksmo-Press; 2001. 462 p. Russian.

10. Matsevich-Dukhan IJa. From the notion to the concept of creative society. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;2:25–37. Russian. DOI: 10.33581/2521-6821-2020-2-25-37.

11. Matsevich-Dukhan IJa. On creativity limits in contemporary society. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;4:21–34. Russian.

12. Matsevich-Dukhan IJa. A theory of creative society in the format of political manifestation. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;2:6–19. Russian.

13. Matsevich-Dukhan IJa. «The creative turn» in European social theory. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2021;2:40–49. DOI: 10.33581/2521-6821-2021-2-40-49.

14. Dewey J. Creative democracy – the task before us. In: Boydston JA, editor. *John Dewey: the later works, 1925–1953. Volume 14*. Carbondale: Southern Illinois University Press; 1988. p. 224–230.

15. Osborn AF. *Applied imagination. Principles and procedures of creative problem solving*. New York: Charles Scribner's Sons; 1953. 317 p.

16. Torrance EP. *Education and the creative potential*. Minneapolis: University of Minnesota Press; 1963. 167 p.

17. Guilford JP. *The nature of human intelligence*. New York: McGraw Hill; 1967. 538 p. DOI: 10.1126/science.162.3857.990-a.

18. Gilford J. [Structural model of intelligence]. In: Matyushkin AM, editor. *Psikhologiya myshleniya* [Psychology of thinking]. Moscow: Gardariki; 2005. p. 37–45. Russian.

19. Joas H. *The creativity of action*. Chicago: University of Chicago Press; 1996. 336 p.

20. Reckwitz A. *The invention of creativity*. Cambridge: Polity Press; 2017. 310 p.

21. Touraine A. *Le retour de l'acteur. Essai de sociologie*. Moscow: Le Monde scientifique; 1998. 204 p.

Russian edition: Turen A. *Vozvrashchenie cheloveka deistviyushchego. Ocherk sotsiologii*. Samarskaya EA, translator. Moscow: Nauchnyi mir; 1998. 204 p.

22. Florida R. *Cities and the creative class*. New York: Routledge; 2005. 208 p.

23. Landry Ch. *The creative city*. London: Earthscan Publications Ltd; 2000. 240 p.

Russian edition: Landry Ch. *Kreativnyi gorod*. Gnedovskii V, Khrustaleva M, Gnedovskii M, translators. Moscow: Klassika – XXI; 2011. 399 p.

24. Nordström KA, Ridderstrale J. *Biznes v stile fank. Kapital plyashet pod dudku talanta* [Funky business. Talent makes capital dance]. Pavlovskii P, translator. Saint Petersburg: Stockholm School of Economics in Saint Petersburg; 2005. 280 p. Russian.

25. Toffler A. *Future shock*. New York: Random House; 1970. 505 p.

Russian edition: Toffler A. *Shok budushchego*. Rudneva E, Burmistrova L, Burmistrov K, Moskvina-Tarkhanova I, Miki-sha A, Mirer A, et al., translators. Moscow: AST; 2001. 580 p.

26. Danilov AN. Culture potential and mechanism for forming a new progress ideal. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;2:20–24. Russian. DOI: 10.33581/2521-6821-2020-2-20-24.

27. Varlamova D, Sudakov D, editors. *Atlas novykh professii 3.0* [Atlas of new professions 3.0]. Moscow: Intellektual'naya literatura; 2020. 456 p. Russian.

28. Pochebut LG, Svetsitskii AL, Mararitsa LV, Kazantseva TV, Kuzentsova IV. *Sotsial'nyi kapital lichnosti* [Social capital of the individual]. Moscow: INFRA-M; 2014. 250 p. Russian.

29. Resnick M. *Lifelong kindergarten. Cultivating creativity through projects, passion, peers, and play*. Cambridge: The MIT Press; 2018. 208 p.

30. Asmolov AG. [Motivating world: strategy for the development of open personal education as the main trend of the knowledge society in the network century]. In: Gruzdev MV, Zolotareva AV, editors. *Evraziiskii obrazovatel'nyi dialog: materialy mezhdunarodnogo foruma; 17–19 aprelya 2013 g.; Yaroslavl', Rossiya* [Eurasian educational dialogue: materials of the international forum; April 17–19, 2013; Yaroslavl, Russia]. Yaroslavl: Gosudarstvennoe avtonomnoe uchrezhdenie dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya Yaroslavskoi oblasti «Institut razvitiya obrazovaniya»; 2014. p. 14–15. Russian.

Статья поступила в редколлегию 15.01.2023.
Received by editorial board 15.01.2023.

УДК 364.4-787+316.61

АЛЬТРУИЗМ И ЭГОИЗМ В МОТИВАЦИИ ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. А. ПОХОМОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Через призму альтруистической и эгоистической мотивации анализируется феномен волонтерства. Данный социальный феномен реализуется на основе ряда ключевых принципов: добровольности, ориентации на другого человека, созидательности, безвозмездности. Эти принципы тесно связаны с мотивацией волонтера как социального субъекта. Роль волонтерства в социальном развитии общества признана на международном уровне. Мировое общество должно быть нацелено на дальнейшее содействие развитию волонтерского движения среди разных социально-демографических групп. Указанная задача выполнима при наличии информации о мотивации волонтерской деятельности и внешних факторах развития волонтерства на локальном, национальном и международном уровнях. Рассматриваются преимущества междисциплинарного подхода в изучении альтруизма и эгоизма, формирующие мотивацию волонтерской деятельности. Альтруизм и эгоизм анализируются с позиций биологического и социального детерминизма.

Ключевые слова: альтруизм; альтруистическая и эгоистическая мотивация; взаимопомощь; поощрение волонтерской деятельности; мотивы волонтерства.

ALTRUISM AND EGOISM IN THE MOTIVATION OF VOLUNTEERING

A. A. POKHOMOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

In the article, the author analyses the phenomenon of volunteering through the prism of altruistic and egoistic motivation. The essence of the social phenomenon under consideration is the implementation of a few key principles in the implementation of activities: voluntariness, focus on the welfare of others, unselfishness. These principles are closely related to the motivation of a volunteer as a social subject. The role of volunteering in social development is recognised internationally. The task set before the world community is to further promote the development of the volunteer movement among different socio-demographic groups. The task is feasible if we have information about the motivation of volunteering and about external factors that facilitate or hinder the development of volunteerism at the local, national and international levels. The purpose of the research work was to consider the advantages of an interdisciplinary approach in the study of altruism and egoism, which underlie the motivation of volunteer activity. In the article, altruism and egoism are analysed from the standpoint of biological and social determinism.

Keywords: altruism; altruistic and egoistic motivation; mutual assistance; encouragement of volunteer activity; motives of volunteering.

Образец цитирования:

Похомова АА. Альтруизм и эгоизм в мотивации волонтерской деятельности. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2023;1:64–70.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2023-1-64-70>

For citation:

Pokhomova AA. Altruism and egoism in the motivation of volunteering. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023;1:64–70. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2023-1-64-70>

Автор:

Алеся Андреевна Похомова – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Alesya A. Pokhomova, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
pakhom@bsu.by

Введение

Любые преобразования в обществе отражаются на человеческом поведении. В эпоху трансформации ценностных ориентаций, индивидуализации, развития рыночной экономики с высоким уровнем конкуренции и коммерциализации изменяется характер межличностных связей, в частности, личности и группы. Взаимодействуя с представителями разных социальных категорий, субъект общества осуществляет выбор поведенческой стратегии, соответствующей его личностным убеждениям и установкам, а также нормативной системе и историческому контексту. Будет эта стратегия просоциальной (ориентированной на потребности другого человека и сопереживание ему) или индивидуалистской (ори-

ентированной на собственные потребности), зависит от многих факторов, например от социокультурного фона, прививаемых в процессе первичной социализации норм и ценностей, общественной среды, личностных качеств и особенностей характера, социального капитала и включенности индивида в разные формы и виды общественной активности. Одной из форм социальной активности выступает волонтерская деятельность. Еще на ранних этапах существования человеческого сообщества встречались самые разные формы взаимопомощи [1]. Современный, институционализированный вид оказания бескорыстной помощи другим волонтерство приобрело в начале XX в.

Волонтерство как социальный феномен

На международном уровне принципы волонтерского движения закреплены во Всеобщей декларации добровольчества, принятой в 2001 г. Указанный, 2001-й, год был объявлен Международным годом добровольцев. В декларации отмечено, что волонтерство выступает способом конструирования устойчивых социальных систем, укрепления солидарности на локальном, национальном и глобальном уровнях с опорой на общечеловеческие ценности и развитое гражданское общество. Выступая в форме индивидуальных или коллективных действий, волонтерство приравнивает каждого человека в его праве жертвовать свои ресурсы (профессиональные знания, время, труд) другому индивиду или обществу без ожидания денежного вознаграждения¹. Общественные деятели и авторы научно-исследовательских работ выделяют следующие ключевые принципы волонтерской деятельности:

- добровольность. Желание оказывать содействие в решении проблем должно исходить от действующего субъекта-волонтера, а не быть навязанным. Сегодня нередки случаи волонтерства по заданию, когда молодежь принимает участие в волонтерских мероприятиях не только по собственному волеизъявлению, но и под воздействием ряда внешних причин. Некоторые эксперты предлагают рассматривать подобные случаи не в качестве волонтерства, а в качестве общественно полезной деятельности;
- ориентация на благо другого человека. Индивидуальная или коллективная деятельность волон-

теров должна носить исключительно созидательный характер и приносить облегчение нуждающимся в помощи. Это имеет принципиально важное значение в случае социального волонтерства, ориентированного на оказание физической или психологической поддержки людям. В данном контексте возникает вопрос о необходимости документально зафиксировать положение, согласно которому социальные волонтеры обязаны проходить предварительное обучение и психологическое собеседование для предотвращения ненамеренного нанесения физического и психологического вреда подопечным. Целесообразность введения подобной обязанности очевидна для волонтерской деятельности, связанной с организацией досуга для детей с интеллектуальными нарушениями, проблемами зрения и слуха, а также с участием в поисково-спасательных работах;

- безвозмездность. Полемика о том, является ли волонтерская деятельность трудовой, не затихает, однако установка на невознаграждаемый характер оказания помощи абсолютна. В научной среде встречаются мнения о том, что все волонтеры – гуманисты и альтруисты и за оказываемые услуги ничего, кроме вербальной благодарности, получать не должны². Тем не менее открытым остается вопрос о возмещении волонтерам расходов на проезд и питание в период выполнения работы, а также о поощрении сотрудников, участвующих в корпоративном волонтерстве.

Изучение мотивации волонтерской деятельности в прикладных исследованиях

В научном сообществе расходятся мнения о мотивации действий волонтера при социальном взаимодействии с субъектом, нуждающимся в помощи.

При этом ученые, которые исследуют мотивы волонтерства, и специалисты, организующие деятельность волонтерских групп, применяют единую

¹Всеобщая декларация о добровольчестве [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iave.org/advocacy/the-universal-declaration-on-volunteering> (дата обращения: 12.12.2022).

²Попова Н. В. Волонтерство как вид общественной деятельности в современной России: социально-философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. Чита : Забайкал. гос. ун-т, 2017. 28 с.

методику выявления и измерения мотивации волонтеров.

Исследования российских [2; 3; 4, с. 95] и белорусских [5; 6, с. 11–13; 7, с. 42–45] ученых демонстрируют широту вариаций в изучении мотивации волонтеров. В ряде случаев авторы предлагают перечень переменных, связанных с мотивами (унифицированного набора нет, но предлагаемые варианты схожи по содержанию), и указывают частоту их проявления в выборочной совокупности. Так, в качестве мотивов волонтерской деятельности рассматриваются получение опыта работы, развитие личностного потенциала и эмоционального интеллекта, организация свободного времени, освоение навыков, поиск друзей, формирование социального капитала, расширение профессиональной сети, посещение культурных и спортивных мероприятий, воспитание в себе лидерских качеств, обретение нового социального опыта, проведение времени с единомышленниками, повышение самооценки, получение признания и уважения окружающих, возможность принести пользу обществу и улучшить жизнь в своем городе, помощь нуждающимся, участие в решении социальных проблем, желание оказать помощь в ответ на полученную поддержку в прошлом и т. д.

Объединение мотивов в группы имеет творческий и достаточно субъективный характер. Исследователи выделяют следующие группы мотивов:

- мотивы, ориентированные на себя (саморазвитие, совершенствование профессиональных навыков, получение новых знаний и др.), и мотивы, ориентированные на других (забота об обществе, ценность другого человека, желание помочь окружающим) [8];

- мотивы аффилиации, веры, карьерного роста, эгоистические мотивы [9];

- мотивы расширения социальных контактов, самопомощи, карьерные, идеалистические мотивы [3, с. 426];

- мотивы самореализации и оказания помощи другим [6, с. 11–13];

- мотивы самосовершенствования, альтруистические, личностные, социальные, карьерные, защитные мотивы [10, с. 128].

Так, по вектору приложения усилий все мотивы можно разделить на альтруистические (вектор на другого человека) и эгоистические (вектор на себя). Волонтерская деятельность с доминирующей альтруистической мотивацией представляет собой модификацию ценностно-рационального действия, имеющего значимость в реализации идеи добра как высшей духовной ценности. Деятельность волонтеров с доминирующей эгоистической мотивацией относится к категории целерационального действия, ориентированного на достижение цели в соответствии с необходимостью в ней. Естественным будет предположение о том, что в действительности набор мотивов волонтера более сложен и в ряде случаев основная причина деятельности не осознана им. Поэтому некоторые авторы предлагают расширить обозначенный набор мотивов смешанной группой [3, с. 427]. Использование бинарности в определении идеальных типов мотивации волонтеров обладает большим аналитическим потенциалом, в том числе при определении корреляции между доминирующим типом мотивации, социально-демографическими факторами (пол, возраст, род основной деятельности, семейное положение, место проживания волонтера и т. д.), направлением волонтерской деятельности (социальное, культурное, спортивное, экологическое и др.) и типом религиозности [11, с. 91–92; 12, с. 70–74].

Трактовка альтруизма и эгоизма в социальных науках

Несмотря на то что термины «альтруизм» и «эгоизм» активно используются во многих отраслях научного знания, среди представителей разных дисциплин (а иногда и в рамках одной) нет единства в понимании сущности указанных понятий.

Биологический детерминизм в трактовке альтруизма и эгоизма оформился в науке благодаря резонансным исследовательским работам Ч. Дарвина в середине XIX в. В качестве научного принципа он апеллирует к биологическим законам в детерминации социального поведения. Альтруистическое поведение трактуется как «поведение одного организма, которое уменьшает шансы на выживание его самого или его потомства в пользу других особей того же вида»³. Очевидно, что в данной дефиниции отражена практика альтруистического поведения не только среди людей, но и среди животных, о чем

одним из первых писал известный русский анархист П. А. Кропоткин, используя термин «взаимопомощь». Он заметил, что, рассматривая борьбу за существование как фактор эволюции живых существ, в том числе человека, Ч. Дарвин делает ремарку в отношении значимости таких механизмов эволюции, как кооперация и взаимопомощь: «Те общества, которые содержат наибольшее количество сочувствующих друг другу членов, будут наиболее процветать и оставлять по себе наибольшее количество потомства» (цит. по [1, с. 28]). Рассматривая историю человечества от первобытных времен до начала XIX в., П. А. Кропоткин пожелал уйти от гипертрофированного представления о тотальной, непрерывной борьбе между индивидами и напомнить о том, что «человек был существом общественным даже в естественном состоянии» [1, с. 83]. Несмотря

³Бек К. У. Альтруизм // Психолог. энцикл. 2-е изд. / под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. СПб. : Питер, 2006. С. 30.

на то что ученый оперирует огромным количеством фактологического материала, в его текстах присутствует наивная вера в существование «человека помогающего», но при этом не проводится глубокий анализ причин и мотивов кооперации людей на разных этапах исторического развития.

Современные исследователи отмечают, что «модели, пытающиеся объяснить альтруистическое поведение с точки зрения естественного отбора, лишают альтруизм альтруизма» (цит. по [13, с. 157]). Например, появляются низшие виды альтруизма, которые можно отнести к таковым только в контексте создания условий для выживания вида или группы: родительский (определен необходимостью передачи генетического материала детям от родителей), половой (обусловлен оказанием помощи и передачей ресурсов мужчиной женщине, так как именно она в большей степени ответственна за реализацию репродуктивной функции) и принудительный (вызван добровольной передачей субъектом чего-либо ценного статусному лицу во избежание агрессии с его стороны) [14, с. 174–190]. Альтруистические или эгоистические мотивации человеческого поступка рассматриваются представителями биологического детерминизма как зависимые от «особенностей индивидуальной наследственности и закономерностей наследственного разделения популяции на группы» [15, с. 112]. Без учета нормативно-ценностной системы общества на конкретном этапе исторического развития, социокультурного контекста, влияния социализации на формирование личности и других социальных факторов альтруизм, отражающий такие фундаментальные этические категории, как добро и зло, предстает в качестве результата случайного сочетания генов, нивелируя тем самым представления о нравственности и рациональности человека.

С точки зрения социального детерминизма альтруизм рассматривается как моральный принцип распределения приоритетов в удовлетворении своих и чужих потребностей, жизнь ради других, «нравственный принцип, предписывающий бескорыстные действия, направленные на благо (удовлетворение интересов) других людей»⁴.

Проблематике, связанной с понятиями альтруизма и эгоизма, уделяли внимание такие ученые, как Дж. Локк, И. Кант, А. Смит, Ж.-Ж. Руссо, И. Г. Фихте, А. Шопенгауэр, В. С. Соловьёв, Н. А. Бердяев, М. М. Ковалевский, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, Н. К. Рерих, А. Швейцер, П. Тейяр де Шарден, Ж. Маритен, П. А. Сорокин и др. В современной научной литературе есть довольно много критически рефлексивных работ, посвященных идеям мыслителей в контексте рассматриваемых этических принципов [13; 16–18]. Диссертационные исследования по философии и социологии последних лет отража-

ют наработки в этой области (А. В. Быков, А. Ю. Долгов, Т. В. Григорян, М. Н. Балаян, А. А. Кузьминчук, Г. Д. Ковригина и др.). Следует отдельно остановиться на некоторых наблюдениях.

Во-первых, в большинстве случаев внимание исследователей направлено на социальную и нравственную роль альтруизма в нормативно-ценностной системе и мотивации человеческих поступков (значение альтруизма в общественном развитии рассматривали классики социологии О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель и др.). При этом стоит акцентировать внимание на деятельном ракурсе альтруизма. Он предполагает сочувствие и сопереживание другому человеку и всегда проявляется в социальном действии, имеющем целью облегчить его состояние без ожидания платы за работу или услугу. Сочувствие вкупе с бездействием представляют собой мягкую форму эгоизма.

Во-вторых, из рассматриваемой пары полярных понятий в научном дискурсе доминирует изучение функций и роли альтруизма, а эгоизм, как правило, остается в тени исследовательского интереса. При этом необходимо учитывать, что в человеческом поведении преобладают именно эгоистические мотивы, которые в радикальных случаях приводят к девиациям, дестабилизирующим социальную систему. В данном контексте возникает вопрос о том, не приводят ли слепой альтруизм и его поощрение к распространению социального иждивенчества и не является ли более гуманным ситуационное проявление эгоизма в отношении другого человека.

В-третьих, в исследовательских работах при рассмотрении альтруизма и эгоизма остается за рамками вопрос доверия (волонтеру, реципиенту, волонтерской организации). Высокий кредит доверия в обществе способствует развитию реципрокного альтруизма, который в контексте теории социального обмена базируется на принципах взаимности и симметрии в оказании помощи. При этом важно, достаточно ли субъект деятельности уверен в реципиенте, чтобы выполнить работу или оказать услугу без материального вознаграждения и ожидать ответного действия в случае необходимости. В небольших, территориально ограниченных сообществах, представители которых занимают одну ступень в социальной иерархии и имеют схожие условия жизни, потребности и проблемы, а также регулярно взаимодействуют (например, в сельской общине), наблюдается высокий уровень доверия, соответственно, высока и вероятность оказания помощи. Подобные наблюдения подтверждаются на примере народных традиций и практик взаимопомощи в разных культурах. В доиндустриальном обществе сельскохозяйственные работы требовали значительных человеческих ресурсов, в силу чего крестьянам было целесообразно объединяться в группы для совместного труда

⁴Апресян Р. Г. Альтруизм // Философия : энцикл. словарь / под ред. А. А. Ивина. М. : Гардарики, 2004. С. 28–29.

в рамках посевных и уборочных работ или постройки дома. Помогая соседу, крестьянин был уверен, что в кризисной ситуации помощь будет оказана и ему. Многие традиции взаимопомощи дошли до современности и представляют собой объект исследования культурологов, этнографов и антропологов. Большой объем фактологического материала на эту тему представлен в публикациях П. А. Кропоткина. В настоящее время на принципах реципрокного альтруизма организован волонтерский банк времени – социальная технология взаимопомощи, основанная на взаимном доверии и позволяющая в рамках локального сообщества (в масштабе небольшого населенного пункта, микрорайона или многоквартирного дома) осуществлять поиск вакансий волонтера с возможностью накопления отработанного времени и его последующего расхода.

По мере повышения уровня жизни, технологизации повседневности и внедрения информационно-коммуникационных технологий в процесс общения социальные связи становятся менее крепкими и устойчивыми, более многочисленными, но лабильными. В городской среде (особенно в условиях удаленной учебы и работы) социальный субъект, погруженный в капиталистические рыночные отношения с высоким уровнем конкуренции, все более атомизируется и все чаще сталкивается с дилеммой узника и вопросом доверия. Возможен ли альтруизм в индивидуализированном обществе? Попытаемся найти ответ на этот вопрос, проанализировав Всемирный рейтинг благотворительности. Так, в 2018 г. в десятке стран с самой высокой волонтерской активностью находились Шри-Ланка, Туркменистан, Мьянма, Либерия, США, Новая Зеландия, Индонезия, Таджикистан, Филиппины и Ирландия. В этих государствах средний процент участия населения старше 15 лет в волонтерской деятельности составлял 41,3 %. Из стран с высоким уровнем экономического развития в топ-10 попали только США, Индонезия и Ирландия. В 2020 г. в данном рейтинге присутствовали Индонезия, Таджикистан, Кения, Нигерия, Монголия, Индия, Грузия, Новая Зеландия, Непал и Гана. В указанных странах средний процент участия населения в волонтерской деятельности составил 40,9 % за время пандемии⁵. Волонтерство

более популярно и распространено в обществах, сохраняющих историческую память о народных традициях и практикующих их в повседневности (например, индонезийский обычай взаимопомощи *gotong-royong* – своеобразный моральный долг индивида перед общиной, который может проявляться в разных формах, в том числе в виде оказания денежной поддержки, помощи продуктами или выполнения какой-либо работы). Важно, что даже в период пандемии COVID-19 активность участия в волонтерском движении осталась высокой.

В-четвертых, стоит обратить внимание на взаимосвязь религиозности и альтруистической мотивации. В творчестве представителей русской религиозной философской мысли, прежде всего в трудах В. С. Соловьёва и Н. О. Лосского, дана морально-нравственная оценка альтруизма и эгоизма, представлен анализ их роли в формировании общественного идеала как гармоничного единства. Современные исследователи сомневаются в жизнеспособности абсолютного, или истинного, альтруизма. В. С. Соловьёв скептически относился к возможности чистого, безусловного эгоизма. По мнению русского мыслителя, фантастическим является эгоизм, воплощающий в себе идею о том, что «я – все для себя и должен быть всем для других, но другие сами по себе ничто и делаются чем-нибудь лишь как средство для меня; моя жизнь и благополучие есть абсолютная цель, жизнь и благополучие других допускаются только как орудие для осуществления моей цели, как необходимая среда для моего самоутверждения» [19, с. 108–109], в то время как религиозная этика православия способствуют жертвенности, проявлению милосердия и заботы о ближнем. Н. О. Лосский отмечал, что доброта русского народа «поддерживается и углубляется исканием абсолютного добра и связанной с ней религиозностью» [20, с. 415]. Социологические исследования религиозности подтверждают данное предположение [12; 21]. Белорусские ученые установили, что альтруистическое поведение, выражающееся в пожертвованиях, характерно для большинства (95 %) религиозных людей, их мотивация зависит от причин и обстоятельств религиозного обращения, а практика совершения жертвований обусловлена конфессиональной принадлежностью.

Заключение

Проблематика изучения альтруистической и эгоистической мотивации волонтерской деятельности требует от исследователя однозначной позиции относительно фундаментального вопроса о том, что есть человек. Если в его позиции доминирует биологическая составляющая, в анализе феноменов альтруизма и эгоизма стоит придерживаться принципов биологического детерминизма. В случае признания до-

минанты социальности человека при выстраивании исследовательской стратегии изучения альтруизма и эгоизма необходимо акцентировать внимание на влиянии социальной среды, коллективной памяти, социокультурных норм и традиций на формирование личности человека, его ценностную ориентацию и отношение ко взаимопомощи и волонтерской деятельности. Человеку со школьных лет транслиру-

⁵CAF World Giving Index 2021 [Electronic resource]. URL: <https://www.cafonline.org/about-us/publications/2021-publications/caf-world-giving-index-2021> (date of access: 12.12.2022).

ется представление о единстве поликомпонентов индивида и их влиянии на формирование личности, однако судить о соотношении нецелесообразно. Методологическим решением выступает соблюдение принципов междисциплинарности и паритета наук в исследованиях. Так, мы можем наблюдать подтверждение некоторых идей эволюционной теории происхождения человека, в том числе касающихся роли альтруизма и эгоизма в эволюционном процессе и наследственной передаче этой генетической информации, в народных традициях взаимопомощи. Такие обычаи способствовали выживанию общины в суровых условиях (например, в горах, тундре, на островах). При этом очевидна необходимость учета ряда социокультурных факторов, влияющих на конструирование системы личностных качеств, мировоззрение и ценностное отношение к другому человеку. В фокусе внимания следует удерживать представление об альтруизме и эгоизме как об идеальных типах, которых в чистом виде практически нет в человеческом обществе, следовательно, на практике можно наблюдать синергизм в мотивации волонтерской деятельности, сочетание двух оппозиций в различных формах и видах их проявления, например реципрок-

ный альтруизм, разумный эгоизм, мягкий эгоизм. Исключение составляет родственный альтруизм, так как оказание помощи родственникам не относится к волонтерской деятельности. В эмпирическом исследовании можно установить доминирующую направленность мотивации и отслеживать темпоральные изменения соотношения между группами волонтеров, демонстрирующих альтруистическую или эгоистическую позицию в качестве приоритетной.

Современные дисциплинарные исследования фокусируются на установлении зависимости и силы связи между вероятностью альтруистического поступка и биологическими, психологическими и социокультурными факторами, что способствует приращению научного знания. Огромный вклад в данную область знаний внес П. А. Сорокин. Он установил и экспериментально доказал, что вероятность оказания помощи зависит от величины социальной дистанции между субъектом и объектом помощи [22]. Зная факторы, влияющие на выбор той или иной мотивации, и включая это знание в управленческую практику, можно создать такую социальную среду, которая будет способствовать раскрытию социокультурного потенциала волонтерства.

Библиографические ссылки

1. Кропоткин П.А. *Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса*. Москва: Либроком; 2013. 280 с.
2. Певная МВ. Студенческое волонтерство: особенности деятельности и мотивации. *Высшее образование в России*. 2015;6:81–88.
3. Кузьминчук АА, Телепаева ДФ. Молодые волонтеры: альтруисты или эгоисты? В: Вишневский ЮР, редактор. *XXI Уральские социологические чтения. Социальное пространство и время региона: проблемы устойчивого развития. Материалы Международной научно-практической конференции; 15–16 марта 2018 г.; Екатеринбург, Россия*. Екатеринбург: Гуманитарный университет; 2018. с. 424–429.
4. Задорожная ИИ, Петрова ТЭ, Лымар А, Лымар Н. Анализ благотворительной деятельности и волонтерства в России и за рубежом. *Вопросы управления*. 2021;68(1):89–102. DOI: 10.22394/2304-3369-2021-1-89-102.
5. Похомова АА, Яковлева ИА. Формирование потенциала социальной активности молодежи в системе дополнительного образования. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2022;2:97–107. DOI: 10.33581/2521-6821-2022-2-97-107.
6. Певнева АН, Филимончик ОН, Учаева НН. *Организация волонтерской деятельности в молодежной среде*. Гомель: Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины; 2020. 47 с.
7. Соколова ТВ. *Волонтерская деятельность студентов: социально-образовательный аспект*. Брест: БрГУ имени А. С. Пушкина; 2014. 148 с.
8. Stukas AA, Hoye R, Nicholson M, Brown KM, Aisbett L. Motivations to volunteer and their associations with volunteers' well-being. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2016;45(1):112–132. DOI: 10.1177/0899764014561122.
9. Butt Matti Ullah, Hou Yu, Soomro Kamran Ahmed, Acquadro Maran D. The ABCE model of volunteer motivation. *Journal of Social Service Research*. 2017;43(5):593–608. DOI: 10.1080/01488376.2017.1355867.
10. Богомолова ЕВ, Евдокимова ОА, Истомина АГ, Кот ЮА, Лебедева ЛС, Паутова ЛА и др. *Культура общественного участия в мегаполисе: экосистема московского волонтерства. Аналитический доклад*. Москва: Общероссийский общественный фонд «Общественное мнение»; 2019. 232 с.
11. Шкурова ЕВ. Религия и религиозность в современном обществе. В: Данилов АН, редактор. *Социологическое прочтение настоящего и контуры будущего: материалы Международной научно-практической конференции; 19 ноября 2020 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2020. с. 90–92.
12. Карасёва СГ, Шкурова ЕВ, Плавник НК. Обстоятельства религиозного обращения и мотивы альтруистического поведения последователей православия: особенности взаимосвязи: (по данным исследования «Типология религиозности в современной Беларуси»). *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2017;3:68–75.
13. Ридли М. *Происхождение альтруизма и добродетели: от инстинктов к сотрудничеству*. Чечина А, переводчик. Москва: Эксмо; 2013. 333 с.
14. Кейсельман (Дорожкин) ВР. *Грани альтруизма*. Киев: Феникс; 2016. 320 с.
15. Лаверычева ИГ. *Биосоциальная теория альтруизма и эгоизма*. Санкт-Петербург: Нестор; 2007. 124 с.
16. Макаскилл У. *Ум во благо. От добрых намерений – к эффективному альтруизму*. Кузнецова А, переводчик. Москва: АСТ; 2018. 288 с.
17. Рэнд А. *Добродетель эгоизма*. Зеленина Г, Кульнева М, Щербино К, переводчики. Москва: Альпина Паблишер; 2011. 186 с.

18. Терещенко М. *Такой хрупкий покров человечности. Банальность зла, банальность добра*. Пигалев АИ, переводчик. Москва: РОССПЭН; 2010. 302 с.
19. Соловьёв ВС. *Оправдание добра: нравственная философия*. Москва: Типо-литография Д. А. Бонч-Бруевича; 1899. 615 с.
20. Лосский НО. *Условия абсолютного добра*. Минск: Издательство Белорусского Экзархата; 2011. 528 с.
21. Шкурова ЕВ. Альтруистическое поведение в структуре религиозной активности населения Беларуси. В: Безнюк ДК, редактор. *Традиции и перспективы развития белорусской социологии: к 30-летию Института социологии НАН Беларуси: материалы Международной научно-практической конференции; 5–6 ноября 2020 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Медисонт; 2020. с. 177–180.
22. Сорокин ПА. Эксперименты в социологии. О степени выраженности некоторых проявлений товарищества (альтруизма) на деле и на словах в зависимости от социальной дистанции. *Социологические исследования*. 2022;1:93–98.

References

1. Kropotkin PA. *Vzaimnaya pomoshch' sredi zhivotnykh i lyudei kak dvigatel' progressa* [Mutual assistance among animals and people as an engine of progress]. Moscow: Librokom; 2013. 280 p. Russian.
2. Pevnaya MV. Student volunteering: motivation of volunteers and specific features of their activity. *Higher Education in Russia*. 2015;6:81–88. Russian.
3. Kuz'minchuk AA, Telepaeva DF. [Young volunteers: altruists or egoists?]. In: Vishnevskii YuR, editor. *XXI Ural'skie sotsiologicheskie chteniya. Sotsial'noe prostranstvo i vremya regiona: problemy ustoichivogo razvitiya. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 15–16 marta 2018 g.; Ekaterinburg, Rossiya* [21st Ural sociological readings. Social space and time of the region: problems of sustainable development. Materials of the International scientific and practical conference; 2018 March 15–16; Ekaterinburg, Russia]. Ekaterinburg: Gumanitarnyi universitet; 2018. p. 424–429. Russian.
4. Zadorozhnaya II, Petrova TE, Lyman A, Lyman N. Analysis of charitable work and volunteering activities in Russia and abroad. *Management Issues*. 2021;68(1):89–102. Russian. DOI: 10.22394/2304-3369-2021-1-89-102.
5. Pokhomova AA, Yakovleva IA. The forming of potential of youth social activity in the system of additional education. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2022;2:97–107. Russian. DOI: 10.33581/2521-6821-2022-2-97-107.
6. Pevneva AN, Filimonchik ON, Uchaeva NN. *Organizatsiya volonterskoi deyatel'nosti v molodezhnoi srede* [Organisation of volunteer activity in the youth environment]. Homiel: Francisk Skorina Gomel State University; 2020. 47 p. Russian.
7. Sokolova TV. *Volonterskaya deyatel'nost' studentov: sotsial'no-obrazovatel'nyi aspekt* [Volunteer activity of students: socio-educational aspect]. Brest: Brest State A. S. Pushkin University; 2014. 148 p. Russian.
8. Stukas AA, Hoyer R, Nicholson M, Brown KM, Aisbett L. Motivations to volunteer and their associations with volunteers' well-being. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2016;45(1):112–132. DOI: 10.1177/0899764014561122.
9. Butt Matti Ullah, Hou Yu, Soomro Kamran Ahmed, Acquadro Maran D. The ABCE model of volunteer motivation. *Journal of Social Service Research*. 2017;43(5):593–608. DOI: 10.1080/01488376.2017.1355867.
10. Bogomolova EV, Evdokimova OA, Istomina AG, Kot YuA, Lebedeva LS, Pautova LA, et al. *Kul'tura obshchestvennogo uchastiya v megapolise: ekosistema moskovskogo volonterstva. Analiticheskii doklad* [Culture of public participation in the metropolis: the ecosystem of Moscow volunteering. Analytical report]. Moscow: Obshcherossiiskii obshchestvennyi fond «Obshchestvennoe mnenie»; 2019. 232 p. Russian.
11. Shkurova EV. [Religion and religiosity in modern society]. In: Danilov AN, editor. *Sotsiologicheskoe prochtenie nastoyashchego i kontury budushchego: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 19 noyabrya 2020 g.; Minsk, Belarus'* [Sociological reading of the present and contours of the future: materials of the International scientific and practical conference; 2020 November 19; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2020. p. 90–92. Russian.
12. Karassyova SG, Shkurova EV, Plaunik NK. Circumstances of religious conversion and motives for altruistic behaviour of the adepts of Orthodoxy: features of interrelation (based on the study «Typology of religiosity in the modern Belarus»). *Journal of the Belarusian State University. Philosophy. Psychology*. 2017;3:68–75. Russian.
13. Ridli M. *Proiskhozhdenie al'truizma i dobrodeteli: ot instinktov k sotrudnichestvu* [The origin of altruism and virtue: from instincts to cooperation]. Chechina A, translator. Moscow: Eksmo; 2013. 333 p. Russian.
14. Keisel'man (Dorozhkin) VR. *Grani al'truizma* [Facets of altruism]. Kyiv: Feniks; 2016. 320 p. Russian.
15. Laverycheva IG. *Biosotsial'naya teoriya al'truizma i egoizma* [Biosocial theory of altruism and egoism]. Saint Petersburg: Nestor; 2007. 124 p. Russian.
16. Makaskill U. *Um vo blago. Ot dobrykh namerenii – k effektivnomu al'truizmu* [Mind for good. From good intentions to effective altruism]. Kuznetsova A, translator. Moscow: AST; 2018. 288 p. Russian.
17. Rend A. *Dobrodetel' egoizma* [The virtue of egoism]. Zelenina G, Kul'neva M, Shcherbino K, translators. Moscow: Al'pina Publisher; 2011. 186 p. Russian.
18. Tereshchenko M. *Takoi khrupkii pokrov chelovechnosti. Banal'nost' zla, banal'nost' dobra* [Such a fragile cover of humanity]. Pigaliev AI, translator. Moscow: ROSSPEN; 2010. 302 p. Russian.
19. Solov'ev VS. *Opravdanie dobra: нравственная философия* [Justification of good: moral philosophy]. Moscow: Типо-литография Д. А. Бонч-Бруевича; 1899. 615 p. Russian.
20. Losskii NO. *Usloviya absol'yutnogo dobra* [Conditions of absolute good]. Minsk: Izdatel'stvo Belorusskogo Ekzarkhata; 2011. 528 p. Russian.
21. Shkurova EV. [Altruistic behaviour in the structure of religious activity of the population of Belarus]. In: Beznyuk DK, editor. *Traditsii i perspektivy razvitiya belorusskoi sotsiologii: k 30-letiyu Instituta sotsiologii NAN Belarusi: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 5–6 noyabrya 2020 g.; Minsk, Belarus'* [Traditions and prospects of development of Belarusian sociology: to the 30th anniversary of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus: materials of the International scientific and practical conference; 2020 November 5–6; Minsk, Belarus]. Minsk: Medisont; 2020. p. 177–180. Russian.
22. Sorokin PA. Experiments in sociology. on the degree of expression of some features of solidarity (altruism) in deed and in word in relation to social distance. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2022;1:93–98. Russian.

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

УДК 378.1

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

М. Г. ВОЛНИСТАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуется система учреждений высшего образования Беларуси. Применяется методология общей теории систем и теории социальных систем. Выявляются факторы трансформации академических образовательных систем в условиях глобальных институциональных изменений архитектоники высшей школы. Указываются особенности академической трансформации, происходящей под влиянием цифровизации, массовизации и коммерциализации высшего образования. Исследуется восприятие сообществом высшей школы академических аномалий, проявляющихся в результате институциональных изменений в сфере образования. Эмпирической базой социологического исследования выступают результаты республиканского экспертного опроса, проведенного среди представителей белорусского академического сообщества (преподавателей, ведущих специалистов и руководителей структурных подразделений столичных и региональных университетов).

Ключевые слова: теория социальных систем; академическая образовательная система; академическое качество; природа академических систем; академическое образование; академическое сообщество; академическая культура; академическая коммуникация; академические ценности; академические аномалии.

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке гранта ректора Белорусского государственного университета.

Образец цитирования:

Волнистая МГ. Академическая образовательная система как объект социологического изучения. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2023;1:71–81.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2023-1-71-81>

For citation:

Volnistaya MG. Academic education system as an object of sociological study. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023;1:71–81. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2023-1-71-81>

Автор:

Марина Георгиевна Волнистая – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Marina G. Volnistaya, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
mgv22@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8740-1568>

ACADEMIC EDUCATION SYSTEM AS AN OBJECT OF SOCIOLOGICAL STUDY

M. G. VOLNISTAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

In this article the object of sociological study is academic systems of higher education institutions in Belarus. The author applies the methodology of general systems theory and social systems theory. The factors of academic systems transformation in the conditions of global institutional changes of higher school architectonics are researched. The author identifies the peculiarities of the processes of academic transformation occurring under the influence of digitalisation, massification and commercialisation of higher education. The author investigates the perception of academic anomalies by the academic community of higher education as a result of transformations and institutional changes in education. The empirical basis for the sociological study includes the results of the national expert survey conducted among the academic community of Belarusian higher education institutions. The research involved higher school teachers, leading specialists and heads of the structural divisions of metropolitan and regional higher education institutions.

Keywords: social systems theory; academic education system; academic quality; nature of academic systems; academic education; academic community; academic culture; academic communication; academic values; academic anomalies.

Acknowledgements. This article was prepared with the support of grant of the rector of the Belarusian State University.

Введение

Ведущие эксперты в области исследования высшего образования отмечают актуализацию развития отраслевого социологического знания о высшей школе через установление более тесных связей между его эмпирическим и теоретическим содержанием [1–3]. Прогрессу в данной области будет способствовать и активизация междисциплинарного синтеза знаний о системе высшего образования и ее элементах, наибольший интерес для социологии среди которых представляют академические образовательные системы. Сегодня настало время для междисциплинарного диалога не только среди философов и социологов образования, но и среди специалистов из других областей. Остро востребован синтез знаний об эволюции и стратегии университета в современном социальном и культурном пространстве. Эти знания могут быть получены в результате взаимодействия психологов, преподавателей и руководителей учреждений высшего образования (УВО), а также специалистов университетского менеджмента. Неслучайно сегодня расширилось предметное поле исследования проблем высшей школы, существенно возрос интерес к истории академического образования, анализу его целей, структуры и видов, выявлению специфики коммуникаций в дисциплинарных и междисциплинарных академических сообществах, а также особенностей и динамики трансформации академической культуры и ценностей [3; 4]. Особый интерес представляет трансформация академических систем

и образовательной среды высшей школы под влиянием информационных технологий, в частности новые возможности университетских коммуникаций в цифровом социуме. В междисциплинарном синтезе знаний в рамках теории организации высшей школы заинтересованы не только представители академического сообщества, но и субъекты внешней среды, в том числе региональные и муниципальные руководители, администраторы местных органов управления, учредители бизнеса, инкубаторов и инновационных производств.

В ходе настоящего исследования проведена социологическая экспликация стратегических ориентиров и задач университетского образования, востребованных обществом, выявлены основные направления совершенствования высшей школы Республики Беларусь. Исследовательский подход автора основан на социологическом изучении особенностей трансформации институциональной среды академических образовательных систем. Отмечены факторы институциональных изменений в данной сфере с учетом возрастающих рисков массовизации, цифровизации и коммерциализации образования. Выявлены особенности некоторых академических аномалий, проанализированы академические ценности в поле образовательных практик белорусских университетов, а также факторы, способствующие сохранению традиций национальной системы образования.

Академическое образование как ценность

Ценностное измерение академического образования существенно возросло во всем мире. Это одна из самых важных тенденций последнего времени, о чем свидетельствуют данные аналитического об-

зора 2022 г. «Образование в целом», представленного Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)¹. Данная организация занимается разработкой международных стандартов и реко-

¹Education at a glance 2022 [Electronic resource]. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/education/education-at-a-glance-2022_3197152b-en (date of access: 10.12.2022).

мендаций по совершенствованию государственной социальной, экономической и экологической политики. ОЭСР объединяет большинство развитых и некоторые развивающиеся страны. На их долю приходится не менее 20 % населения планеты и около 55 % мирового ВВП. Как видно из аналитического

обзора ОЭСР², за последние два десятилетия в этих странах резко возросла доля молодежи с высшим образованием: в 2021 г. 48 % молодых людей в возрасте 24–34 лет имели высшее образование, причем в 2000 г. данный показатель был ниже на 27 % (рис. 1).

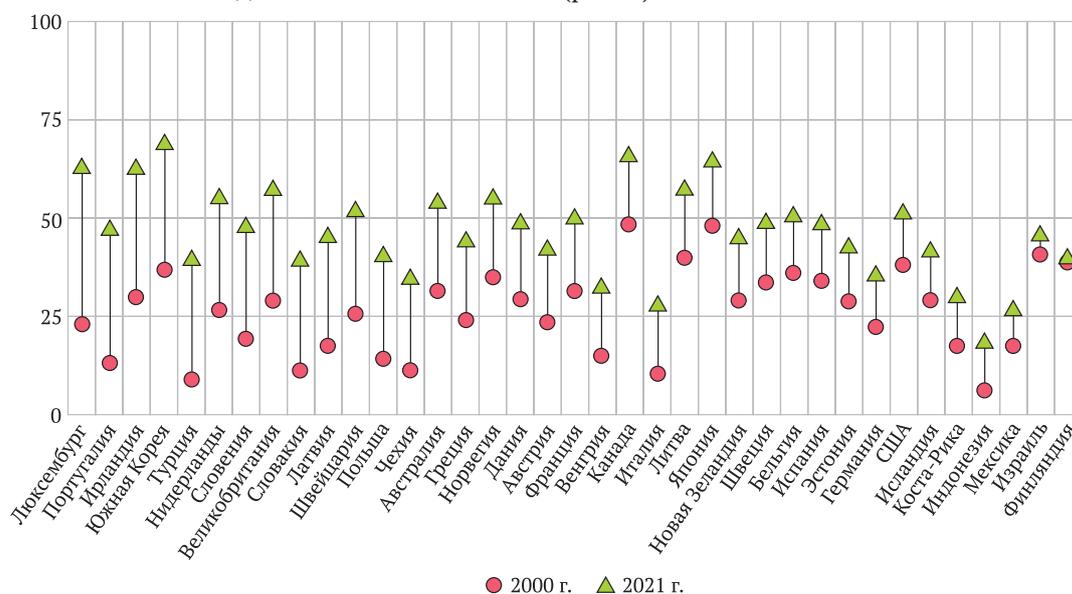

Рис. 1. Динамика доли молодых людей с высшим образованием в странах ОЭСР за 2000–2021 гг., %
Fig. 1. Dynamics of the share of young people with tertiary education in OECD countries for 2000–2021, %

По мнению социологов, а также специалистов в области экономики знаний и образования, тенденция роста доли молодежи с высшим образованием в странах ОЭСР связана с растущими потребностями новой экономической и социальной инфраструктуры общества [5]. Данное обстоятельство обуславливает возрастание научного интереса к структуре высшего образования, претерпевающего цифровую трансформацию. Методология общей теории систем и системный подход к проблемам высшей школы дают возможность руководителям УВО анализировать адаптивные свойства академических систем, а также применять новые адаптационные механизмы управления высшей школой в условиях институциональных изменений. Многие специалисты отмечают уникальную способность академических систем к качественному совершенствованию своей организационной природы [6; 7].

Исследовать академическую систему как объект социологического внимания целесообразно с позиций организационного измерения и поиска новых социальных механизмов, способствующих разрешению нарастающих противоречий и дисфункций в университетской практике преподавания, известных как академические аномалии [8]. В подтверждение этого следует привести авторитетное мнение выдающегося американского педагога и исследователя системы высшего образования Б. Р. Кларка: «...нет никаких сомнений в том, что потребность в трансформации университетов посредством ре-

шительного организационного действия только возросла. Учитывая то давление, которое испытывают университеты в начале XXI века, можно утверждать, что сегодня эта проблема приобрела первостепенное значение. Срочно необходимы новые исследования и объяснительные схемы, правила их реформирования и трансформации» [9, с. 15].

Интерес к структуре академических систем и содержанию университетского образования, исследованию сущности академической подготовки кадров и ее связь с формированием инновационной инфраструктуры в экономике знаний формируют новый научный взгляд на организационные и функциональные компоненты современного высшего образования. Востребованность социологического подхода к изучению организационной структуры академических образовательных систем продиктована рисками внешних обстоятельств, диверсификацией моделей университетского образования и появлением новых форматов университетской социальности, особенно в условиях академического капитализма. Б. Джессоп, сотрудник департамента социологии Ланкастерского университета (Великобритания), занимается изучением причин и последствий академического капитализма в университетских практиках и его влияния на современную науку и образование. Он отмечает стратегические перспективы академической образовательной системы, открывающиеся через ее активное включение в экономику знаний с помощью

²Education at a glance 2022 [Electronic resource]. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/education/education-at-a-glance-2022_3197152b-en (date of access: 10.12.2022).

механизма конкуренции, который состоит из процессов выравнивания прибыли между академическими организациями и направлениями их деятельности [10].

Один из самых известных американских специалистов и экспертов в области высшего образования, учредитель Центра по изучению международного высшего образования Ф. Дж. Альтбах считает, что цифровизация обучения и нарастающие противо-

речия современного рынка образовательных услуг сформировали необходимость нового взгляда на высшее образование. Ученый обращает внимание на то, как университеты адаптируют свою структуру и стратегию к новым условиям, как формируется глобальное академическое пространство, как национальные УВО стремятся укрепить свои позиции. Сегодня эти вопросы актуальны практически для любого университета [7].

Академическая образовательная система как класс социальной организации

Попытки научного осмысления особенностей функционирования систем различной природы, в том числе социальных систем, предпринимались и зарубежными, и отечественными учеными [2; 6; 7; 9; 11; 12]. Долгое время в исследованиях на эту тему господствовало мнение о том, что законы развития, свойства и принципы функционирования социальных систем, характеризующихся определенной упорядоченностью, однозначны. Считалось, что социальная система детерминируется свойствами образующих ее элементов. Последовательное описание этих элементов рассматривалось как эквивалентное описание всего системного объекта. Подобный подход применялся и к изучению организационного разнообразия социальных систем (в том числе образовательных и академических). Он был единственно возможным и доказал свою эвристическую полезность (впоследствии получил название редукционистского подхода).

Однако уже в первой половине XX в. необходимость решения задач принципиально нового типа, прежде всего связанных с синтезом, интеграцией и разработкой организационного обеспечения, управлением крупными социальными и техническими системами, а также с функционированием сверхсложных социальных и биологических объектов, привела специалистов к пониманию методологической ограниченности редукционизма. Противоположный ему холистический подход признавал, что целое в рамках системной парадигмы не детерминируется свойствами только своих элементов или подсистем и не может сводиться лишь к ним. Сами элементы детерминируются целым и лишь в его рамках получают свое функциональное объяснение и оправдание. Академическая образовательная система – это социальная система, которая обладает уникальными характеристиками и может выступать объектом изучения и предметным полем социологии высшего образования. «Рассматривая институциональную структуру, регулярную организацию, которая поддерживает, закрепляет и даже помогает создавать интеллектуальный потенциал, многие сложности этого и многих других исследований в области социологии и образования связаны с употреблением размытого термина “система”. При всей неоднозначности и изменчивости этой категории нам вряд ли удастся без нее обой-

тись» [3, с. 14]. Такой подход ориентирует исследователя на раскрытие целостности объекта, выявление многообразных типов связей внутри социального взаимодействия элементов академической системы и сведение их в единую теоретическую картину.

Общая теория систем, основоположником которой считается К. Л. фон Берталанфи (что, по мнению Дж. ван Гига, не бесспорно) [6], рассматривается как научное направление, связанное с разработкой методологических проблем в области анализа и синтеза сложных систем произвольной природы. Характерной чертой общей теории систем является междисциплинарность. Основой для возможного единства методологических принципов в исследовании принимается изоморфизм процессов, протекающих в различных системах (социальных, экономических, педагогических, биологических, технических и др.).

Объектом исследования настоящей статьи выступают крупные образовательные системы, которые занимаются формированием и развитием интеллектуального потенциала обучающихся. Данные системы имеют уникальную организацию и строгую иерархию, обладают особой академической культурой взаимодействия и функционируют по определенным организационными принципам научной деятельности. Они используют особый подход к формированию специалиста через социализацию, характеризуются адаптивными свойствами к внешним рискам и трансформациям и обеспечивают особое, академическое качество образования [3]. Целью академических систем являются обучение, воспитание и подготовка интеллектуальной элиты для востребованных профессиональных практик экономики, производства и социальной сферы. Специфика обучения в академических системах заключается в том, что оно осуществляется на основе синтеза научного и практико-ориентированного знания. На всех этапах истории академического образования в университетах готовили специалистов, обладающих особыми профессиональными и социальными компетенциями. Как известно, первые университеты готовили врачей, теологов, правоведов для социальных нужд общества. В классификации Б. Р. Кларка такие системы называются академическими [3, с. 20]. Исследование ученого основывалось на данных двухгодичного полевого проекта, посвященного процессам трансформации

в пяти европейских университетах в 1980-х – первой половине 1990-х гг. Изучая специфику университетских социальных практик и опыт формирования модели предпринимательского университета, Б. Р. Кларк выделяет ключевые компоненты, определяющие трансформацию академической образовательной системы: усиленное направляющее ядро, расширенную периферию развития, диверсифицированную базу финансирования, стимулируемый академический оплот, интегрированную предпринимательскую культуру (как результат). Именно благодаря этим компонентам университетам удалось преодолеть дисбаланс между требованиями, предъявляемыми социумом, и образовательными академическими практиками, а также сформировать уникальную адаптивную способность. Результаты исследования Б. Р. Кларка показывают, что университеты способны проявлять адаптивность и осуществлять предпринимательскую и инновационную деятельность, сохраняя при этом традиционные академические ценности. По мнению ученого, для понимания специфики национальной образовательной системы и проведения эффективных образовательных реформ

необходимо анализировать работу академических систем в других странах [3, с. 36].

Общая теория систем и теория социальных систем Т. Парсонса предполагают использование методов и средств исследования, применяемых к любым социальным системам [6; 11]. В настоящей работе используется классификация систем известного социолога и экономиста, специалиста общей теории систем К. Ю. Боулдинга [6]. В 1954 г. он стал первым президентом Общества исследований по общей теории систем. В своих взглядах социолог придерживался принципа изоморфизма всех функционирующих систем в природе и обществе. К. Ю. Боулдинг обосновал необходимость создания общей теории систем (рассматривая ее в качестве «скелета» науки), предполагающей переход в рамках дисциплинарного знания к последовательно построенному знанию об организационной упорядоченности систем различной природы. Классификация систем К. Ю. Боулдинга представлена на рис. 2. В рамках данной классификации образовательные академические системы следует рассматривать в качестве социальных систем и организаций.

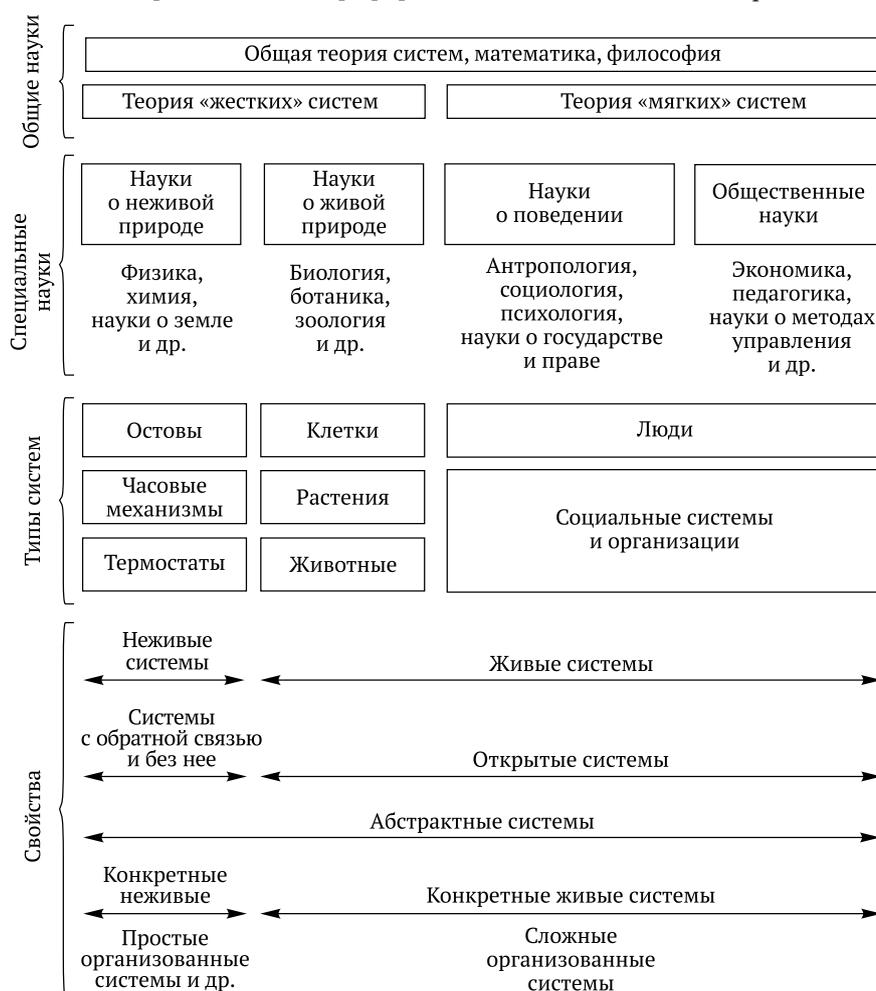

Рис. 2. Академические системы в классификации наук и систем К. Ю. Боулдинга.
Источник: [6, с. 61, рис. 2.1]

Fig. 2. Academic systems in the classification of sciences and systems K. E. Boulding.
Source: [6, p. 61, fig. 2.1]

При рассмотрении свойств сложных систем объектом изучения становятся не только их элементы, но и особые отношения между ними. Академические образовательные системы представляют собой не массовые, а уникальные, эксклюзивные органи-

зации. В условиях глобальных институциональных изменений высшей школы большое значение имеет практический опыт функционирования академических систем, в частности опыт управленческих практик.

Специфика академических образовательных систем

Объективность теории социальных систем зависит от отражения в ней объективных свойств познаваемого объекта [11]. Изучение общих свойств академических систем выступает важной методологической задачей теории организации высшего образования. Любое сложное явление природы и общества обладает неисчерпаемым числом сторон, с которых его можно познавать. Любой предмет имеет уникальные свойства, обуславливающие его различие или сходство с другими предметами и проявляющиеся во взаимодействии с ними. Свойства характеризуются параметрами (численными значениями) и (или) признаками (качественными значениями). Внешнее проявление свойств предмета в конкретной системе отношений называют функциями. Единство всех свойств составляет качество. Качество – это существенная определенность предмета, в силу которого он является данным, а не иным предметом. В настоящем исследовании таким предметом выступают академические системы, которые имеют особую природу, отражающую устой-

чивые представления, академический авторитет и академические ценности и реализуют процессы интеграции и дифференциации институциональной структуры [3, с. 5]. Академические системы обладают следующими уникальными свойствами:

- многомерностью объемов информации;
- многообразием форм взаимосвязи элементов;
- многокритериальностью, т. е. наличием множества часто противоречивых критериев;
- динамизмом состояния и структуры.

Изучение опыта функционирования академических систем мирового уровня показывает, что их потенциал был особенно востребован на важных этапах, требующих социальной и экономической консолидации общества и государства [2]. Академические системы, как профессиональная среда, являются важнейшими проводниками, акторами и лидерами институциональных, социальных, инновационных и иных изменений в культуре и экономике в условиях цифровой трансформации общества.

Эмпирическая база исследования

Целью социологического исследования выступает реконструкция ценностных установок академического сообщества в определении целевых ориентиров и содержания высшего образования, а также восприятия экспертами проблем трансформации университета. В ходе исследования были изучены академические ценности и традиции столичных и региональных УВО, перспективы совершенствования высшей школы в условиях глобальных институциональных изменений и конкурентный потенциал белорусских университетов.

Для выяснения содержания и целей академического образования в современных условиях в период с 10 октября по 20 декабря 2022 г. автором статьи был проведен экспертный формализованный опрос. В опросе приняли участие преподаватели, ведущие специалисты, заведующие кафедрами и деканы факультетов столичных и региональных УВО. На этапе подготовки социологического исследования в белорусских УВО преподавали 1148 докторов наук, 7685 кандидатов наук, 948 профессоров, 6700 доцентов³. Для того чтобы в опросе приняли участие представители разных ступеней академической иерархии, в исследовании использовалась квотная выборка с целенаправленным отбором. Главное внимание

уделялось соответствию выборки генеральной совокупности респондентов. Для формирования квотной выборки были определены такие контрольные параметры, как ученая степень и ученое звание. В моделируемой выборке процентное соотношение групп по этим параметрам должно было соответствовать параметрам генеральной совокупности.

При доверительном интервале 95 %, ошибке выборки ± 5 % и генеральной совокупности, равной 19 075 человек, необходимый объем выборочной совокупности для исследования составил 412 человек. С учетом заданных контрольных параметров была рассчитана квота их распределения в выборочной совокупности. В результате моделирования выборки были определены квоты для проведения экспертного опроса (см. таблицу).

Географическое расположение и форма собственности УВО выступали в качестве вторичных параметров для обеспечения репрезентативности выборки. Представленные квоты содержали сведения об ученой степени, звании и должности респондентов. Вторичные параметры выборки определялись пропорционально количеству университетов по областям республики и количеству штатных работников в них.

³Соломонова В. В., Шнитко А. В. и др. Система образования Республики Беларусь в цифрах : стат. сб. Минск : Глав. информ. аналит. центр М-ва образования Респ. Беларусь, 2022. 62 с.

Контрольные параметры и квоты их распределения
для проведения экспертного опроса

Control parameters and quotas of their distribution
for conducting an expert survey

Параметры	Генеральная совокупность респондентов		Выборочная совокупность респондентов	
	Количество, чел.	Доля, %	Количество, чел.	Доля, %
<i>Ученая степень</i>				
Доктор наук	1148	6,0	30	7,3
Кандидат наук	7685	40,3	214	51,9
Без степени	10 242	53,7	168	40,8
<i>Ученое звание</i>				
Профессор	948	5,0	24	5,8
Доцент	6700	35,1	179	43,4
Без звания	11 427	59,9	209	50,7

Респондентам предлагалось оценить роль академического образования в современном мире. Участники опроса выразили однозначное мнение о том, что наибольшее влияние академическое образование оказывает на качество профессиональной подготовки специалистов (на это указали 53,2 % респондентов), воспроизводство интеллектуальной и профессио-

нальной элиты (52,4 %), а также на развитие и формирование структуры передовых знаний (45,1 %).

Среди основных характеристик современного академического образования эксперты и региональных, и столичных УВО выделили в первую очередь практикоориентированность, междисциплинарность и производство нового знания (рис. 3).

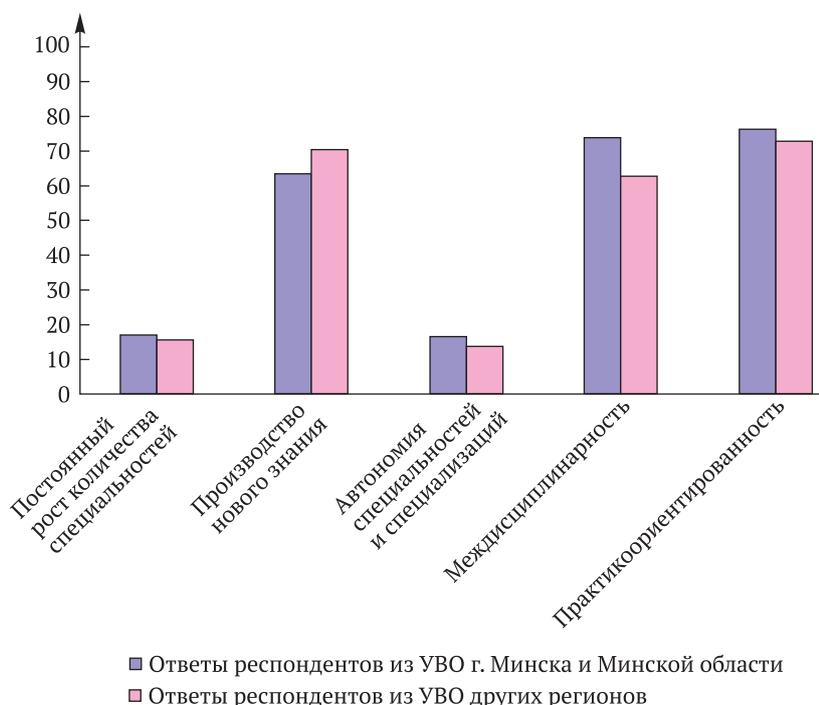

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие характеристики, по Вашему мнению, присущи современному академическому образованию?»

Fig. 3. Distribution of respondents' answers to the question: «In your opinion, what characteristics are inherent in modern academic education?»

Респондентам предлагалось также высказаться на тему академических традиций в их университете. В ответах экспертов были представлены следующие традиции: фундаментальное овладение студентами теорией и практикой избранной специальности (на это указали 61,9 % опрошенных), формирование у обучающихся познавательной и профессиональной самостоятельности (57,8 %), освоение методов исследовательского подхода (37,9 %), общественная активность обучающихся (36,3 %). Гуманитарная подготовка будущих выпускников в качестве традиции академической жизни была отмечена лишь 17,5 % экспертов. Это свидетельствует о некотором снижении авторитета гуманитарных дисциплин в высшей школе. Кроме того, 8,3 % респондентов отметили, что академическая образовательная система постепенно утрачивает функцию социального лифта и все меньше влияет на стратификацию общества.

В ходе опроса эксперты должны были определить факторы академического образования, влияющие на формирование профессиональных компетенций будущего специалиста. К основным факторам респонденты отнесли воспитание у студентов позна-

вательной и профессиональной самостоятельности (на это указали 53,4 % опрошенных), фундаментальное изучение дисциплин профилирующего характера (50,0 %), всестороннее развитие личности обучающегося (43,0 %). Ориентированность студента на общественные ценности и социальную активность в качестве факторов академического образования выделили 8,3 и 3,4 % экспертов соответственно. Это демонстрирует наличие дополнительных возможностей для развития творческого потенциала локальных университетских практик и свидетельствует о необходимости внедрения разнообразных форм и методов проектной и командной работы в процессе формирования профессиональных и социальных качеств будущих специалистов.

В ходе опроса выяснилось, что 40,5 % респондентов актуальным направлением организационного развития академического образования видят модель, при которой университет выступает в качестве образовательной экосистемы. Очевидно, что среди мнений экспертов преобладает холистический подход в конструировании новых форм организации инновационных и педагогических практик университетского образования (рис. 4).

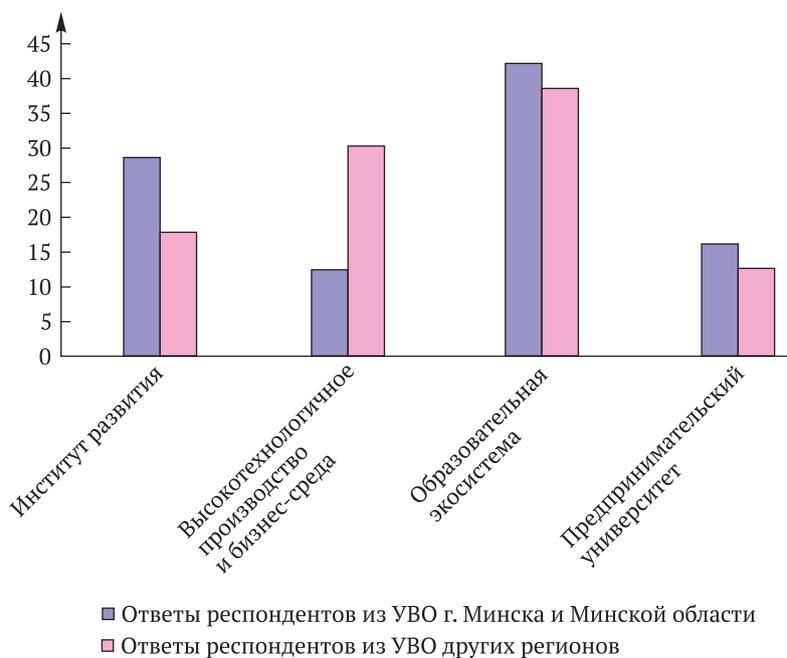

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какая модель развития академической системы, на Ваш взгляд, является наиболее актуальной?», %

Fig. 4. Distribution of respondents' answers to the question: «What model of development of the academic system, in your opinion, the most relevant?», %

В настоящее время в Беларуси реализуется проект «Университет 3.0», который предполагает изменения и в инфраструктуре, и содержании академической культуры в УВО. В проекте участвуют

уже 18 белорусских университетов, многие из них успешно решают не только научные и образовательные, но и коммерческие задачи⁴. В Беларуси функционируют семь университетских технопар-

⁴ Соломонова В. В., Шнитко А. В. и др. Система образования Республики Беларусь в цифрах...

ков, которые нацелены на применение научных разработок студентов, магистрантов и ведущих ученых в бизнес-практиках и создание продукции с высокой добавленной стоимостью. Следующим шагом в институциональном развитии академических систем страны является переход к модели «Университет 4.0», которая подразумевает реализацию новой социальной миссии высшей школы. Речь идет о формировании инновационных отраслей и новых технологий в рамках устойчивого социально-экономического развития регионов и страны.

Также респондентам предлагалось оценить изменения в академической среде, указать на проблемы в преподавании, известные в социологии как академические аномалии [8, с. 499]. Интересно, что 50,2 % респондентов высказали мнение о том, что современная академическая среда характеризуется определенными изменениями и аномалиями, 39,0 % экспертов затруднились ответить. Это говорит о том, что институциональная направленность изменений в образовательной сфере пока не вызывает большого интереса со стороны академического сообщества. О низком уровне внимания к данной теме свидетельствует анализ тематического содержания публикаций в университетских журналах за последние пять лет.

Переход академического образования в сферу образовательных услуг трансформировал фундаментальные педагогические принципы высшей школы и академические ценности. Сегодня формируется прагматично-рациональный подход к обучению в университете. Проблему отношения к обучению как к «образовательному супермаркету» описывают и известные социологи, исследующие тему академического образования [13, с. 121].

По мнению 65,3 % представителей экспертного сообщества, на трансформацию академической среды в равной степени влияют внешние и внутренние факторы. При этом 25,0 % респондентов отмечают первоочередную роль внешних факторов, 8,3 % опрошенных отдали приоритет внутренним факторам. По мнению экспертов, основное влияние на институциональное преобразование высшей школы оказывают медийная культура, снижение авторитета и социального статуса профессии преподавателя, массовость обучения и коммерциализация высшего образования.

Среди системообразующих характеристик академической культуры белорусских УВО эксперты выделили доступность высшего образования (это отметили 66,0 % опрошенных), производство новых знаний и совершенствование качества образования (42,0 %), возможность обучения в течение всей жизни (39,6 %). Эти данные свидетельствуют о социальной поддержке системы образования со стороны государства.

Профессиональные коммуникации в академической среде белорусских УВО характеризуются отсутствием конфликтов преподавателей с администрацией (на это указали 95,0 % опрошенных) и внутри

педагогического коллектива (96,6 %), а также эффективной обратной связью с руководством (98,1 %). При этом 26,9 % респондентов рассматривают свои университеты как профессиональное пространство с возможностью качественной коммуникации, а 14,1 % экспертов указали на то, что в профессии преподавателя их привлекает особая университетская атмосфера.

По мнению респондентов, среди основных факторов, препятствующих развитию академической культуры специалистов и преподавателей в белорусских УВО, следует выделить растущий объем учебной нагрузки (это отметили 49,8 % экспертов), чрезмерный объем документации (47,8 %) и недостаток времени на научно-исследовательскую деятельность (33,4 %).

В ходе опроса респонденты отметили перспективные направления развития академической системы, которые позволят сохранить традиции университетского образования. В данном контексте приобретает актуальность опыт университетских практик, в которых преобладают практическая и научная составляющие учебного процесса (на это указали 53,9 % респондентов), установка на формирование профессиональной компетентности будущего выпускника (41,7 %), сосредоточенность на современных технологиях и методах преподавания (40,9 %), направленность на фундаментальное изучение гуманитарных и специальных дисциплин (34,4 %). Эксперты высказали мнение о том, что формирование социально значимых качеств специалиста должно осуществляться в интегрированной междисциплинарной учебно-производственной среде. Это свидетельствует о необходимости расширить организационный потенциал учебных производственных практик. Кроме того, следует разработать дополнительные социальные механизмы взаимодействия академических систем с динамично развивающимся рынком труда.

В результате экспертного опроса были выявлены изменения в содержании академической профессии. По мнению 75,1 % респондентов, уровень сложности работы преподавателя высшей школы в условиях цифровизации существенно возрос. Также преподаватели сталкиваются с новыми в своей практике проблемами. Основными среди них являются отсутствие у студентов готовности работать со сложными академическими текстами, существенное снижение концентрации внимания и мотивации студентов, фаббинг (игнорирование собеседника из-за постоянного отвлечения на смартфон [13, с. 116]), стремление студентов получить знания без глубокого изучения теории, возрастание требований обучающихся к визуальной подаче учебного материала, давление на преподавателей, инфляция отметок (склонность студентов к избыточной калькуляции собственных усилий), а также снижение роли профессиональной экспертизы и академического авторитета преподавателя.

Заключение

Таким образом, система нормативно-ценностных установок респондентов представлена традиционными ценностями организации академической жизни. К устойчивым традициям академической жизни в белорусских УВО можно отнести фундаментальное овладение студентами теорией и практикой избранной специальности, формирование у них познавательной и профессиональной самостоятельности, освоение методов исследовательского подхода, общественную активность. По мнению экспертов, наиболее востребованными академическими ценностями сегодня выступают профессиональная компетентность, социальная справедливость и свобода выбора методов преподавания. Целевыми ориентирами, позволяющими сохранить академические традиции университетского образования, эксперты назвали преобладание практической и научной составляющих учебного процесса, установку на формирование профессиональной компетентности будущего выпускника, сосредоточенность на современных технологиях и методах преподавания, направленность на фундаментальное изучение гуманитарных и специальных дисциплин.

Среди факторов профессиональной консолидации академического сообщества и приверженности

историко-культурным академическим традициям следует отметить гордость респондентов за принадлежность к конкретной кафедре, факультету или университету. Участники экспертного опроса продемонстрировали высокую степень осознанности своего профессионального выбора. Большинство преподавателей и специалистов УВО отметили, что, если бы им снова пришлось определяться с профессией, они бы выбрали не только ту же специальность, но и тот же факультет и тот же университет. Данное обстоятельство подтверждает традицию преемственности в академической преподавательской среде и актуализирует необходимость дальнейшего исследования феноменологических характеристик академической культуры. Внимание социологической науки к академическим образовательным системам позволяет разрабатывать адаптивные механизмы функционирования университета в условиях глобальных вызовов. Человеческий капитал высшей школы, сохраняющий высокий уровень социальной консолидации и организации, выступает фундаментом устойчивого развития и совершенствования отечественных университетов, а также создания инновационных технологий, практик и производств, востребованных обществом.

Библиографические ссылки

1. Зборовский ГЕ, Амбарова ПА. *Социология высшего образования*. Екатеринбург: Гуманитарный университет; 2019. 539 с.
2. Альтбах ФДж, Салми Д, редакторы. *Дорога к академическому совершенству: становление исследовательских университетов мирового класса*. Шульгин Н, переводчик. Москва: Весь мир; 2012. 416 с.
3. Кларк БР. *Система высшего образования: академическая организация в кросс-национальной перспективе*. Смирнов А, переводчик. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2011. 360 с.
4. Зборовский ГЕ, Амбарова ПА, Кульпин СВ, Каташинских ВС, Ключев АК, Кузьминчук АА и др. *Актуальные проблемы трансформации высшего образования в макрорегионе*. Екатеринбург: Гуманитарный университет; 2017. 400 с.
5. Данилов АН, Мамедов АК, Волнистая МГ. *Цифровой город: новый социальный транзит*. Минск: РИВШ; 2021. 176 с.
6. ван Гиг Дж. *Прикладная общая теория систем. Книга 1*. Сушков БГ, Тюхтин ВС, редакторы. Москва: Мир; 1981. 336 с.
7. Альтбах ФДж. Массовизация высшего образования и глобальная экономика знаний: тянущиеся противоречия. *Международное высшее образование*. 2015;80:8–9.
8. Зборовский ГЕ, Амбарова ПА. Типологии аномалий в высшем образовании. *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2021;3:497–511.
9. Кларк БР. *Поддержка изменений в университетах. Преемственность кейс-стади и концепций*. Стёпкина Е, переводчик. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2011. 312 с.
10. Jessor V. On academic capitalism. *Critical Policy Studies*. 2018;12(1):104–109. DOI: 10.1080/19460171.2017.1403342.
11. Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем. В: Кравченко ЕИ, составитель; Добренёв ВИ, редактор. *Американская социологическая мысль*. Москва: Издательство МГУ; 1994. с. 448–464.
12. Демчук МИ, Хазан ММ, Волнистая МГ. Интеграция образовательных и инновационных процессов в системе высшей школы. В: Демчук МИ, редактор. *Высшая школа в стратегии инновационного развития Республики Беларусь*. Минск: РИВШ; 2006. с. 84–91.
13. Радаев В. Кризис в современном преподавании: что именно пошло не так? *Социологические исследования*. 2022;6:114–124. DOI: 10.31857/S013216250019853-1.

References

1. Zborovsky GE, Ambarova PA. *Sociology of higher education*. Ekaterinburg: Liberal Arts University; 2019. 539 p. Russian.
2. Altbach FJ, Salmi D. *The road to academic excellence: becoming world-class research universities*. Washington: The World Bank; 2011. 363 p.
Russian edition: Altbach FJ, Salmi D, editors. *Doroga k akademicheskomu sovershenstvu: stanovlenie issledovatel'skikh universitetov mirovogo klassa*. Shulgin N, translator. Moscow: Ves' mir; 2012. 416 p.

3. Clark BR. *The higher education system: academic organization in cross-national perspective*. California: University of California Press; 1986. 330 p.
Russian edition: Clark BR. *Sistema vysshego obrazovaniya: akademicheskaya organizatsiya v kross-natsional'noi perspektive*. Smirnov A, translator. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2011. 360 p.
4. Zborovskii GE, Ambarova PA, Kul'pin SV, Katashinskikh VS, Klyuev AK, Kuz'minchuk AA, et al. *Aktual'nye problemy transformatsii vysshego obrazovaniya v makroregione* [Actual problems of transformation of higher education in macro-region]. Yekaterinburg: Liberal Arts University; 2017. 400 p. Russian.
5. Danilov AN, Mamedov AK, Volnistaya MG. *Tsifrovoy gorod: novyi sotsial'nyi tranzit* [Digital city: new social transit]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2021. 176 p. Russian.
6. van Gigch J. *Prikladnaya obshchaya teoriya sistem. Kniga 1* [Applied general systems theory. Book 1]. Sushkov BG, Tyukhtin VS, editors. Moscow: Mir; 1981. 336 p. Russian.
7. Altbach PhJ. Massification and the global knowledge economy: the continuing contradiction. *International Higher Education*. 2015;80:8–9. Russian.
8. Zborovsky GE, Ambarova PA. Typologies of anomalies in higher education. *RUDN Journal of Sociology*. 2021;3:497–511. Russian.
9. Clark BR. *Sustaining change in universities. Continuities in case studies and concepts*. New York: Open University Press; 2004. 220 p.
Russian edition: Clark BR. *Podderzhanie izmenenii v universitetakh. Preemstvennost' keis-stadi i kontseptsii*. Stepkina E, translator. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2011. 312 p.
10. Jessop B. On academic capitalism. *Critical Policy Studies*. 2018;12(1):104–109. DOI: 10.1080/19460171.2017.1403342.
11. Parsons T. [The coordinate system of action and the general theory of action systems: culture, personality and the place of social systems]. In: Kravchenko EI, compiler; Dobren'kov VI, editor. *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'* [American sociological thought]. Moscow: Moscow State University Press; 1994. p. 448–464. Russian.
12. Demchuk MI, Khazan MM, Volnistaya MG. [Integration of educational and innovative processes in the system of higher education]. In: Demchuk MI, editor. *Vyshshaya shkola v strategii innovatsionnogo razvitiya Respubliki Belarus'* [Higher school in the strategy of innovation development of the Republic of Belarus]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2006. p. 84–91. Russian.
13. Radaev VV. Crisis in modern teaching: what went wrong? *Sociological Studies*. 2022;6:114–124. DOI: 10.31857/S013216250019853-1.

Статья поступила в редколлегию 02.02.2023.
Received by editorial board 02.02.2023.

УДК 316.422.44

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ

С. В. КУЗЬМИН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается отношение студентов к использованию цифровых технологий в образовательной сфере, оценивается степень эффективности их применения в системе высшего образования. Анализируются результаты онлайн-опросов и глубинных интервью, проведенных с белорусскими студентами. Выявлено, что респонденты высоко оценивают свои цифровые компетенции. Выделяются основные типы студенческой молодежи по критерию отношения к информационно-коммуникационным технологиям. Полученные результаты могут использоваться для повышения эффективности применения цифровых инноваций в образовательном процессе, в том числе в условиях дистанционного обучения.

Ключевые слова: цифровые технологии; цифровая культура; образовательный процесс; цифровые компетенции; дистанционное обучение.

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (проект № Г21АРМ-020).

USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE HIGHER EDUCATION SYSTEM: STUDENT ATTITUDE

S. V. KUZMIN^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article examines the attitude of students to digital technologies used in educational institutions, as well as the assessment of the degree of effectiveness of their application in higher education. The results of two online surveys and in-depth interviews conducted with Belarusian students are analysed. Students' high assessment of their digital competencies is recorded. Main types of student youth are identified according to the criterion of their attitude to digital innovations is proposed. The results obtained can be used to improve the efficiency of the introduction of digital technologies in the educational process, increase the quality of distance education.

Keywords: digital technologies; digital culture; educational process; digital competencies; distance learning.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research (project No. Г21АРМ-020).

Образец цитирования:

Кузьмин СВ. Использование цифровых технологий в системе высшего образования: отношение студентов. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2023;1:82–90.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2023-1-82-90>

For citation:

Kuzmin SV. Use of digital technologies in the higher education system: student attitude. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023;1:82–90. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2023-1-82-90>

Автор:

Сергей Владимирович Кузьмин – аспирант кафедры социологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Л. Г. Титаренко.

Author:

Sergey V. Kuzmin, postgraduate student at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
13_sergei_belarus@mail.ru

Введение

Инновационное развитие общества неразрывно связано с процессами цифровой трансформации. Цифровые инновации можно рассматривать как новые или улучшенные продукты, услуги, технологии и механизмы для решения ряда задач в повседневной и профессиональной сферах жизни. Цифровые технологии предполагают использование искусственного интеллекта, промышленного интернета и других инструментов цифровой экономики.

Сегодня цифровые технологии применяются в целях коммуникации, развлечения, просмотра новостей, поиска работы, профессиональной деятельности, дистанционного обучения и т. д. Для социологов использование цифровых технологий стало необходимым условием успешной профессиональной практики, незаменимым инструментом проведения исследований и представления их результатов. Социолог Д. Лаптон указывает на возрастание возможностей цифровых медиа в практике цифровых социологов посредством создания и расширения сети профессиональных контактов, поддержа-

ния онлайн-профиля, публикации и распространения результатов исследований, а также взаимодействия со студентами [1].

Цифровая трансформация образования выходит за рамки простой информатизации учебных заведений, в частности изменяются формы и методы обучения, а также система управления образовательным процессом. Образование становится все более глобальным, а одним из приоритетных направлений его развития выступает дистанционный формат [2, с. 451].

Цель статьи – проанализировать отношение студенческой молодежи к цифровым технологиям и определить эффективность их применения в сфере высшего образования. Реализация указанной цели предполагала решение следующих задач: определить степень влияния цифровых технологий на качество образования, выяснить отношение студентов к цифровым технологиям. Поставленные задачи были выполнены на основе анализа результатов республиканских онлайн-опросов и глубинных исследований.

Теоретические основы исследования

В работе используется теория цифровой трансформации [3; 4], а также теория современной культурной эволюции, разработанная Р. Инглхартом [5]. Последняя описывает происходящие изменения глобального мира как культурный сдвиг от традиционных ценностных ориентаций к посттрадиционным (индивидуальная автономия, демократия, свободное время и самореализация).

При написании статьи также использована концепция модернизации сферы высшего образования, предложенная американским философом и педагогом Дж. Дьюи. Он обосновал идею о том, что центральным местом в педагогике является ориентация на студента как на активного субъекта образовательного процесса, а также предложил применять коммуникационные связи между студентом и педагогом для повышения качества образования. По мнению Дж. Дьюи, обучение является жизненной необходимостью человека, так как способствует творческому развитию личности [6, с. 35].

Цифровые технологии являются инструментом, который заметно оживляет повседневность, вносит коррективы в профессиональные и образовательные практики [7, с. 1358]. Цифровая трансформация высшего образования позволяет расширять границы образовательного пространства за счет использования электронных учебников, программ, библиотек, внедрения онлайн-курсов. Студенты получают возможность освоить навыки работы с большими объемами информации, а преподаватели – повысить свой уровень цифровой грамотности [8].

В данном контексте важную роль играет цифровая культура. Это определенный уровень цифровых знаний и навыков, совокупность цифровых ценностей

и коммуникационных связей. Формирование цифровой культуры обусловлено степенью использования цифровых технологий [9, с. 74]. Важное значение имеют универсальные и цифровые компетенции. Под универсальными компетенциями подразумеваются навыки, актуальные в любой сфере трудовой занятости. Обладание такими компетенциями позволяет работникам быть мобильными на рынке труда.

Цифровые компетенции включают в себя навыки по использованию информации (поиск, систематизация, анализ), коммуникативную подготовленность, умение работать с базами данных и аналитическими программами, способность решать задачи с помощью цифровых средств и ресурсов [10, с. 25].

Необходимость освоения цифровых компетенций студентами обусловлена спецификой их будущей трудовой деятельности. В процессе подготовки молодых специалистов необходимо обеспечить их не только теоретическими знаниями в сфере цифровых технологий, но и практическими компетенциями [11, с. 303].

Согласно классификации ценностей М. Рокича цифровые компетенции представлены двумя подгруппами. В первую подгруппу входят терминальные компетенции, которые раскрывают смысловые характеристики цифровизации. Данные навыки являются мотивирующими, поскольку выступают в качестве конечных сверхцелей и стимулируют личность на соответствующее поведение. Во вторую подгруппу входят инструментальные компетенции, которые позволяют использовать преимущества цифровизации на уровне технологий (навыки работы с аналитическими системами и профессиональными программами).

Теоретическая модель цифровых компетенций студентов охватывает практические умения, необходимые для успешного освоения цифровых технологий. Цифровые компетенции студентов включают в себя навыки работы с персональным компьютером, программным обеспечением, профессиональными программами и системами, умение искать, хранить и обрабатывать информацию, пользоваться приложениями для видеоконференций.

В современном образовании большое значение приобрел дистанционный формат обучения. Из-за

пандемии COVID-19 многие учреждения высшего образования (УВО) были вынуждены перейти на удаленный формат работы. Специфическими чертами такого формата выступают гибкость, модульность, параллельность, охват, рентабельность, а также новые роли как преподавателя, так и обучающихся [12]. Дистанционная форма образования требует от студентов умения пользоваться приложениями для видеоконференций. С их помощью студенты могут оперативно получать информацию, присутствовать на семинарских и лекционных занятиях в онлайн-режиме.

Результаты и их обсуждение

В рамках сравнительного исследования в 2021 и 2022 гг. состоялся национальный онлайн-опрос студентов белорусских УВО ($n = 2666$), также в 2022 г. были проведены глубинные интервью среди студентов БГУ ($n = 42$).

В ходе онлайн-опроса и глубинных интервью студентов просили оценить, насколько широко цифровые технологии применяются в их УВО. В результате онлайн-опроса 16,7 % респондентов отметили, что цифровые технологии в их университете применяются постоянно, 66,2 % – что иногда, 15,3 % – что редко, меньше 2,0 % опрошенных ответили, что цифровые технологии в их УВО не применяются вовсе.

В ходе глубинных интервью студентам предлагалось рассказать, какие ИКТ используются в их университете. Большинство опрошенных назвали средства мультимедиа (проекторы, интерактивные доски, компьютеры), образовательные порталы, электронные библиотеки. В рамках дистанционного обучения студенты использовали приложения для видеоконференций, образовательные порталы своего учреждения образования, облачные хранилища.

Более 80 % респондентов отметили, что постоянно или часто обращались к цифровым технологиям в период обучения. При этом лишь 45 % студентов указали на то, что учебное учреждение оказывало им помощь в освоении ИКТ. Больше половины респондентов овладели новыми технологиями самостоятельно. Данные выводы свидетельствуют о том, что УВО в недостаточной степени способствуют развитию цифровых компетенций студентов. Для успешного освоения ИКТ целесообразно организовывать краткосрочные курсы для обучающихся.

В ходе онлайн-опроса, проведенного в 2022 г., респондентам предлагалось оценить свой уровень владения определенными видами ИКТ по 5-балльной шкале (где баллу 1 соответствовал вариант ответа «не умею пользоваться», а 5 – «владею в совершенстве»). Свой уровень цифровых компетенций студентам предлагалось оценить и в ходе онлайн-опроса 2021 г. ($n = 1733$), что позволяет сравнить владение студентами ИКТ в динамике (табл. 1).

Таблица 1

Средняя самооценка уровня владения ИКТ студентами
в 2021 и 2022 гг., балл

Table 1

Average self-assessment of the level information
and communication technologies by students in 2021 and 2022, score

Вид ИКТ	2021 г.	2022 г.
Персональный компьютер, ноутбук, смартфон	4,7	4,6
Пакет программ <i>Microsoft Office</i>	4,3	4,4
Электронная почта	4,6	4,7
Поисковые системы	4,8	4,8
Приложения для видеоконференций	3,9	4,1
Облачные хранилища	3,9	4,1
Профессиональные программы и информационно-аналитические системы	2,7	2,8

В целом студенческие самооценки уровня владения ИКТ находятся на высоком уровне: почти по всем пунктам они не опускаются ниже 4 баллов (исключением является владение профессиональными программами и информационно-аналитическими системами, которые почти не применяются в обучении). В 2022 г. по всем показателям (кроме владения персональным компьютером) студенты отметили свои навыки как более высокие по сравнению с 2021 г. Особенно сильно выделяется уровень владения поисковыми программами и облачными хранилищами (в 2022 г. на 0,2 балла выше, чем в 2021 г.), по остальным цифровым компетенциям повышение составило 0,1 балла.

С весны 2020 г. большинство УВО республики перешли на дистанционную форму образования. По полученным данным можно предположить, что за 2021/22 учебный год студенты повысили свой уровень владения цифровыми технологиями благодаря введению удаленной формы обучения.

Больше половины (65,2 %) респондентов указали на то, что частично или полностью перешли на дистанционный формат образования. Среди них 58,1 % студентов отметили, что качество образования не изменилось, 21,6 % – что улучшилось, 12,3 % – что

ухудшилось. В целом студенты позитивно оценили отказ от традиционного посещения лекций и семинаров в пользу применения образовательных интернет-платформ. Среди основных изменений, вызванных удаленной формой обучения, студенты назвали гибкость учебного процесса, возросшую учебную нагрузку, возможность в будущем просматривать записи лекций и семинаров, отсутствие межличностных коммуникаций и т. д.

Основными преимуществами дистанционного образования, по мнению студентов, являются экономия времени, связанная с отсутствием необходимости добираться до университета (на это указали 43 % опрошенных), возможность посещать онлайн-занятия, находясь дома (40 %), наличие учебных материалов на одном ресурсе (образовательном портале) и легкий доступ к ним (34 %), снижение риска заражения COVID-19 (16 %).

Несмотря на очевидные преимущества удаленного формата обучения, студенты столкнулись с определенными проблемами, которые можно разделить на организационно-технические и эмоционально-психологические. Так, почти 80 % респондентов испытали организационно-технические проблемы (табл. 2).

Таблица 2

Организационно-технические проблемы студентов при дистанционном формате обучения

Table 2

Organisational and technical problems of students in distance learning

Вид проблемы	Доля респондентов, столкнувшихся с проблемой, %
Трудности с интернет-соединением	45,5
Сложности в коммуникации с преподавателями	42,4
Трудности с восприятием информации	40,3
Технические ограничения в передаче данных	25,9
Отсутствие комфортного места для занятий	25,8
Необходимость докупать оборудование	21,9
Трудности при работе в групповых проектах	16,5
Низкая цифровая грамотность преподавателей	14,4
Другое	6,3

На подобные проблемы указали и студенты, проходившие глубинное интервью. Чаще всего они сталкивались с некорректной работой интернета, вылетами из приложения видеоконференций, низкой цифровой грамотностью преподавателей.

С эмоционально-психологическими проблемами столкнулись 45 % респондентов. Они отметили возросшую учебную нагрузку, сложности в осуществ-

лении самоконтроля и самоорганизации, разочарование в процессе обучения, снижение мотивации к обучению и нехватку межличностных коммуникаций (табл. 3).

В глубинном интервью студенты также указали на то, что им не хватает общения с одноклассниками и преподавателями, возросла учебная нагрузка, появились страх и неуверенность.

Эмоционально-психологические проблемы студентов
при дистанционном формате обучения

Table 3

Emotional and psychological problems of students in distance learning

Вид проблемы	Доля респондентов, столкнувшихся с проблемой, %
Возросшая нагрузка, усталость	60,5
Сложность в осуществлении самоконтроля и самоорганизации	52,1
Разочарование в процессе обучения, снижение мотивации	46,3
Одиночество, нехватка общения, чувство изоляции	43,5
Утрата связи с УВО, другими студентами	33,7
Страх, беспомощность, неуверенность	28,7
Другое	2,8

Почти 80 % опрошенных студентов указали на то, что хотели бы и далее посещать лекционные занятия в дистанционном или смешанном формате, при этом менее 50 % респондентов согласны на удаленный формат семинаров (особенно это касается студентов медицинских и технических УВО). Свои ответы респонденты аргументировали тем, что дистанционный формат обучения не подходит для семинарских занятий из-за сложности в коммуникации с преподавателями, технических ограничений в передаче данных, проблем с восприятием информации и т. д. Для более эффективного использования цифровых технологий в образовательной среде требуется объективная оценка специфики удаленного обучения. На основании полученных результатов можно утверждать, что указанный формат является оптимальным для лекционных занятий, а семинарские занятия и контрольные работы лучше проводить в традиционной форме.

Для изучения отношения студентов к внедрению ИКТ в повседневную жизнь респондентам был задан ряд соответствующих вопросов. Выявлено, что более 91 % опрошенных положительно оценивают роль цифровых технологий в повседневности. На их взгляд, ИКТ упрощают процесс обучения и работы. По мнению 90 % респондентов, благодаря цифровым технологиям появилось больше возможностей для карьерного роста, образования и развития. Почти 80 % опрошенных отметили, что цифровые технологии дают свободу, обеспечивают возможность творчества, самореализации и самовыражения. При этом 60 % студентов уверены в том, что цифровые технологии делают жизнь более яркой и насыщенной, позволяют интересно проводить время. Меньше 40 % респондентов считают, что цифровые технологии помогают людям стать ближе друг к другу, повышают уровень сплоченности и доверия. В то же время 33 % опрошенных указали на то, что цифровые технологии делают человека зависимым и управляемым, 32 % студентов считают, что циф-

ровые технологии могут быть опасны для здоровья человека и окружающей среды, 32 % респондентов уверены в том, что цифровые технологии отнимают много сил, времени и делают жизнь беспокойной.

Подобные ответы свидетельствуют о том, что среди студентов преобладает позитивное отношение к цифровым технологиям. Для более детальных выводов необходимо классифицировать респондентов по критерию отношения к цифровым технологиям. Данная задача была решена на основе факторного и кластерного анализа.

Факторный анализ позволил определить наличие значимых связей между блоками утверждений, отражающих отношение к цифровым технологиям. В результате кластерного анализа были выделены три кластера студентов. Утверждения, предложенные студентам для оценки, были разделены на три блока. Первый блок включал утверждения, касающиеся негативных последствий применения цифровых технологий, второй и третий блоки – утверждения, отражающие позитивные аспекты использования ИКТ (табл. 4).

Все утверждения разбивались на кластеры исходя из наличия сильных связей между вопросами. Для того чтобы связь была как минимум средней силы значимости, она должна была превышать значение 0,4. В результате все утверждения были разделены на три группы (одна из них отражала негативные аспекты использования ИКТ, две другие – позитивные аспекты использования ИКТ). Между утверждениями внутри каждого блока наблюдались сильные корреляционные связи. Это значит, что если респондент позитивно оценил цифровые технологии как возможность для карьерного роста, то велика вероятность того, что он признает и то, что цифровые технологии упрощают жизнь. Результаты факторного анализа можно считать корректными, так как мера адекватности выборки Кайзера – Майера – Олкина составила 0,647 (анализ можно считать адекватным при значении выше 0,5).

Таблица 4

**Корреляция утверждений,
отражающих отношение студентов к цифровым технологиям**

Table 4

**Correlation of statement reflecting
the attitude of students to digital technologies**

Утверждения	Блоки		
	1	2	3
1. Цифровые технологии делают жизнь более легкой, упрощают процесс обучения и работу, экономят время	–	–	0,771
2. Цифровые технологии дают больше возможностей для карьерного роста, образования и развития	–	–	0,807
3. Цифровые технологии могут быть опасны для здоровья человека и окружающей среды	0,716	–	–
4. Цифровые технологии позволяют людям быть ближе друг к другу, повышают уровень сплоченности и доверия	–	0,669	–
5. Цифровые технологии отнимают много сил и времени, делают жизнь беспоконной	0,679	–	–
6. Цифровые технологии делают жизнь более яркой и насыщенной, позволяют интересно проводить время	–	0,78	–
7. Цифровые технологии делают человека зависимым и управляемым	0,728	–	–
8. Цифровые технологии дают свободу, обеспечивают возможность творчества, самореализации и самовыражения	–	0,581	–

После определения оснований для классификации студентов был проведен кластерный анализ. Выборка была разделена на три кластера, где каждому респонденту было присвоено нахождение лишь в одном из них. В первый кластер вошли 657 студентов (24,6 %), во второй – 974 (36,6 %), в третий – 1035 студентов (38,8 %).

Для того чтобы определить отношение представителей каждого кластера к цифровым технологиям, были построены таблицы сопряженности между кластерами студентов и блоком утверждений. Выявлено, что существенных различий между кластерами касательно 1-го, 2-го, 6-го и 8-го утверждений нет,

однако между оценкой остальных утверждений различия наблюдаются. Так, большинство представителей 1-го кластера не согласились с тем, что цифровые технологии опасны, приносят вред окружающей среде и делают человека зависимым, в то время как представители 2-го кластера разделили это мнение, представители 3-го кластера затруднились ответить. Различаются оценки и 5-го утверждения: представители 1-го кластера не согласились с тем, что цифровые технологии отнимают много сил и времени, большинство представителей 2-го кластера согласились с этим утверждением, представители 3-го кластера затруднились ответить (табл. 5).

Таблица 5

**Оценка утверждений, отражающих отношение к цифровым технологиям,
представителями разных кластеров**

Table 5

**Evaluation of statements reflecting attitudes towards digital technologies
by representatives of different clusters**

Утверждения	Представители 1-го кластера		Представители 2-го кластера		Представители 3-го кластера	
	Вариант ответа	Доля, %	Вариант ответа	Доля, %	Вариант ответа	Доля, %
1. Цифровые технологии делают жизнь более легкой, упрощают процесс обучения и работу, экономят время	Да	97,3	Да	82,2	Да	95,4
2. Цифровые технологии дают больше возможностей для карьерного роста, образования и развития	Да	91,5	Да	85,8	Да	93,2

Утверждения	Представители 1-го кластера		Представители 2-го кластера		Представители 3-го кластера	
	Вариант ответа	Доля, %	Вариант ответа	Доля, %	Вариант ответа	Доля, %
3. Цифровые технологии могут быть опасны для здоровья человека и окружающей среды	Нет	83,7	Да	62,8	Трудно ответить	71,2
4. Цифровые технологии позволяют людям быть ближе друг к другу, повышают уровень сплоченности и доверия	Да	55,6	Нет	41,5	Трудно ответить	55,4
5. Цифровые технологии отнимают много сил и времени, делают жизнь беспокойной	Нет	88,4	Да	54,8	Трудно ответить	47,9
6. Цифровые технологии делают жизнь более яркой и насыщенной, позволяют интересно проводить время	Да	78,7	Да	48,5	Да	60,5
7. Цифровые технологии делают человека зависимым и управляемым	Нет	78,5	Да	81,0	Трудно ответить	71,3
8. Цифровые технологии дают свободу, обеспечивают возможность творчества, самореализации и самовыражения	Да	91,8	Да	66,8	Да	84,3

На основе отношения к цифровым технологиям представителей 1-го кластера можно определить как радикальных технооптимистов (утверждают, что цифровые технологии несут положительные изменения), представителей 2-го кластера – как рациональных технооптимистов (отмечают преимущества цифровых технологий, однако указывают и на связанные с ними риски), представителей 3-го кластера – как неопределенных технооптимистов (отмечают преимущества цифровых технологий, но не имеют точной позиции по поводу негативных последствий их применения).

При этом не сформировался кластер технопессимистов – респондентов, которые отрицают позитивные аспекты применения цифровых технологий.

Все студенты так или иначе соглашались с позитивным влиянием ИКТ на жизнь человека, а основные различия между кластерами обусловлены разным пониманием негативных аспектов использования цифровых технологий. Если классифицировать представителей каждого кластера по другим критериям, то можно выявить, что среди представителей 2-го кластера больше всего студентов, которые учились в дистанционном формате (70 % среди респондентов 2-го кластера, 63 % среди респондентов 1-го кластера, 62 % среди респондентов 3-го кластера). При этом 2-й кластер включал больше студентов социально-гуманитарного профиля, чем другие кластеры, что могло повлиять на их отношение к применению ИКТ (табл. 6).

Таблица 6

Распределение представителей кластеров по профилю обучения, %

Table 6

Distribution of cluster representatives by areas of study, %

Профиль обучения	Представители 1-го кластера	Представители 2-го кластера	Представители 3-го кластера
Социально-гуманитарный	43,2	55,5	46,1
Естественно-научный	23,0	17,9	23,9
Технический	33,8	26,6	30,0

Заключение

Влияние цифровых технологий на качество образования студентов можно охарактеризовать как неоднозначное. С одной стороны, более 80 % респондентов отметили, что постоянно или довольно часто

использовали ИКТ в процессе обучения. При этом УВО в недостаточной степени помогали студентам в освоении цифровых компетенций, обучающиеся в основном самостоятельно овладевали этими

навыками. Кроме того, по мнению студентов, многие преподаватели имеют низкий уровень цифровой грамотности.

После перехода УВО на дистанционный формат более 20 % респондентов отметили улучшение качества образования. Почти 60 % респондентов указали как на плюсы, так и на минусы удаленной формы обучения, при этом и далее проводить семинарские занятия дистанционно согласны менее половины респондентов. Большинство студентов отметили позитивное влияние нового формата образования на их успеваемость, однако указали на проблемы с интернет-соединением, трудности в коммуникации с преподавателями, возросшую учебную нагрузку, сложность в самоорганизации. Устранение организационно-технических и эмоционально-психологических проблем позволит сделать удаленный формат образования более эффективным.

За период обучения в дистанционной форме уровень цифровых компетенций студентов вырос. По степени отношения к цифровым технологиям были выделены три кластера студентов. Большинство опрошенных относятся к цифровым технологиям рационально либо не определились со своим мнением по поводу негативных последствий их применения.

Можно сделать вывод о том, что студенты в значительной мере осведомлены или хотя бы задумываются о последствиях внедрения цифровых технологий, однако не отрицают явные преимущества ИКТ. Это говорит об эффективном использовании цифровых технологий студентами и низкой степени осознания негативных последствий их применения.

Для развития цифровых компетенций у студентов целесообразным будет создание новых стратегий преподавания, особенно в рамках дистанционного обучения. Необходимо пересмотреть программы обучения и интеграции методик приобретения цифровых и социальных навыков, расширить цифровой потенциал преподавателей, сертифицировать их цифровые компетенции. Новаторские подходы должны включать широкий доступ к ИКТ как для студентов, так и для преподавателей, обеспечение физической и финансовой доступности программ по развитию цифровых навыков для всех желающих (особенно для незащищенных слоев населения) [4, с. 324]. Переход на смешанный формат обучения, повышение цифровой грамотности преподавателей, более интенсивная работа студентов с образовательными порталами повысят эффективность применения цифровых технологий в образовании.

Библиографические ссылки

1. Lupton D. *Digital health. Critical and cross-disciplinary perspectives*. London: Routledge; 2018. 178 p.
2. Богущ ВА. Цифровая трансформация высшего образования. В: Богущ ВА, Лис ПА, Слиж ВИ, Бельский АБ, Шавердо ТМ, Афанасенко ОВ, составители. *Научно-практическая конференция «Цифровая трансформация образования»: сборник тезисов; 30 мая 2018 г.; Минск, Беларусь*. Минск: ГИАЦ Минобразования; 2018. с. 450–453.
3. Поланья К. *Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени*. Санкт-Петербург: Алтейя; 2002. 320 с.
4. Ковалёв ММ. Образование для цифровой экономики. *Цифровая трансформация*. 2018;1(2):37–42.
5. Inglehart R. *Cultural evolution. People's motivations are changing, and reshaping the world*. Cambridge: Cambridge University Press; 2018. 273 p.
6. Титаренко ЛГ. Цифровизация обучения: движущая сила модернизации системы высшего образования или гуманитарная угроза? *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2022;1:33–41. DOI: 10.33581/2521-6821-2022-1-33-41.
7. Аранжин ВВ. Глобальные тренды и тенденции в области. *Экономика труда*. 2019;6(4):1353–1372.
8. Чинаева ТИ. Влияние цифровизации на процессы трансформации системы высшего образования. *Статистика и экономика*. 2020;17(4):85–95. DOI: 10.21686/2500-3925-2020-4-85-95.
9. Уваров АЮ, Фрумин ИД, редакторы. *Трудности и перспективы цифровой трансформации образования*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2019. 343 с.
10. Титаренко ЛГ. Виртуализация образования в условиях цифровой экономики. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;1:23–30.
11. Богданова ИФ, Богданова НФ, Шемаров АИ. Формирование цифровых компетенций при подготовке научных работников. В: Лис ПА, Бельский АБ, Богатко АВ, Свяцкая ДП, Шавердо ТМ, составители. *Цифровая трансформация образования: сборник материалов II Международной научно-практической конференции; 27 марта 2019 г.; Минск, Беларусь*. Минск: ГИАЦ Минобразования; 2019. с. 302–305.
12. Sappey J, Relf S. Digital technology education and its impact on traditional academic roles and practice. *Journal of University Teaching & Learning Practice*. 2010;7(1):1–17.

References

1. Lupton D. *Digital health. Critical and cross-disciplinary perspectives*. London: Routledge; 2018. 178 p.
2. Bogush VA. [Digital transformation of higher education]. In: Bogush VA, Lis PA, Slizh VI, Bel'skii AB, Shaverdo TM, Afanashenko OV, compilers. *Nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Tsifrovaya transformatsiya obrazovaniya»: sbornik tezisov; 30 maya 2018 g.; Minsk, Belarus' [Scientific and practical conference «Digital transformation of education»: collection of abstracts; 2018 May 30; Minsk, Belarus]*. Minsk: Main Information and Analytical Centre of the Ministry of Education of the Republic of Belarus; 2018. p. 450–453. Russian.

3. Polanyi K. *The great transformation. The political and economic origins of our time*. Saint Petersburg: Aleteiya; 2002. 320 p. Russian.
4. Kovalev MM. Education for the digital economy. *Digital Transformation*. 2018;1(2):37–42. Russian.
5. Inglehart R. *Cultural evolution. People's motivations are changing, and reshaping the world*. Cambridge: Cambridge University Press; 2018. 273 p.
6. Titarenko LG. Digitalisation of learning: a driving force for higher education modernisation or a humanitarian threat? *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2022;1:33–41. Russian. DOI: 10.33581/2521-6821-2022-1-33-41.
7. Arangin VV. Global trends and trends in the field. *Russian Journal of Labor Economics*. 2019;6(4):1353–1372. Russian.
8. Chinayeva TI. Impact of Digitalization on the transformation of the higher education system. *Statistics and Economics*. 2020;17(4):85–95. Russian. DOI: 10.21686/2500-3925-2020-4-85-95.
9. Uvarov AYu, Frumin ID, editors. *Trudnosti i perspektivy tsifrovoi transformatsii obrazovaniya* [Difficulties and prospects of digital transformation of education]. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2019. 343 p. Russian.
10. Titarenko LG. Virtualization of education in a digital economy. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;1:23–30. Russian.
11. Bogdanova IF, Bogdanova NF, Shemarov AI. [Formation of digital competencies in the training of researchers]. In: Lis PA, Bel'skii AB, Bogatko AV, Svyatskaya DP, Shaverdo TM, compilers. *Tsifrovaya transformatsiya obrazovaniya: sbornik materialov II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 27 marta 2019 g.; Minsk, Belarus'* [Digital transformation of education: collection of materials of the 2nd International scientific and practical conference; 2019 March 27; Minsk, Belarus]. Minsk: Main Information and Analytical Centre of the Ministry of Education of the Republic of Belarus; 2019. p. 302–305. Russian.
12. Sappey J, Relf S. Digital technology education and its impact on traditional academic roles and practice. *Journal of University Teaching & Learning Practice*. 2010;7(1):1–17.

Статья поступила в редколлегию 17.12.2022.
Received by editorial board 17.12.2022.

УДК 316.6:616-036.21(476)

БЕЛАРУСЬ И COVID-19: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

М. А. КУДРЕВИЧ¹⁾, Е. В. САХАРОВА²⁾, Е. В. ШКУРОВА²⁾

¹⁾Республиканский институт высшей школы, ул. Московская, 15, 220007, г. Минск, Беларусь

²⁾Институт социологии НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220012, г. Минск, Беларусь

Распространение коронавирусной инфекции в 2020 г. обусловило необходимость выработки новых форм поведения, а также норм их регулирования. Анализируется опыт социологического изучения способов адаптации населения к распространению COVID-19, в основе которых лежит популяризация защитных и ограничительных антиковидных практик. К защитным практикам относятся мытье рук, использование антисептика и ношение медицинских масок, а к ограничительным – локализация коммуникации и избегание общественных мест. Исследуются особенности динамики самосохранительного и здоровьесберегающего поведения. Характеризуются перспективы трансформации антиковидных практик. Их специфика проявляется в том, что, несмотря на быстрое распространение инфекции, без воздействия рискогенного фактора они теряют свою актуальность. Рассматривается отношение населения к вакцинации. Белорусы перестают воспринимать COVID-19 как серьезную угрозу, считают профилактические меры рекомендуемой, а не обязательной нормой. Представляется оценка населением успешности белорусского опыта по борьбе с пандемией, эффективности национальной системы здравоохранения, а также перспектив изменения восприятия коронавирусной инфекции. Последние связаны с постепенным опривычиванием пандемической реальности, что часто несет в себе угрозу игнорирования проблем и опасностей, сопряженных с распространением COVID-19.

Ключевые слова: COVID-19; социальные практики; стратегии социальной адаптации; пандемия; здоровьесберегающее поведение.

Благодарность. Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № Г21КОВИД017 «Стратегии социальной адаптации населения Республики Беларусь в условиях распространения инфекции COVID-19».

Образец цитирования:

Кудревич МА, Сахарова ЕВ, Шкурова ЕВ. Беларусь и COVID-19: опыт социологического изучения. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2023;1:91–99.

<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2023-1-91-99>

For citation:

Kudrevich MA, Sakharava KV, Shkurova AV. Belarus and COVID-19: the experience of sociological research. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023;1:91–99. Russian.

<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2023-1-91-99>

Авторы:

Максим Александрович Кудревич – аспирант кафедры философии и методологии университетского образования. Научный руководитель – доктор философских наук, доцент А. С. Лаптенко.

Екатерина Владимировна Сахарова – заведующий сектором информационного обеспечения социологических исследований Центра оперативных исследований.

Елена Валерьевна Шкурова – кандидат социологических наук, доцент; заведующий Центром оперативных исследований.

Authors:

Maxim A. Kudrevich, postgraduate student at the department of philosophy and methodology of university education.

tsmok21@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-5108-8514>

Katsiaryna V. Sakharava, head of the sector of information support for sociological research, Operational Research Centre.

kating@rambler.ru

Alena V. Shkurova, PhD (sociology), docent; head of the Operational Research Centre.

vogel_82@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1214-0783>

BELARUS AND COVID-19: THE EXPERIENCE OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

M. A. KUDREVICH^a, K. V. SAKHARAVA^b, A. V. SHKUROVA^b

^aNational Institute for Higher Education, 15 Maskoŭskaja Street, Minsk 220007, Belarus

^bInstitute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220012, Belarus

Corresponding author: A. V. Shkurova (vogel_82@mail.ru)

The spread of coronavirus infection in 2020 necessitated the development of new forms of behaviour and norms for their regulation. The experience of a sociological study of ways of adapting the population to the spread of COVID-19, based on the popularisation of protective and restrictive anti-COVID practices, is analysed. Protective practices include washing hands, using antiseptic and wearing medical masks in public places, while restrictive practices include localising communication and avoiding public places. The features of the dynamics of self-preserving and health-saving behaviour as one of the necessary measures of reproduction and security of the individual are studied. Prospects for the transformation of anti-COVID practices are characterised. Their specificity is manifested in the fact that, despite the rapid spread of infection, without the impact of a risk factor, they lose their relevance. The attitude of the population to vaccination, as well as its features, is considered. They consist in the fact that the population ceases to perceive COVID-19 as a serious threat, treats preventive measures as a recommended, not a mandatory norm. The assessment by the population of the success of the Belarusian experience in combating coronavirus infection and the effectiveness of the Belarusian healthcare system, as well as the prospects for changing the perception of coronavirus infection, is presented. They are associated with the gradual getting used to the pandemic reality, which often carries the threat of ignoring the problems and dangers associated with the spread of COVID-19.

Keywords: COVID-19; social practices; social adaptation strategies; pandemic; health-saving behaviour.

Acknowledgements. The work was carried out with the support of the Belarusian Republican Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. Г21КОВИД017 «Strategies for social adaptation of the population of the Republic of Belarus in the conditions of the spread of COVID-19 infection».

Введение

В 2020 г. мир столкнулся с угрозой, обусловившей необходимость выживания в пандемической реальности. Коронавирусная инфекция стала вызовом для человечества, в том числе для населения Беларуси. Последствия COVID-19 коснулись всех сфер жизни, сказались на работе большинства социальных институтов и перестроили повседневность.

С появлением коронавирусной инфекции весной 2020 г. сотрудники Института социологии НАН Беларуси проводили мониторинг проблем, связанных с ее распространением. Его результаты отразились в ряде научных публикаций. Ключевыми являются следующие направления анализа:

- выявление особенностей восприятия населением проблем распространения COVID-19 с учетом степени тревожности и готовности выполнять профилактические меры¹, специфики поведения и вариантов его трансформации в связи с опривычиванием устоявшихся форм [1];

- исследование подходов к преодолению пандемической ситуации в исторической ретроспекти-

ве [2; 3], оценка человеческого потенциала в условиях противостояния новым вызовам [4];

- определение отличительных черт формирования социальных практик в период пандемии [5; 6];

- поиск стратегий социальной адаптации к коронавирусной инфекции, их типологизация с учетом поведенческой специфики и установок [7], выяснение характеристик стратегий социальной адаптации и факторов их формирования [8];

- описание особенностей цифровой трансформации социальных практик в условиях распространения COVID-19 и выявление тенденций внедрения цифровых технологий в сферы повседневной жизни [9];

- оценка волонтерской активности во время пандемии [10];

- изучение пространственно-временных характеристик экспансии коронавирусной инфекции, направлений трансформации специфики проживания пространства, времени, локализации социальной жизни, продиктованных распространением COVID-19 [11].

Методология исследования

В 2020–2022 гг. (в апреле, мае, октябре и ноябре 2020 г., марте и ноябре 2021 г. и июне 2022 г.) сотрудники Института социологии НАН Беларуси произвели

ряд замеров общественного мнения белорусского населения по вопросам распространения коронавирусной инфекции. Исследование осуществлялось

¹Черняк Ю. Г., Безнюк Д. К., Шкурова Е. В. Мнение населения Республики Беларусь о коронавирусной инфекции // Ин-т социологии НАН Беларуси [Электронный ресурс]. URL: <https://socio.bas-net.by/6143-2> (дата обращения: 22.08.2022) ; Отношение белорусов к пандемии COVID-19 // Там же [Электронный ресурс]. URL: <https://socio.bas-net.by/otnoshenie-belorusov-k-pandemi-covid-19> (дата обращения: 22.08.2022).

с помощью системы автоматизированного компьютеризированного телефонного интервью САТИ (объем выборки составил 1050 респондентов с контролем квот по полу, возрасту, типу населенного пункта, образованию; ошибка выборки $\pm 3\%$, за исключением опросов,

проведенных в 2020 г., когда объем выборки составил 600 респондентов, а ошибка выборки $\pm 4\%$). Основные цели опроса – выявление особенностей восприятия белорусами новой пандемической реальности и изучение формирующихся стратегий адаптации к ней.

Результаты и их обсуждение

Мировая пандемия представляет собой угрозу благосостоянию и здоровью человека в частности и вызов адекватному функционированию социальной системы в целом. Это, в свою очередь, актуализирует вопрос об установлении механизмов адаптации к пандемической реальности и исследовании последствий столкновения с ней. Очевидно, что в полной мере осуществить этот анализ возможно только в будущем. Несмотря на это, его основным параметром являются социальные практики, выступающие в качестве ключа к пониманию социальных отношений. В настоящей статье под антиковидными практиками подразумеваются те социальные практики, которые стали своеобразным ответом на распространение COVID-19. Некоторые из них могут существовать самостоятельно, однако именно ситуация пандемии позволяет в полной мере судить о них как о важной части социального взаимодействия, определять их направленность и факторы трансформации. Антиковидные практики – это не только механизм адаптации к пандемической реальности, но и символ: степень их распространенности соответствует характеру восприятия населением значимости проблемы.

Специфика реакции белорусской системы социального контроля на распространение коронавирусной инфекции выразилась в отсутствии жестких коллективных мер наподобие карантинных мероприятий или локдауна. В связи с этим основными антиковидными социальными практиками явля-

ются индивидуально направленные (ношение медицинских масок, регулярное мытье рук и использование антисептика) и ограничительные (отказ от посещения общественных мест, использования общественного транспорта, встреч с друзьями, родственниками и пожилыми людьми) меры.

За два года социологических замеров значения показателя распространенности практики регулярного мытья рук и использования антисептика колебались не более чем на 13,7 % (рис. 1). Об устойчивости этой антиковидной практики свидетельствует то, что данные за апрель 2020 г. (88,8 %) и июнь 2022 г. (84,7 %) отличаются незначительно. Более того, можно судить о рациональном восприятии практики регулярного мытья рук и использования антисептика и ее потенциальной трансформации в базовый компонент личной гигиены. Значения показателя популярности менее привычной меры безопасности, связанной с ношением медицинских масок, изменялись более существенно (рис. 2). Так, в момент осознания опасности COVID-19 в 2020 г. люди следовали этой практике чаще (значение выросло с 48,1 % в апреле 2020 г. до 94,9 % в ноябре 2020 г.). Однако высокая продолжительность кризисной ситуации привела к постепенному опривычиванию восприятия коронавирусной инфекции. Это обусловило обратную динамику значений показателя популярности практики ношения медицинских масок (значение снизилось с 93,9 % в марте 2021 г. до 48,9 % в июне 2022 г.).

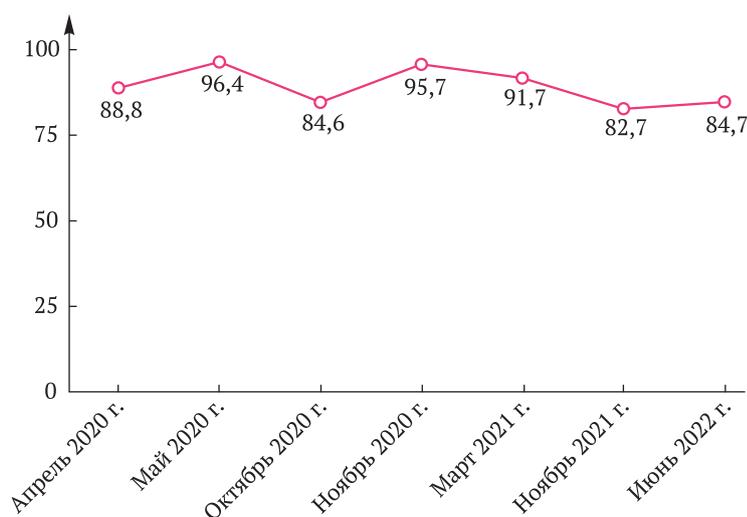

Рис. 1. Динамика распространенности практики регулярного мытья рук и использования антисептика в 2020–2022 гг., %

Fig. 1. Dynamics of prevalence of practice of regular handwashing and the use of antiseptic in 2020–2022, %

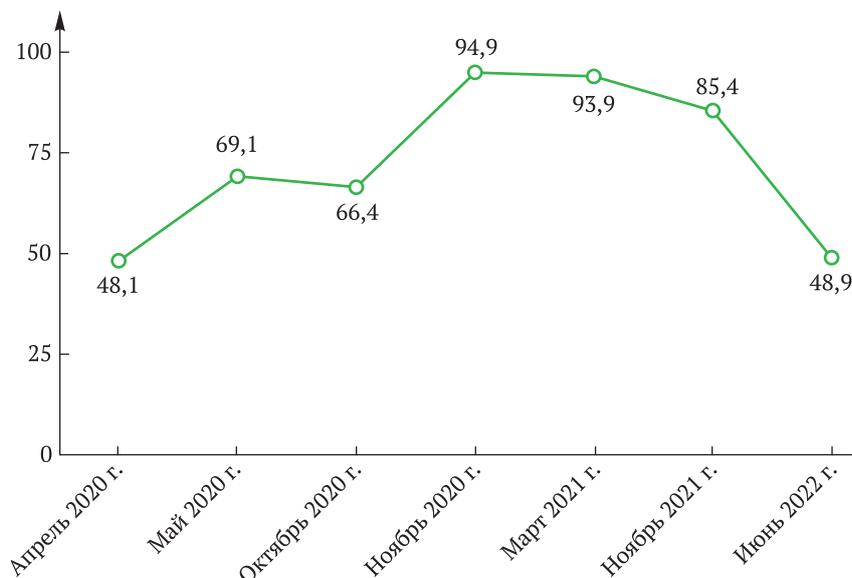

Рис. 2. Динамика распространенности практики ношения медицинских масок в 2020–2022 гг., %

Fig. 2. Dynamics of prevalence of practice of wearing medical masks in 2020–2022, %

О рациональном восприятии необходимости самосохранительного поведения и соблюдения норм гигиены свидетельствует не только популярность практики регулярного мытья рук и использования антисептика. В опросе, который проводился в ноябре 2021 г., 78,0 % респондентов указали, что распространение COVID-19 побудило их более внимательно относиться к здоровью. Результаты исследования, проведенного в июне 2022 г., позволили конкретизировать направления и способы здоровьесберегающего поведения. В частности, в общественном сознании есть понимание того, что человек несет ответственность за свое здоровье. Данное мнение высказали 94,5 % населения. Только

4,3 % опрошенных ничего не делают для сохранения своего здоровья, еще 1,2 % опрошенных затруднились с ответом. Внимательное отношение к здоровью белорусы поддерживают в первую очередь с помощью подвижного образа жизни (это отметили 49,4 % опрошенных), контроля питания (48,3 %), отказа от вредных привычек (39,5 %), регулярного прохождения медосмотров (35,3 %) (рис. 3). Респонденты также заботятся о своем физическом и психоэмоциональном состоянии. Так, 29,4 % опрошенных занимаются спортом и закаляются, а 29,3 % респондентов контролируют свое психоэмоциональное состояние. Каждый пятый белорус (20,7 %) соблюдает режим дня.

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы заботитесь о своем здоровье?», %

Fig. 3. Distribution of respondents' answers to the question: «How do you take care of your health?», %

Динамика показателей популярности практики ношения медицинских масок адекватно отражает то, как изменялось мнение населения о серьезности проблемы распространения коронавирусной инфекции. На время эта антиковидная практика стала общественной нормой поведения. В 2021 г. в инструментарий был включен вопрос об отношении к людям, пренебрегающим соблюдением социальной дистанции и ношением медицинской маски. Он направлен на установление наличия или отсутствия моральной оценки, которая выступает одним из

элементов общественной нормы. Если в марте 2021 г. тех, кто не носит медицинскую маску и не соблюдает социальную дистанцию, осуждали 64,0 % респондентов, то в июне 2022 г. их доля снизилась до 41,6 %. Значение показателя снизилось за счет прироста безразличных или положительных оценок (рис. 4). Обозначенные тренды свидетельствуют о том, что антиковидные практики хотя и влияют на образ жизни человека в постпандемийную эпоху, но без воздействия на общество рискогенного фактора не закрепляются как самостоятельный тип поведения.

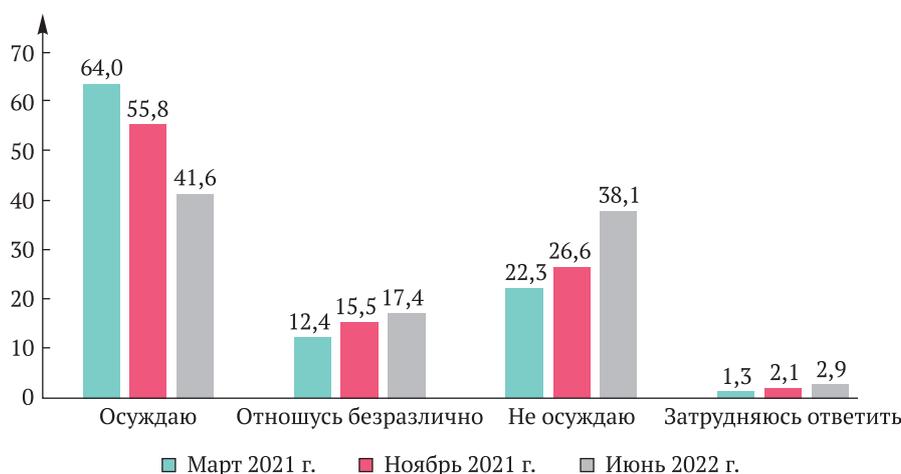

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы относитесь к людям, которые пренебрегают соблюдением социальной дистанции и не носят медицинскую маску в общественных местах?» – в 2021–2022 гг., %

Fig. 4. Distribution of respondents' answers to the question: «How do you feel about people who neglect social distancing and do not wear a mask in public places?» – in 2021–2022, %

Еще одной разновидностью антиковидных практик являются ограничительные практики. Их отличие от защитных антиковидных практик состоит в том, что они, будучи своеобразной дисциплинарной рамкой, предполагают не воспроизведение определенных действий, а минимизацию угрозы инфекции. К ним относятся ограничения на посещение общественных мест и торговых центров, использование общественного транспорта, встречи с друзьями, родственниками, а также с пожилыми людьми (наиболее подверженная рискам группа населения).

Динамика распространения таких практик весьма показательна для изучения изменения восприятия населением коронавирусной инфекции² (рис. 5). Так, пики популярности ограничительных практик были зафиксированы в мае и ноябре 2020 г. Од-

нако к июлю 2022 г. значения показателей их распространенности снизились. Интерес представляет снижение популярности ограничительных мер в октябре 2020 г., когда после летнего периода казалось, что пандемия идет на спад и пиковым этапом заражения являлась весна 2020 г. Однако реальное положение дел вело к большему распространению инфекции и новой волне заболеваемости. Кристаллизация подобных процессов в общественном сознании опосредована происходящими событиями, что подтверждается данными, полученными в ноябре 2020 г. Наблюдаемый в 2021 и 2022 гг. спад связан, с одной стороны, с опривычиванием пандемии, а с другой стороны, с постепенным нарастанием игнорирования проблем и опасностей, сопряженных с распространением COVID-19.

²Стоит отметить, что, поскольку с начала распространения инфекции представления о способах противостояния ей формировались относительно стихийно, в ходе опроса в 2020 г. данные об ограничении общения с друзьями и родственниками не собирались.

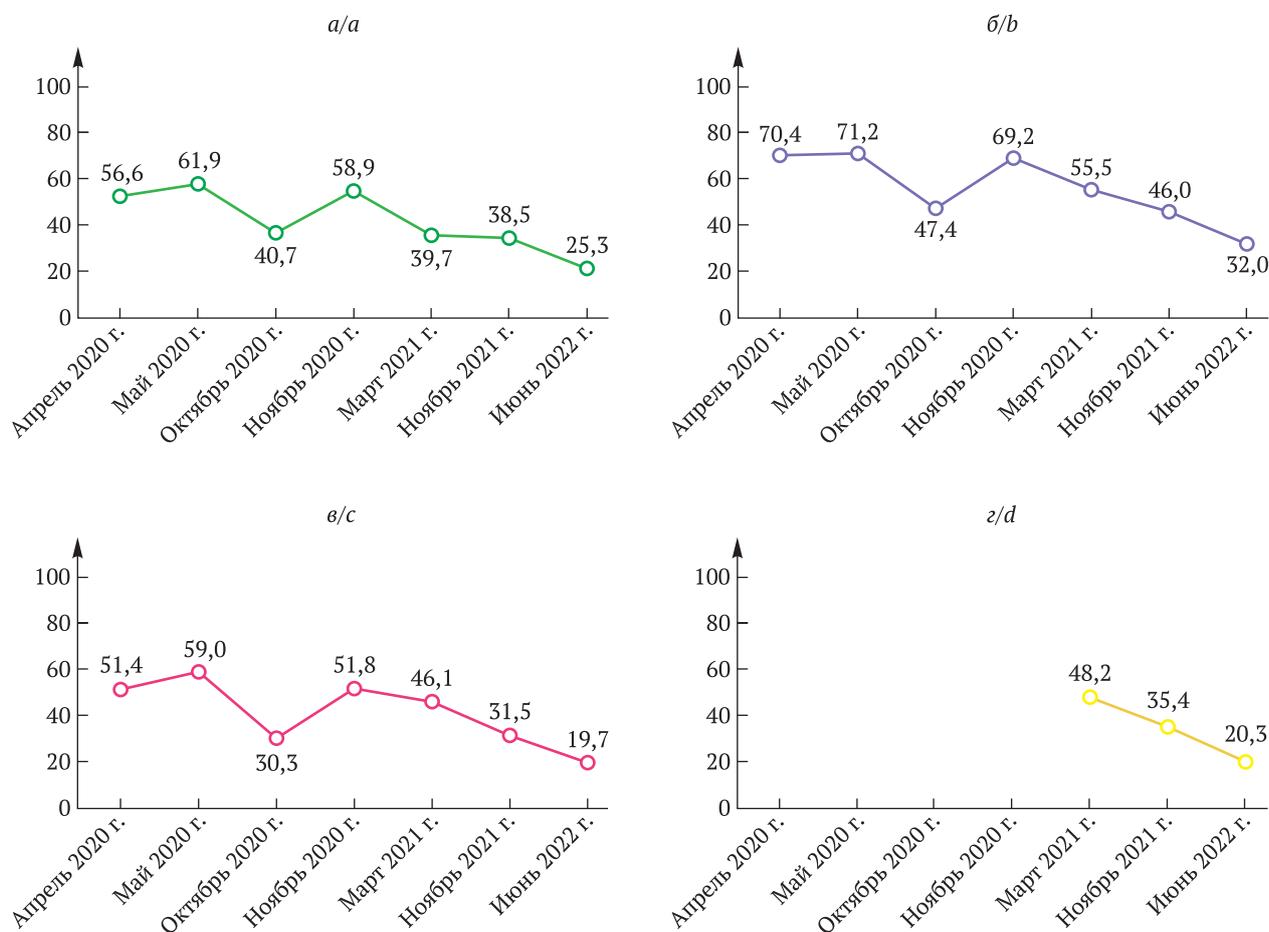

Рис. 5. Динамика распространенности практик по ограничению использования общественного транспорта (а), посещения торговых центров и досуговых мест (б), общению с пожилыми людьми (в), друзьями и родственниками (г) в 2020–2022 гг., %

Fig. 5. Dynamics of the prevalence of practices to limit the use of public transport (a), visits to shopping centers and leisure places (b), communication with older people (c), friends and relatives (d) in 2020–2022, %

Весной 2020 г. было сложно судить о том, какие последствия будет иметь распространение коронавирусной инфекции, как она повлияет на здоровье и благосостояние населения, а также о том, станут ли антиковидные меры частью повседневности. Безусловно, люди все реже обращают внимание на новостные сводки, посвященные COVID-19. Постепенно страны, в том числе Беларусь, отменяют ограничения касательно масочного режима, свободы перемещения между государствами и т. д. Однако в той или иной мере опыт, полученный в ходе пандемии, продолжает отражаться на жизни. Несмотря на значительный спад популярности антиковидных практик среди населения, даже в 2022 г. респонденты время от времени используют медицинские маски в общественных местах, а при симптомах заражения становятся более осторожными в социальных взаимодействиях.

Важной формой противостояния распространению COVID-19, помимо защитных и ограничи-

тельных практик, является вакцинация. Работа над созданием лекарственного препарата от коронавирусной инфекции началась практически сразу после выявления первых случаев заражения COVID-19 за пределами Китая. Уже летом 2020 г. первые образцы вакцины были готовы. В Беларуси представлено только несколько препаратов, а массовая вакцинация началась в апреле 2021 г., что также оказало определенное влияние на общественное мнение.

Динамика отношения белорусов к вакцинации выглядит не совсем однозначно (рис. 6). С одной стороны, уровень положительного отношения к вакцинации вырос: если в марте 2021 г. он составлял 43,7 %, то в июне 2022 г. – 57,5 %. С другой стороны, показатель позитивного отношения к вакцинации снизился на 5,2 %: если в ноябре 2021 г. он составил 62,7 %, то в июне 2022 г. – 57,5 %. В то же время уровень отрицательного отношения к вакцинации повысился на 6,3 %.

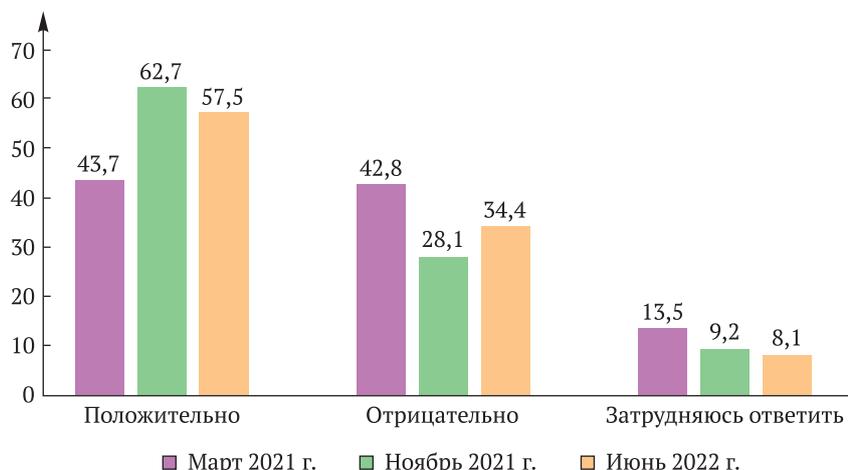

Рис. 6. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы относитесь к вакцинации от коронавирусной инфекции?» – в 2021–2022 гг., %

Fig. 6. Distribution of respondents' answers to the question: «How do you feel about coronavirus vaccination?» – in 2021–2022 гг., %

Так как лишь треть респондентов негативно относятся к вакцинации от COVID-19, можно предположить, что прививка от коронавирусной инфекции станет такой же регулярной, как прививка от гриппа.

Опыт Беларуси по борьбе с распространением коронавирусной инфекции считают успешным 71,8 % респондентов, тогда как 10,7 % опрошенных опреде-

ляют его как неуспешный. Затруднились с ответом 17,5 % белорусов. Значительная часть жителей республики (58,7 %) оценили эффективность работы системы здравоохранения по борьбе с COVID-19 высоко, 23,5 % опрошенных – нейтрально, 9,3 % респондентов – низко, а 8,5 % белорусов затруднились с ответом (рис. 7).

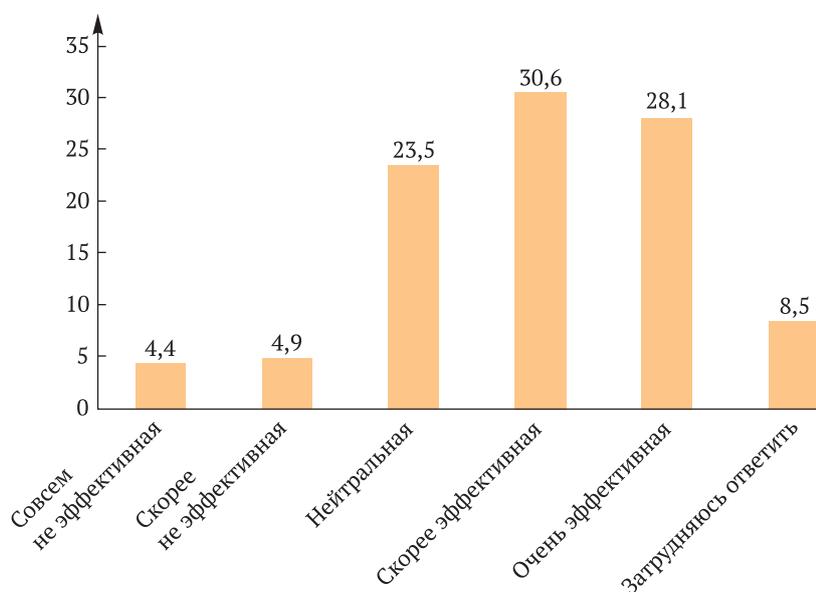

Рис. 7. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы оцениваете деятельность белорусской системы здравоохранения по борьбе с COVID-19?», %

Fig. 7. Distribution of respondents' answers to the question: «How do you rate the activity of the Belarusian healthcare system in the fight against COVID-19?», %

Нельзя сказать, что белорусы считают борьбу с коронавирусной инфекцией завершённой. В общественном сознании она по-прежнему воспринимается как феномен, который требует реакции

представителей власти и системы здравоохранения. В настоящее время 27,6 % респондентов считают распространение COVID-19 серьёзной проблемой. Несмотря на это, большая часть населения (54,1 %)

воспринимает коронавирусную инфекцию как сезонное заболевание наподобие острого респираторного заболевания и острой респираторной вирусной инфекции. Это связано с опривычиванием COVID-19, осознанием коронавирусной инфекции как нормальной (с точки зрения общераспространенности) части повседневной действительности.

Следует обратить внимание на то, что подобное восприятие несет определенный риск: недостаточное внимание к вакцинации при очередной вспышке распространения инфекции может привести к тревожным последствиям и возобновлению роста заболеваемости с летальными исходами или осложнениями.

Заключение

Угрозы, связанные с распространением коронавирусной инфекции, все меньше интересуют белорусов, о чем напрямую свидетельствует снижение уровня популярности защитных и ограничительных мер. Если в ноябре 2020 г. – марте 2021 г. антиковидные практики осознавались как общественная норма, то сейчас они перестают воспроизводиться. Этому способствует рутинизация пандемии, что отражается в оценках статуса COVID-19 как социаль-

ной проблемы. Однако рациональность восприятия необходимости защитных и ограничительных мер говорит о формировании некоторого социального иммунитета, способности противостоять потенциальным угрозам. Несмотря на это, беспокойство вызывает тот факт, что белорусы все реже обращаются к вакцинации, которая хоть и успела охватить значительную часть населения, но так и не смогла стать массовой и обязательной практикой.

Библиографические ссылки

1. Грак СС, Мятникова ИВ, Сахарова ЕВ. Особенности поведения населения Республики Беларусь в условиях распространения COVID-19: сравнительный анализ. В: Лазаревич АА, редактор. *Философия и вызовы современности: к 90-летию Института философии НАН Беларуси. Материалы Международной научной конференции. Том 2; 15–16 апреля 2021 г.; Минск, Беларусь.* Минск: Четыре четверти; 2021. с. 109–112.
2. Безнюк ДК. COVID-19: социально-политическая проекция. В: Безнюк ДК, редактор. *Социальное знание в современном обществе: проблемы, закономерности, перспективы. Материалы II Международной научно-практической конференции; 4–5 ноября 2021 г.; Минск, Беларусь.* Минск: Медисонт; 2021. с. 344–346.
3. Безнюк ДК. Эпидемия как вызов: опыт адаптации и преодоления в культурной ситуации. В: Лазаревич АА, редактор. *Философия и вызовы современности: к 90-летию Института философии НАН Беларуси. Материалы Международной научной конференции. Том 3; 15–16 апреля 2021 г.; Минск, Беларусь.* Минск: Четыре четверти; 2021. с. 14–17.
4. Безнюк ДК. Человеческий потенциал в период COVID-19. В: Берченко НГ, редактор. *Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития. Материалы XXII Международной научной конференции. Том 2; 21–22 октября 2021 г.; Минск, Беларусь.* Минск: Научно-исследовательский экономический институт Министерства экономики Республики Беларусь; 2021. с. 103–104.
5. Безнюк ДК. Социальные практики адаптации населения Беларуси к ситуации в обществе. В: Вінакурава СП, редактор. *Дзяржава і творчая асоба. Матэрыялы XII Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі; 16 красавіка 2021 г.; Мінск, Беларусь.* Мінск: Беларуская дзяржаўная акадэмія мастацтваў; 2021. с. 22–26.
6. Кудревич МА, Новицкий ЕВ, Сахарова ЕВ. Социальные практики населения Республики Беларусь в условиях распространения COVID-19. В: Шабунцова АА, Калачикова ОН, Морев МВ, Леонидова ГВ, Третьякова ОВ, редакторы. *Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы VI Международной научно-практической интернет-конференции. Часть 1; 29 марта – 2 апреля 2021 г.; Вологда, Россия.* Вологда: Вологодский научный центр РАН; 2021. с. 140–146.
7. Кудревич МА. Стратегии социальной адаптации населения Республики Беларусь в условиях распространения COVID-19. В: Безнюк ДК, редактор. *Социальное знание в современном обществе: проблемы, закономерности, перспективы. Материалы II Международной научно-практической конференции; 4–5 ноября 2021 г.; Минск, Беларусь.* Минск: Медисонт; 2021. с. 349–352.
8. Шкурова ЕВ, Новицкий ЕН, Кудревич МА. Характеристики и факторы формирования стратегий социальной адаптации к COVID-19 среди населения Республики Беларусь. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2022;1:96–103. DOI: 10.33581/2521-6821-2022-1-96-103.
9. Новицкий ЕН. Цифровизация в Республике Беларусь в контексте распространения COVID-19. В: Безнюк ДК, редактор. *Социальное знание в современном обществе: проблемы, закономерности, перспективы. Материалы II Международной научно-практической конференции; 4–5 ноября 2021 г.; Минск, Беларусь.* Минск: Медисонт; 2021. с. 355–357.
10. Сахарова ЕВ. Волонтерство как форма социальной активности в условиях COVID-19. В: Безнюк ДК, редактор. *Социальное знание в современном обществе: проблемы, закономерности, перспективы. Материалы II Международной научно-практической конференции; 4–5 ноября 2021 г.; Минск, Беларусь.* Минск: Медисонт; 2021. с. 360–362.
11. Шавердо ТМ. Пространственно-временная экспансия COVID-19: социологический аспект. В: Безнюк ДК, редактор. *Социальное знание в современном обществе: проблемы, закономерности, перспективы. Материалы II Международной научно-практической конференции; 4–5 ноября 2021 г.; Минск, Беларусь.* Минск: Медисонт; 2021. с. 370–371.

References

1. Grak SS, Myatnikova IV, Sakharava KV. [Features of the behaviour of the population of the Republic of Belarus in the context of the spread of COVID-19: a comparative analysis]. In: Lazarevich AA, editor. *Filosofiya i vyzovy sovremennosti: k 90-letiyu Instituta filosofii NAN Belarusi. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Tom 2; 15–16 aprelya 2021 g.;*

Minsk, Belarus' [Philosophy and challenges of our time: to 90th anniversary of the Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus. Proceedings of the International scientific conference. Volume 2; 2021 April 15–16; Minsk, Belarus]. Minsk: Four quarters; 2021. p. 109–112. Russian.

2. Beznyuk DK. [COVID-19: socio-political projection]. In: Beznyuk DK, editor. *Sotsial'noe znanie v sovremennom obshchestve: problemy, zakonomernosti, perspektivy. Materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 4–5 noyabrya 2021 g.; Minsk, Belarus'* [Social knowledge in modern society: problems, patterns, prospects. Proceedings of the 2nd International scientific and practical conference; 2021 November 4–5; Minsk, Belarus]. Minsk: Medisont; 2021. p. 344–346. Russian.

3. Beznyuk DK. [Epidemic as a challenge: the experience of adaptation and overcoming in a cultural situation]. In: Lazarevich AA, editor. *Filosofiya i vyzovy sovremennosti: k 90-letiyu Instituta filosofii NAN Belarusi. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Tom 3; 15–16 aprelya 2021 g.; Minsk, Belarus'* [Philosophy and challenges of our time: to 90th anniversary of the Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus. Proceedings of the International scientific conference. Volume 3; 2021 April 15–16; Minsk, Belarus]. Minsk: Four quarters; 2021. p. 14–17. Russian.

4. Beznyuk DK. [Human potential in the period of COVID-19]. In: Berchenko NG, editor. *Problemy prognozirovaniya i gosudarstvennogo regulirovaniya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya. Materialy XXII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Tom 2; 21–22 oktyabrya 2021 g.; Minsk, Belarus'* [Problems of forecasting and state regulation of socio-economic development: Proceedings of the 22nd International scientific conference. Volume 2; 2021 October 21–22; Minsk, Belarus]. Minsk: Economy Research Institute of the Ministry of Economy of the Republic of Belarus; 2021. p. 103–104. Russian.

5. Beznyuk DK. [Social practices of adaptation of the population of Belarus to the situation in society]. In: Vinakurava SP, editor. *Dzjarzhava i tvorchaja asoba. Matjerjaly XII Mizhnarodnaj navukova-praktychnaj kanferjency; 16 krasavika 2021 g.; Minsk, Belarus'* [State and creative person. Proceedings of the 12th International scientific and practical conference; 2021 October 16; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State Academy of Arts; 2021. p. 22–26. Russian.

6. Kudrevich MA, Navitsky YaV, Sakharova KV. Social practices of the population of the Republic of Belarus in conditions for the spread of COVID-19. In: Shabunova AA, Kalachikova ON, Morev MV, Leonidova GV, Tret'yakova OV, editors. *Global'nye vyzovy i regional'noe razvitie v zerkale sotsiologicheskikh izmerenii. Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi internet-konferentsii. Chast' 1 ; 29 marta – 2 aprelya 2021 g.; Vologda, Rossiya* [Global challenges and regional development in the mirror of sociological measurements. Proceedings of the 6th International scientific and practical Internet conference. Part 1; 2021 March 29 – April 2; Vologda, Russia]. Vologda: Vologda Research Centre of the Russian Academy of Sciences; 2021. p. 140–146. Russian.

7. Kudrevich MA. [Strategies for social adopting the population of the Republic of Belarus in the context of the spread of COVID-19]. In: Beznyuk DK, editor. *Sotsial'noe znanie v sovremennom obshchestve: problemy, zakonomernosti, perspektivy. Materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 4–5 noyabrya 2021 g.; Minsk, Belarus'* [Social knowledge in modern society: problems, patterns, prospects. Proceedings of the 2nd International scientific and practical conference; 2021 November 4–5; Minsk, Belarus]. Minsk: Medisont; 2021. p. 349–352. Russian.

8. Shkurova AV, Navitsky YaN, Kudrevich MA. Characteristics and formation factors of strategies for social adaptation to COVID-19 among the population of the Republic of Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2022;1: 96–103. Russian. DOI: 10.33581/2521-6821-2022-1-96-103.

9. Navitsky YaN. [Digitalisation in the Republic of Belarus in the context of the spread of COVID-19]. In: Beznyuk DK, editor. *Sotsial'noe znanie v sovremennom obshchestve: problemy, zakonomernosti, perspektivy. Materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 4–5 noyabrya 2021 g.; Minsk, Belarus'* [Social knowledge in modern society: problems, patterns, prospects. Proceedings of the 2nd International scientific and practical conference; 2021 November 4–5; Minsk, Belarus]. Minsk: Medisont; 2021. p. 355–357. Russian.

10. Sakharova KV. [Volunteering as a form of social activity in the context of COVID-19]. In: Beznyuk DK, editor. *Sotsial'noe znanie v sovremennom obshchestve: problemy, zakonomernosti, perspektivy. Materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 4–5 noyabrya 2021 g.; Minsk, Belarus'* [Social knowledge in modern society: problems, patterns, prospects. Proceedings of the 2nd International scientific and practical conference; 2021 November 4–5; Minsk, Belarus]. Minsk: Medisont; 2021. p. 360–362. Russian.

11. Shaverdo TM. [Spatial and temporal expansion of COVID-19: sociological aspect]. In: Beznyuk DK, editor. *Sotsial'noe znanie v sovremennom obshchestve: problemy, zakonomernosti, perspektivy. Materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 4–5 noyabrya 2021 g.; Minsk, Belarus'* [Social knowledge in modern society: problems, patterns, prospects. Proceedings of the 2nd International scientific and practical conference; 2021 November 4–5; Minsk, Belarus]. Minsk: Medisont; 2021. p. 370–371. Russian.

ЮБИЛЕИ

JUBILEES

Лариса Григорьевна
ТИТАРЕНКО

Larissa Grigor'evna
TITARENKO

Лариса Григорьевна Титаренко, известный белорусский ученый-социолог, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, 11 марта отметила юбилей.

Профессора Л. Г. Титаренко хорошо знают в родной Беларуси и далеко за рубежом как профессионала самого высокого уровня, специалиста в области теории, методологии и истории социологии, исследования общественного мнения и гендерных проблем, а также социологии образования. Как и многие отечественные социологи, свою профессиональную деятельность Лариса Григорьевна начинала с изучения проблем молодежи. В рамках именно этой области знаний состоялось ее первое участие в Международном социологическом конгрессе в 1982 г. Позднее она начала разрабатывать вопросы гендерной социологии (подготовила одно из первых в Беларуси учебных пособий на эту тему), с помощью социологических методов изучать проблематику распространения СПИДа. Благодаря неустанной работе, активному участию в научной

жизни профессор Л. Г. Титаренко де-факто стала представителем белорусской социологической школы в мировом научном сообществе.

Трудовая биография Л. Г. Титаренко тесно связана с БГУ. В 1970 г. после окончания с отличием средней школы № 84 в Минске она поступила на отделение философии исторического факультета БГУ имени В. И. Ленина. За отличную учебу прилежная студентка была удостоена стипендии имени Карла Маркса. В 1975 г. она была принята в аспирантуру на кафедру философии гуманитарных факультетов, которую успешно окончила в 1978 г., защитив кандидатскую диссертацию по проблемам технократизма в западной социальной философии (научный руководитель – доктор философских наук, профессор Г. П. Давидюк).

С 1978 г. Лариса Григорьевна полностью посвятила себя научно-педагогической работе в БГУ. После успешного окончания аспирантуры подающий большие надежды ученый работала в секторе прикладной социологии при кафедре философии. В декабре 1980 г. она стала доцентом этой кафедры,

где читала курсы лекций по социологии для студентов. В 1984 г. Л. Г. Титаренко была переведена на кафедру этики, эстетики и научного атеизма. После образования кафедры социологии в 1989 г. Лариса Григорьевна стала работать доцентом на этой кафедре и поступила в докторантуру (1989–1992). В декабре 1992 г. Л. Г. Титаренко защитила докторскую диссертацию на тему «Технократические концепции: структурно-функциональный подход» (научный консультант – доктор философских наук, профессор Г. Н. Соколова). В марте 1993 г. ей была присуждена ученая степень доктора социологических наук, а в 1995 г. присвоено ученое звание профессора. С 1993 г. Лариса Григорьевна работает на кафедре социологии факультета философии и социальных наук БГУ в должности профессора.

Профессор Л. Г. Титаренко – известный в мире ученый, член Международной социологической ассоциации, Международного института социологии, Белорусского общественного объединения «Социологическое общество», Российского общества социологов, Международного общества социологов религии, почетный член Нидерландского института по социальным и гуманитарным наукам и Международного общества образования. Она является активным участником международных научных конгрессов по социальным наукам, стипендиатом программы Фулбрайта (Сиракузы, 1994). Лариса Григорьевна стажировалась в ряде научных учреждений России, Нидерландской королевской академии социальных наук и искусств (Вассенаар, 1996), Международном научном центре Вудро Вильсона (Вашингтон, 1998–1999), Шведском коллегииуме перспективных исследований (Уппсала, 2006). Она

преподавала социологию в США и Польше, читала лекции во многих вузах США (в том числе в Корнельском университете и Гарвардском университете) и Западной Европы. Л. Г. Титаренко участвует в совместных проектах дистанционного обучения социологии (в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова и Университете штата Нью-Йорк). Кроме того, Лариса Григорьевна является участником ряда международных научно-исследовательских проектов (на тему европейских ценностей, социализации молодежи, социальных движений, социологии города, проблем качества жизни, приграничья), координатором и руководителем нескольких белорусских и международных исследований (включая ИНТАС).

Л. Г. Титаренко – автор и соавтор более 600 работ, опубликованных на восьми языках, в том числе монографий, учебников и учебных пособий. Она имеет один из самых высоких рейтингов цитирования среди белорусских гуманитариев. Лариса Григорьевна много времени уделяет работе со студентами, подготовке кадров высшей научной квалификации. Она является лауреатом премии имени В. И. Пичеты в области социальных и гуманитарных наук (2009), заслуженным работником БГУ (2013), награждена медалью Франциска Скорины (2019).

Дорогая Лариса Григорьевна, белорусские социологи, друзья и коллеги поздравляют Вас с юбилеем! Желаем Вам здоровья, бодрости духа и радости жизни еще на долгие годы. Ждем от Вас новых интересных публикаций, в том числе в нашем журнале.

*А. Н. Данилов*¹

¹Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

Анатолий Владимирович РУБАНОВ

Anatolii Vladimirovich RUBANOV

Анатолию Владимировичу Рубанову, известному белорусскому философу и социологу, ведущему специалисту в области теории, методологии и истории социологии, доктору социологических наук, профессору кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета исполнилось 65 лет. Сфера его научных интересов широка и включает исследования проблем трансформации современного общества, развития городской среды, ценностной перезагрузки, формирования жизненных смыслов и мотивов деятельности человека.

Анатолий Владимирович родился 17 февраля 1958 г. в Минске. Он профессионально занимался спортом, а после окончания философского отделения исторического факультета БГУ (1981) преподавал в родной альма-матер. Срочную службу А. В. Рубанов проходил в Военно-морском флоте СССР. С 1985 г. он работал старшим научным сотрудником в Минском институте культуры, а с 1988 г. – в Институте философии и права Академии наук БССР, на базе которого в 1990 г. был создан Институт социологии Академии наук БССР. В стенах академии А. В. Рубанов проработал до 2002 г.

Анатолий Владимирович успешно работает в науке и образовании. В 1988 г. он защитил кандидатскую диссертацию по философии на тему «Творческая активность молодого инженера в условиях научно-технического прогресса» (научный руководитель – академик Е. М. Бабосов), в 1994 г. – докторскую диссертацию по социологии на тему «Социальный субъект: мотивы и деятельность» (научный консультант – академик Е. М. Бабосов). В 1999–2006 гг. А. В. Рубанов занимал должность первого заместителя директора Минского научно-исследовательского института социально-экономических и политических проблем Мингорисполкома. В 2002–2003 гг. под его руководством велась разработка стратегического

плана устойчивого развития Минска на период до 2020 г. В феврале 2006 г. Анатолий Владимирович был назначен на должность декана факультета философии и социальных наук БГУ. С февраля 2016 г. он работает профессором кафедры социологии на этом же факультете.

Профессор А. В. Рубанов – автор более 300 научных работ, в том числе монографий «Социальный субъект: мотивы и деятельность» (1994), «Социальное развитие: энерго-институциональный подход» (1994), «Механизмы массового поведения» (2000), «К новой стратегии социального развития» (2002), «Социология массового поведения» (2011), «Основы теоретической социологии» (2018), «Социология творчества» (2022), «Мудрость жизни: история поиска» (2022), статей в отечественных и зарубежных журналах, разделов в коллективных монографиях, учебниках и учебных пособиях. В 2023 г. выйдет объемная работа юбиляра «Современная социология». С 2007 г. Анатолий Владимирович является главным редактором издания «Философия и социальные науки» (с 2017 г. – «Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология»).

Профессор А. В. Рубанов много времени уделяет учебно-методической работе, подготовке будущих специалистов, молодых ученых и преподавателей. Он долгое время возглавлял экспертный совет Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь по социологическим наукам, в настоящее время является председателем докторского совета по защите диссертаций по философским наукам. Также он входит в состав докторского совета по социологическим наукам при БГУ.

Анатолий Владимирович является членом совета факультета философии и социальных наук БГУ, возглавляет секцию учебно-методического объединения по социологическим наукам, входит в состав

редакционных коллегий научных изданий Беларуси и стран ближнего зарубежья. Профессор А. В. Рубанов удостоен звания «Отличник образования Республики Беларусь», неоднократно награждался почетными грамотами БГУ. Он отзывчив, трудолюбив, внимателен к людям, заслуженно пользуется высоким авторитетом среди научной общественности, коллектива университета, студентов.

Дорогой Анатолий Владимирович, белорусские гуманитарии, сотрудники БГУ и Национальной академии наук Беларуси, друзья, коллеги, ученики поздравляют Вас с юбилеем! Примите искренние пожелания здоровья, бодрости духа и новых творческих успехов!

*А. Н. Данилов*¹

¹*Александр Николаевич Данилов* – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

TO THE MEMORY OF SCIENTIST

**Андрей Анатольевич
ЗЛОТНИКОВ**
**Andrei Anatol'evich
ZLOTNIKOV**

Неожиданно и безвременно 7 марта 2023 г. в расцвете сил ушел из жизни талантливый белорусский социолог Андрей Анатольевич Злотников. Ему шел всего 53-й год...

Андрей Анатольевич родился 27 апреля 1970 г. в Ленинграде в семье известных социологов Анатолия Геннадьевича и Лидии Михайловны Злотниковых. В 1994 г. он окончил социологическое отделение философско-экономического факультета Белорусского государственного университета.

А. А. Злотников имел богатый трудовой опыт: работал специалистом по маркетингу КМП «Галактика» (Гомель), главным экономистом ООО «Зевс» (Гомель), ведущим специалистом секретариата Гомельского областного Совета депутатов, исполняющим обязанности председателя Приборского сельского исполнительного комитета Гомельского района, преподавателем, старшим преподавателем, доцентом кафедры «Философия и социология» гуманитарного факультета Гомельского государственного технического университета имени П. О. Сухого,

доцентом кафедры политологии и социологии юридического факультета Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины, а также заместителем декана этого факультета.

А. А. Злотников успешно занимался социологической деятельностью, пользовался заслуженным авторитетом в профессиональном сообществе, неоднократно участвовал в научных проектах в рамках республиканских и международных грантов. В 2008 г. Андрей Анатольевич защитил кандидатскую диссертацию по социологическим наукам на тему «Специфика функционирования и роль спорта в условиях социокультурных трансформаций (социологический анализ)» (научный руководитель – доктор социологических наук, профессор С. А. Шавель) в Институте социологии Национальной академии наук Беларуси, получил звание доцента.

В декабре 2019 г. А. А. Злотников был избран депутатом Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь (Центральный избирательный округ № 33 г. Гомеля), работал в Постоянной

комиссии Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь по образованию, культуре и науке.

Андрей Анатольевич активно взаимодействовал с избирателями своего округа, посещал предприятия и организации. Талантливого социолога приглашали на должность директора Института социологии Национальной академии наук Беларуси, но болезнь не позволила принять такое предложение.

Андрей Анатольевич всегда занимал позицию активного и целеустремленного человека, проявлял себя как надежный друг, был прекрасным семьянином, любящим мужем и отцом двух дочерей.

Скорбим вместе с родными и близкими Андрея Анатольевича, со всеми, кто с ним шел по жизни, учился, работал и общался.

А. Н. Данилов¹, Д. Г. Ротман²

¹Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

²Давид Генрихович Ротман – доктор социологических наук, профессор; директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета.

David G. Rotman, doctor of science (sociology), full professor; director of the Centre for Sociological and Political Studies, Belarusian State University.

E-mail: dgrotman@rambler.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>Титаренко Л. Г.</i> Кризисные тенденции в развитии социологической теории.....	4
<i>Семерник С. З.</i> Динамика идеи государственности в условиях современных культурных трансформаций.....	10
<i>Баньковская Ю. Л.</i> Сетевая война как форма эскалации противоречий в современном обществе....	17

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

<i>Щербин В. К.</i> Роль современной технонауки в преодолении глобального техногуманитарного дисбаланса	23
<i>Неделевская И. Г.</i> Парадокс эффекта Матфея в науке и его социологическое решение.....	33
<i>Данилов А. Н.</i> Ценностный потенциал книги в формировании образа будущего	40

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

<i>Кучко Е. Е.</i> Методологические основания использования триангуляции в социологических исследованиях.....	46
<i>Яковлева И. А.</i> Дополнительное образование детей и молодежи как социосфера развития креативного потенциала общества.....	53
<i>Похомова А. А.</i> Альтруизм и эгоизм в мотивации волонтерской деятельности	64

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

<i>Волнистая М. Г.</i> Академическая образовательная система как объект социологического изучения.....	71
<i>Кузьмин С. В.</i> Использование цифровых технологий в системе высшего образования: отношение студентов.....	82
<i>Кудревич М. А., Сахарова Е. В., Шкурова Е. В.</i> Беларусь и COVID-19: опыт социологического изучения.....	91

ЮБИЛЕИ

Лариса Григорьевна Титаренко	100
Анатолий Владимирович Рубанов	102

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

Андрей Анатольевич Злотников	104
--	-----

CONTENTS

ARTICLES AND REPORTS

<i>Titarenko L. G.</i> Crisis trends in development of sociological theory	4
<i>Semernik S. Z.</i> The dynamics of the idea of statehood in the context of modern cultural transformations	10
<i>Bankouskaya Y. L.</i> Network war as a form of contradictions escalation in modern society	17

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

<i>Shcherbin V. K.</i> The role of contemporary technoscience in overcoming of the global techno-humanitarian disbalance	23
<i>Nedelevskaya I. G.</i> The paradox of the Matthew effect in science and its sociological solution	33
<i>Danilov A. N.</i> The value potential of the book in forming the future image.....	40

REFLECTION ON A GIVEN THEME

<i>Kuchko E. E.</i> Methodological basis of using triangulation in sociological research	46
<i>Yakovleva I. A.</i> Non-formal education of children and youth as a sociosphere of developing the creative potential of society.....	53
<i>Pokhomova A. A.</i> Altruism and egoism in the motivation of volunteering.....	64

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

<i>Volnistaya M. G.</i> Academic education system as an object of sociological study	71
<i>Kuzmin S. V.</i> Use of digital technologies in the higher education system: student attitude	82
<i>Kudrevich M. A., Sakharava K. V., Shkurova A. V.</i> Belarus and COVID-19: the experience of sociological research	91

JUBILEES

Larissa Grigor'evna Titarenko	100
Anatolii Vladimirovich Rubanov	102

TO THE MEMORY OF SCIENTIST

<i>Andrei Anatol'evich Zlotnikov</i>	104
--	-----

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по социологическим, политическим и философским наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), China National Knowledge Infrastructure.

**Журнал Белорусского
государственного университета. Социология.
№ 1. 2023**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jsociol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Социология» издается с сентября 1997 г.
До 2017 г. выходил под названием «Социология»
(ISSN 2071-0968).

Редакторы *Е. В. Жерносек, М. И. Дикун*
Технический редактор *Д. Ф. Когут*
Корректор *А. С. Горгун*

Подписано в печать 31.03.2023.

Тираж 110 экз. Заказ 60.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского
государственного университета».
ЛП № 02330/117 от 14.04.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, г. Минск.

© БГУ, 2023

**Journal
of the Belarusian State University. Sociology.
No. 1. 2023**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jsociol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Journal of the Belarusian State University. Sociology»
published since September 1997.
Until 2017 named «Sotsiologiya»
(ISSN 2071-0968).

Editors *E. V. Zhernosek, M. I. Dikun*
Technical editor *D. F. Kogut*
Proofreader *A. S. Gorgun*

Signed print 31.03.2023.

Edition 110 copies. Order number 60.

Republic Unitary Enterprise
«Publishing Center of the Belarusian State University».
License for publishing No. 02330/117, 14 April, 2014.
6 Čyrvonaarmiejskaja Str., Minsk 220030.

© BSU, 2023